

ИСЛАМ

НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

под редакцией
Ислама Текушева
и **Кирилла Шевченко**

ПРАГА, Medium Orient, 2011

**ИСЛАМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

под редакцией Ислама Текушева
и Кирилла Шевченко

**ПРАГА, Medium Orient
2011**

Ислам на Северном Кавказе: история и современность
под редакцией Ислама Текушева и Кирилла Шевченко
Прага, Medium Orient, 2011

ISBN 978-80-903523-8-4

Со времени распада СССР в 1991 г. и появлением независимого российского государства Северный Кавказ относится к наиболее проблемным регионам России. Являющийся сложным и противоречивым социокультурным организмом, Северный Кавказ особенно чутко и болезненно реагирует на все переживаемые Россией вызовы и проблемы. В последнее время все более распространенным способом проявления усиливающегося в северокавказском регионе социального и этнокультурного неблагополучия становится ислам. Предлагаемая книга содержит разносторонний анализ исторической роли и современного значения ислама на Северном Кавказе. Отдельный раздел книги посвящен отношению населения северокавказских республик России к исламу и к другим распространенным в регионе конфессиям.

© Medium Orient, 2011
www.caucasustimes.com

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Шевченко К., Текушев И. Ислам на Северном Кавказе: орудие возрождения традиций или инструмент конструирования новой социокультурной реальности? 5

РАЗДЕЛ I

ИСЛАМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ИСТОРИЯ

1. *Роцин М.* Из истории ислама в Дагестане 13
2. *Роцин М.* Дагестан – земля суфийских шейхов 20
3. *Роцин М.* Из истории ислама на Северном Кавказе: ваххабиты 23
4. *Роцин М.* Из истории ислама в Чечне 28
5. *Роцин М.* Ислам в Чечне в эпоху Дудаева 40
6. *Мукожжев А.* Ислам по-кабардински: прошлое, настоящее, будущее 44
7. *Роцин М., Лункин Р.* Мусульмане в Кабардино-Балкарской Республике 51
8. *Филатов С.* Ислам в Адыгейской Республике 65
9. *Филатов С., Лункин Р.* Ислам в Карачаево-Черкесии и Ставропольском крае 72
10. *Роцин М.* Мусульмане Северной Осетии 82

РАЗДЕЛ II

ИСЛАМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: СОВРЕМЕННОСТЬ

1. *Роцин М.* Имарат Кавказ: штрихи к виртуальной и реальной истории 87
2. *Текушев И.* Негодные рецепты для Ингушетии 102
3. *Маркедонов С.* Ингушская интифада 105

4. Кажаров А., Текушев И. Кабардино-Балкария: перерождение радикального исламского подполья	112
5. Текушев И. Охота на религиозных деятелей или стрельба по традиционному исламу	143
6. Текушев И. Альтернативная власть или шариат выше российских законов	152
7. Текушев И. Кремлевский апартеид на Северном Кавказе	156
9. Темиров М. Кабардино-Балкария: этот смутный объект джихада	160
10. Черниенко Т. Опасная игра терминов и ее последствия	164
11. Текушев И. Капкан для Каноква	172
12. Маркедонов С. Северный Кавказ–2010: между нестабильным прошлым и неясным будущим	180

РАЗДЕЛ III

ИСЛАМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

1. Текушев И., Шевченко К. Ислам на Северном Кавказе: социологическая ретроспектива	189
2. Текушев И., Шевченко К. Опрос в Грозном, Чечня, апрель–май 2010 года: 81% опрошенных считают, что ислам играет большую роль в их жизни	195
3. Текушев И., Шевченко К. Опрос в Нальчике, Кабардино-Балкария, май 2010 года: 36% опрошенных каждый день совершают молитву	201
4. Текушев И., Шевченко К. Опрос в Назрани, Ингушетия, май 2010 года: 80% удовлетворены соблюдением прав мусульман в Ингушетии	207
5. Текушев И., Шевченко К. Опрос в Махачкале, Дагестан, август 2010 года: 90% отрицательно относятся к ваххабизму	213
6. Текушев И., Шевченко К. Опрос в Черкесске, Карачаево-Черкесия, сентябрь 2010 года: 32% не удовлетворены соблюдением прав мусульман в Карачаево-Черкесии	220

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Текушев И., Шевченко К. Исламский фактор и судьба Северного Кавказа: некоторые итоги	226
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	232
---------------------------	-----

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

ИСЛАМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ОРУДИЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ ТРАДИЦИЙ ИЛИ ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ НОВОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ?

Кирилл ШЕВЧЕНКО, Ислам ТЕКУШЕВ

Основательно забытые ныне классики марксизма-ленинизма уничижительно отзывались о любой религии как об «опиуме для народа», усматривая в религиозных верованиях одно из досадных препятствий на пути человечества в счастливое будущее. Тем не менее классики признавали колоссальную роль религии как важного социального института, не только эффективно регулирующего социальные и нравственные отношения в обществе, но и выражающего существующие в данную эпоху ценности.

К основным функциям религии принято относить мировоззренческую, интегративную, регулятивную и компенсаторную функции, роль и значение которых меняется в зависимости от исторического контекста и особенностей той или иной эпохи. Религия как особая форма общественного сознания, представляющая собой совокупность духовных

представлений и ценностей, актуализируется и начинает играть особенно важную роль во времена потрясений и кризисов, когда традиционные представления о добре и зле, о цели и смысле жизни подвергаются кардинальному переосмыслению и переоценке. Если в Европе примерами решающего влияния конфессионального фактора на изменение социальных и духовных устоев общества являются гуситское движение в Чехии или реформация, то на Кавказе наиболее ярким примером можно считать освободительное движение горцев середины XIX века, которое в русской историографии получило название «мюридизм».

Политические и социально-экономические катаклизмы, потрясшие Россию после распада СССР в 1991 году, резко усилили роль религии, которая оказалась востребованной значительной частью населения, страдающего от духовного вакуума и занятого поисками мировоззренческой альтернативы ценностям агрессивно насаждаемого в нынешней России общества потребления, живущего по законам откровенного социал-дарвинизма. Поскольку на Северном Кавказе все негативные процессы, характерные для России в целом, приобрели особенно острый, болезненный и затяжной характер, роль конфессионального фактора проявляется здесь более явственно, зримо и, вместе с тем, сложно и неоднозначно.

Культивируемые в современной России ценности общества потребления и лозунги социал-дарвинизма труднее и болезненнее всего приживаются на Северном Кавказе в силу местных традиций и особенностей менталитета. Навязываемые рекламой и средствами массовой информации высокие и заведомо недостижимые стандарты потребления в страдающем от безработицы и прочих острых социальных проблем регионе питают протестные настроения прежде всего среди молодежи. Это находит свое выражение в падении доверия к властям и в общем росте религиозного экстремизма. Примечательно, что лексика откровенного социал-дарвинизма и примитивного экономизма нередко звучит из уст высших представителей российской власти. Так, глава образованного в начале 2010 года нового Северо-Кавказского федерального округа А. Хлопонин в интервью газете «Известия» в январе 2010 года сравнил Северный Кавказ с «сейфом», к которому нужно просто подобрать правильный ключ, что, по его мнению, позволит решить все проблемы. Данное сравнение ярко характеризует как систему ценностей и вектор мышления высшего россий-

ского чиновника, так и его отношение к вверенному в его управление региону. На этом фоне весьма красноречивым выглядит то обстоятельство, что к числу самых острых проблем северокавказского региона местное население постоянно относит социально-экономические проблемы (75% опрошенных) и проблему безопасности (58% опрошенных)¹. Именно эти цифры были получены в ходе социологических опросов в столицах северокавказских республик, проведенных информационным агентством Caucasus Times в 2004–2006 годах.

Тяжелая социально-экономическая ситуация в северокавказском регионе является производной от действий не только федеральных, но и местных республиканских властей. По мнению ряда экспертов, капитализм на Северном Кавказе и в России в целом «не только не решил проблему вывода ряда отраслей экономики из теневого сектора, но и загнал их еще глубже в этот самый сектор, ставший куда более агрессивным и криминальным, чем в советские времена. Неслыханный размах приобрело воровство бюджетных средств на всех уровнях – от республиканских властей до крошечного госпредприятия... Трагический сюрреализм северокавказской экономики состоит в том, что ее государственная составляющая стала едва ли не самой криминализованной сферой. Местные власти непосредственно заинтересованы в поддержании высокого уровня дотационности своих республик. Модель иждивенческой экономики выгодна нынешним правящим элитам региона, ибо она дает им мощные финансовые и иные рычаги для укрепления собственных позиций...»²

«Активно пропагандируемая в нынешней России западная либеральная система ценностей, благословляющая свободную конкуренцию между людьми за место под солнцем, оказалась в значительной мере контрпродуктивной, спровоцировав на Северном Кавказе «возрождение деструктивных социально-культурных кодов и поведенческих норм, принятых в патриархально-родовую эпоху, – полагают В. Дегоев и Р. Ибрагимов. – Наиболее порочные заимствования у Запада дали

1 И. Текушев. Северный Кавказ: взгляд изнутри. Северный Кавказ в зеркале общественного мнения 2004–2006. Прага, 2007. С. 6–7.

2 В. Дегоев, Р. Ибрагимов. Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию. М., 2006. С. 16.

на северокавказской почве буйные всходы, в том числе в виде нового издания старого кодекса кавказского молодечества: воровать у чужих не стыдно, а украсть миллионы средь бела дня и ни от кого не таиться – это уже джигитовка высшего класса»³.

В этих условиях именно ислам выступает в качестве основного инструмента выражения протестных настроений и социального недовольства среди молодежи. Так, по словам Гейдара Джемала, одного из создателей Исламской партии возрождения в России, «сегодня ислам выступает не как религия в традиционном понимании этого слова, но как всеобъемлющая политическая идеология, защищающая слабых и угнетенных». При этом молодые приверженцы ислама на Северном Кавказе, воспринимающие его как «политическую идеологию» и орудие борьбы за свои социальные интересы, бросают вызов лояльным власти исламским традиционалистам, отвергая их конфессиональную легитимность и право представлять «истинный» ислам. Данное противоборство радикализуется и обостряется, приобретая насильственные формы и усиливая и без того колоссальный конфликтный потенциал на Северном Кавказе. Недавнее убийство муфтия Кабардино-Балкарии А. Пшихачева, потрясшее общественность республики, – яркий тому пример. Всего же с 1998 года экстремисты на Северном Кавказе совершили более 30 покушений на исламских религиозных деятелей в регионе.

Другое обстоятельство, стимулирующее население Северного Кавказа обращать свои взоры к исламу, – крайне проблемные межэтнические отношения в современной Российской Федерации. По мнению многих авторитетных этнологов и социологов, в нынешней России имеет место не «плавильный котел», объединяющий многочисленные этносы России в единую общероссийскую политическую нацию, а наоборот, процесс атомизации и отчуждения между этносами, идентичность которых начинает строиться не на общегражданских ценностях, а на взрывоопасных мифах этноцентризма и на поисках врага. Так, среди протестных надписей на подмосковных заборах по пути следования подмосковных электричек в последние годы доминируют такие агрес-

3 В. Дегоев, Р. Ибрагимов. Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию. М., 2006. С. 18.

сивные лозунги с ярко выраженной этнической окраской, как «Россия – для русских» и «Бей хачей!». Вместе с тем в северокавказских республиках «в целом ряде учебных материалов по истории народов Кавказа, предназначенных для школьников и студентов, целенаправленно культивируются националистические идеи, а также антирусское и антироссийское видение исторических сюжетов... Формируется некая параллельная, этноцентричная система образования и воспитания, постепенно вытесняющая общефедеральные учебные программы в области гуманитарных дисциплин»⁴.

Изрядную лепту в ухудшение межэтнических отношений в России вносят российские СМИ, зачастую выступающие в роли откровенных провокаторов, формирующих, укрепляющих и транслирующих отрицательные этнические стереотипы. По мнению некоторых специалистов в области политической коммуникации, «десятилетнее молчание российских средств массовой информации о том, что жители Чечни – граждане России, способствовало укоренению представлений об этой войне как не гражданской, а о самой республике – как о другой стране... Подобные взгляды, при своем массовом тиражировании разрушающие не только единство информационного пространства государства, но и его территориальную целостность, были свойственны, к сожалению, и отечественным политикам...»⁵. По словам одного из экспертов в области СМИ, понятие «кавказцы» имеет сейчас устоявшийся двойной смысл – «денотативный, указывающий на место происхождения, и коннотативный, связанный с изменившимся в 1990-е годы восприятием Кавказа в массовом сознании, которое подпитывалось давними комплексами, генетикой застарелых обид и стереотипов, а также повсеместно тиражируемым словосочетанием «лицо кавказской национальности», под которым подразумевается «не наш», «чужак», часто неприятель»⁶.

4 Там же. С. 28.

5 Г. Манаенко. «Образ Кавказа» в современном дискурсе российских СМИ и в общественном сознании // Медийные стратегии современного мира. Краснодар, 2010. С. 80–81.

6 М. Сумская. Литературно-художественные источники в формировании медиафеномена «кавказца» // Медийные стратегии современного мира. Краснодар, 2010. С. 170.

В происходящей сейчас постепенной трансформации этничности северокавказских народов, которая имеет различные формы и векторы развития, все большее место занимает отношение к исламскому фактору и к его роли в истории отдельных народов Северного Кавказа. При этом исламский фактор все заметнее выступает не только в качестве строительного материала для переделки существующих идентичностей, но и для формирования новой суперэтнической идентичности всех исламских народов Северного Кавказа, противопоставляя их соседним немусульманским народам. Именно такой инструментарий в сфере этнокультурной инженерии пытаются использовать идеологи самопровозглашенного Имарата Кавказ. Здесь следует отметить, что в некоторых случаях исламу удалось сыграть ключевую роль в формировании новой этнической идентичности, как это произошло, в частности, со славянским населением Боснии, исповедующим ислам. Специалисты полагают, что аналогичный сценарий развития реализуется сейчас и среди помаков в Болгарии, исламская конфессиональная принадлежность которых служит основанием для отрицания их принадлежности к болгарскому этносу, что демонстрируют некоторые местные интеллектуалы. В ходе данных процессов ярко проявляется подмеченная еще Э. Геллнером особенность любого национализма, мифы которого «переворачивают реальность», и который, эксплуатируя лексику «восстановления исторической справедливости» и «защиты традиций», в действительности создает новые «высокие культуры», являющиеся «его собственными изобретениями»⁷.

* * *

Сказанное – лишь некоторые единичные примеры, иллюстрирующие сложность и многоаспектность исламского фактора на современном Северном Кавказе. Предлагаемая читателю книга полностью посвящена изучению различных аспектов влияния ислама на северокавказские народы и представляет собой подборку аналитических статей и публицистических материалов известных историков, журналистов и исламоведов, в разное время опубликованных на сайте www.caucasustimes.com

Хронологически работа охватывает обширный период времени, начиная с распространения ислама на Северном Кавказе в эпоху средневековья и заканчивая самыми последними событиями в данном регионе. Тематически книга состоит из трех разделов. В первый раздел входят статьи, посвященные истории зарождения и развития ислама в северокавказском регионе, включая очерки по истории ислама в Дагестане, Чечне и в других республиках Северного Кавказа. Второй раздел включает в себя статьи, анализирующие современную роль ислама на Северном Кавказе в широком социальном и политическом контексте событий в регионе. Наконец, третий раздел содержит уникальные по своему характеру данные опросов общественного мнения, которые проводились информационным агентством Caucasus Times в столицах пяти республик Северного Кавказа – в Черкесске (Карачаево-Черкесия), Нальчике (Кабардино-Балкария), Грозном (Чечня), Назрани (Ингушетия) и Махачкале (Дагестан). В ходе опросов, проводившихся в течение всего 2010 года, в общей сложности было опрошено 2000 человек (по 400 человек в каждом городе).

В ходе исследования задавались вопросы о степени религиозности исламского населения различных северокавказских республик, об их отношении к другим религиям и к ваххабизму, а также об их отношении к военным акциям США в Ираке и Афганистане. Полученные данные рисуют интересную и несколько противоречивую картину роли ислама в северокавказском регионе, свидетельствуя как о значительном влиянии ислама на население (см. таблицу 1), так и о серьезных различиях между отдельными северокавказскими республиками в степени приверженности населения исламским ценностям.

Так, в целом на Северном Кавказе 62% опрошенных заявили о «большой» роли религии в их жизни. При этом наибольшую роль религия играет среди населения Чечни (81%) и Ингушетии (68%), в то время как среди жителей Кабардино-Балкарии лишь 42% заявили о «большой» роли религии в их жизни. Сочетание данных социологических опросов с аналитическими материалами известных специалистов по Северному Кавказу позволяет создать многомерную картину происходящего в регионе и лучше понять тенденции дальнейшего развития Северного Кавказа.

ТАБЛИЦА 1
КАКУЮ РОЛЬ ИГРАЕТ РЕЛИГИЯ В ВАШЕЙ ЖИЗНИ? (%)

	большую	скорее большую	скорее небольшую	небольшую	я атеист	не знаю
Кабардино-Балкария	42	35	11	6	3	3
Чечня	81	13	1	0	3	2
Ингушетия	68	27	1	0	1	3
Дагестан	66	26	3	2	1	2
Карачаево-Черкесия	52	27	12	4	2	3
ВСЕГО	62	26	6	2	2	2

РАЗДЕЛ I

ИСЛАМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:

ИСТОРИЯ

1. Из истории ислама в Дагестане

Михаил РОЩИН

Ислам на Северном Кавказе раньше всего проникает и начинает распространяться в Дагестане, который и сегодня остается наиболее исламизированной республикой Северного Кавказа. До появления ислама в центре и на севере территории Дагестана, в Аварии действовала Грузинская православная церковь. На юге Дагестана было распространено влияние Албанской православной (монофизитской) церкви. Первыми распространителями ислама в прибрежных районах Дагестана стали арабы, пришедшие сюда в середине VII века. К X веку ислам распространился в Южном Дагестане, а к XV–XVI векам на всей территории, в том числе в горных центральных и северо-западных районах, и постепенно вытеснил прежние религиозные верования. В дагестанских княжествах начал формироваться многочисленный слой мусульманского духовенства (улама), получила распространение богословско-правоведческая литература, при этом сохранились традиционные нормы обычного права (адат), на которые нередко опиралась власть местных правителей.

Борьба населения против деспотической власти князей (шамхалов, ханов, уцмиев) часто выливалась в борьбу за «чистоту шариата». В начале XIX века эта борьба получила новый импульс, когда в Дагестан проникает учение суфийского шейха из Бухары Багауддина Накшбанди (1318–1389). Появление там накшбандийского братства (тариката) совпало с усилением российской колониальной экспансии на Кавказе. Структуры накшбандийского братства становятся в это время питательной средой для формирования освободительного движения горцев, ко-

торое достигло наивысшего подъема при имаме Шамиле (1834–1859), создавшем на территории сначала Дагестана, а потом и Чечни военное мусульманское государство – имапат. В русской историографии это движение получило название «мюридизм», так как по суфийской традиции повстанцы именовали себя учениками (мюридами) вождей-имамов.

После окончания в 1861 году войны на Кавказе русская администрация сотрудничала с лояльным мусульманским духовенством, которое сохранило прочные позиции в сферах образования и судопроизводства. Накануне революции 1917 года в Дагестане было свыше 1700 квартальных мечетей и 356 соборных мечетей, действовало 766 школ-медресе, в которых работало более 2500 мулл-кадиев.

Гражданская война (1918–1920) внесла раскол в ряды дагестанских мусульман. Часть из них во главе с шейхом Нажмудином Гоцинским (пятым имамом Дагестана) пошла на союз с Добровольческой армией А. Деникина, другая часть поддержала большевиков, которые в первые годы советской власти уважительно относились к мусульманам. Однако во второй половине 1920-х годов ситуация изменилась: были закрыты шариатские суды и религиозные школы, а духовенство пыталось противодействовать насаждению «нового быта» среди горцев, атеистической пропаганде, а затем и коллективизации крестьянства. В 1930-е годы в ходе борьбы с «антисоветскими элементами» ислам подвергся массовым репрессиям, многие алимы (знатоки ислама) были арестованы или сосланы, а мечети закрыты и зачастую разрушены.

В годы Второй мировой войны в СССР произошла определенная либерализация религиозной политики. На Северном Кавказе в 1944 году появилось Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСК) во главе с муфтием, с центром в Буйнакске (бывшая Темир-Хан-Шура – один из крупнейших религиозных центров Дагестана), были вновь открыты некоторые мечети. ДУМСК занималось регистрацией религиозных общин, утверждением и смещением имамов мечетей, изданием постановлений (фетв) по различным религиозным вопросам. Его деятельность полностью контролировалась советскими властями и непосредственно курировалась КГБ, который нередко использовал имамов в качестве своих осведомителей. Как и другие му-

сульманские духовные управления в СССР, ДУМСК официально декларировало «поддержку внутренней и внешней политики советского государства». Следует отметить, что Дагестан играл ключевую роль в ДУМСК. На его территории находилось большинство действующих мечетей Северного Кавказа, к 1988 году их насчитывалось 27. Однако общий высокий уровень религиозности дагестанского (особенно горского) населения способствовал сохранению здесь неформального, так называемого параллельного ислама в различных формах: деятельность знатоков религии и арабского языка (арабистов), передававших свои знания молодежи в подпольных медресе; почитание святых шейхов и паломничество к их могилам; неофициальная практика шариатского судопроизводства и т.д.

С конца 1970-х годов в Дагестане начинает распространяться разнообразная религиозная литература, в том числе книги и брошюры идеологов мусульманского фундаментализма (Хасана аль-Банни, Абуль Аля Маудуди, Юсуфа аль-Карадави и других). В мае 1989 года под давлением мусульманской общественности ушел в отставку глава ДУМСК муфтий Махмуд Геккиев, обвиненный во взяточничестве, нарушении норм исламской морали и связях с КГБ. Эта отставка привела к распаду ДУМСК и появлению отдельных духовных управлений в республиках Северного Кавказа, включая Дагестан.

Уже в 1970–80-е годы произошло определенное оживление религиозной жизни в Дагестане. Но то, что произошло в 1990-х годах, иначе как религиозным ренессансом назвать нельзя: по всему Дагестану восстанавливались мусульманские общины, строились или ремонтировались мечети, открывались мусульманские медресе, институты и университеты.

В январе 1990 года в Дагестане было создано самостоятельное Духовное управление мусульман, председателем которого был избран Багаутдин Исаев, кумык по национальности. В 1991 году Духовное управление переехало из Буйнакса в Махачкалу. В 1990 году 345 дагестанцев приняли участие в первом массовом хадже из СССР. На следующий год количество дагестанских паломников возросло до 900 человек. Несмотря на определенные успехи, на первом съезде мусульман Дагестана Б. Исаев подвергся критике за недостаточное внимание к нуждам от-

дельных общин и вопросам подготовки имамов. Муфтий был также обвинен в том, что он не координирует свою деятельность с Советом алимов, препятствует проведению бухгалтерской ревизии Духовного управления и собирается создать отдельное духовное управление для тюркоязычного, в основном кумыкского, населения республики. Достаточно очевидно, что столь острая критика Б. Исаева была продиктована в первую очередь тем, что аварцы (самый крупный и наиболее религиозный этнос Дагестана) были недовольны кумыкским руководством в Духовном управлении и стремились взять его под собственный контроль. Б. Исаев был смещен с должности, а избранный съездом Совет алимов избрал новым муфтием аварца Саида-Ахмада Дарбишгаджиева, ректора мусульманского университета в Кизилюрте.

С тех пор и вплоть до настоящего времени Духовное управление постоянно возглавляется и контролируется аварцами, составляющими, согласно переписи 2002 года, 29,4% населения Дагестана. В 1992-1994 годах отдельными этническими группами Дагестана предпринимались попытки оспорить его авторитет как единого духовного управления и создать этнические духовные управления: кумыкское, даргинское и лакское. Однако все они оказались неудачными, и в сентябре 1994 года Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД) было официально признано единственным, законно представляющим интересы дагестанских мусульман.

Большинство дагестанских мусульман исповедует традиционный суннитский ислам шафиитского толка. Местный ислам глубоко пронизан суфизмом, который распространен сегодня в Дагестане в виде четырех тарикатов: накшбандия, шазилия, джазулия (ответвление братства шазилия) и кадирия.

В советское время тарикаты находились под запретом, шейхи-суфии были либо репрессированы, либо действовали подпольно. Так же подпольно осуществлялась передача разрешений на распространение того или иного тариката от шейха к ученикам. Часто при передаче либо было очень мало свидетелей, либо их не было вовсе. Впоследствии в 1990-е годы это привело к появлению многочисленных шейхов, а также к взаимным обвинениям шейхов в неправильном получении разрешений и в том, что шейхи-оппоненты не являются настоящими.

Сегодня самый влиятельный шейх Дагестана – аварец Саид-эфенди Чиркеевский. Он учит по трем тарикатам: накшбандия, шазилия и джазулия. До того, как стать шейхом, он был простым чабаном. Его мюриды (последователи) контролируют Духовное управление мусульман Дагестана, мусульманские радио- и телепередачи, мусульманскую периодику. Хотя среди последователей Саида-эфенди есть представители различных национальностей, но заметно преобладают аварцы. Срачивание отвлечения (вирда) Саида-эфенди с Духовным управлением произошло в 1996 году, когда главой ДУМД стал бывший зубной врач Саид-Магомед Абубакаров. Это был неординарный человек, талантливый оратор и проповедник. Он сумел заметно поднять авторитет Духовного управления и превратить его в самостоятельную силу, независимую от властей. Он завершил аваризацию руководства Духовного управления и мечетей Махачкалы, где раньше доминировали кумыки. Если учесть, что в то время в политической жизни Дагестана доминировали даргинцы (председателем Государственного совета республики был Магомед-Али Магомедов, а мэром Махачкалы – Саид Амиров), аварцы, руководившие Дагестаном всю вторую половину XX века вплоть до начала 1990-х годов, получили религиозную сферу в качестве определенной компенсации.

Таким образом, с одной стороны, С.-М. Абубакаров оппонировал светской власти, добиваясь для ислама статуса официальной религии в республике, а с другой – активно и решительно боролся с нараставшим движением мусульманских фундаменталистов, называемых на Северном Кавказе «ваххабитами». В августе 1998 года машина муфтия была взорвана фугасом, подложенным под въездом во двор Центральной мечети Махачкалы, где в то время шел ремонт. С.-М. Абубакаров скончался на месте. Его убийцы так никогда и не были найдены. Как осторожно отмечал бывший секретарь Совета безопасности Дагестана Магомед Толбоев, убийство муфтия было попыткой столкнуть два направления в исламе, сторонников суфизма и фундаментализма «внутренними силами в республике».

Осенью 1998 года новым муфтием Дагестана был избран Ахмад-хаджи Абдуллаев. Он обладает меньшим авторитетом, чем его предшественник, а поэтому менее независим и более послушен властям. ДУМД по-прежнему фактически подчинено окружению шейха Саида-эфенди, к которому принадлежит и А. Абдуллаев, но ключевой фигурой в окру-

жении шейха, по мнению экспертов, является отец покойного муфтия Хасмагомед Абубакаров. ДУМД не в состоянии контролировать все общины в республике и обладает лишь относительным влиянием. Духовному управлению не удалось создать строгой системы соподчинения, и имамы отдельных мечетей не подчиняются ему напрямую. Местный имам в каждом селении избирается его общиной. В соответствии с мусульманскими традициями ДУМД не вправе и не в силах вмешиваться в этот процесс. И хотя Духовное управление стремится играть в республике роль аналогичную той, которую играет Московская Патриархия в России, ему это не вполне удается.

Отношения ДУМДа со светскими властями Дагестана носят достаточно противоречивый характер. Руководители Духовного управления постоянно декларируют отсутствие в исламе разделения между духовным и светским. Они не отрицают в перспективе построения в Дагестане «исламского государства», но говорят об этом скорее в формальном смысле, подчеркивая невозможность этого в настоящее время, «так как сейчас народ не подготовлен». Противостояние с «ваххабитами» вынуждает ДУМД вести себя осторожно и поддерживать светскую власть, при этом его лидеры постоянно высказываются за расширение прав мусульманского духовенства и увеличение ему материальной поддержки со стороны государства. На деле ДУМД добивается не столько построения «исламского государства», сколько утверждения ислама в качестве привилегированной, обладающей де-факто официальным статусом религией в Дагестане. Духовное управление выдвигает конкретные требования к властям: выделение средств из республиканского бюджета на хадж в Мекку, объявление выходным днем пятницы, внесение изменений в телевизионное вещание и систему образования. ДУМД постоянно критикует правительство Дагестана за нерешительность в борьбе с «ваххабитами» и определенную терпимость, проявляемую по отношению к ним. После того как 20 февраля 2006 года аварец Муху Алиев стал первым президентом Дагестана, отношения ДУМДа с государственными структурами республики заметно улучшились. Очевидно, что ДУМД является в Дагестане вполне самостоятельной и достаточно влиятельной силой, и в этом его отличие от духовных мусульманских управлений в других республиках Северного Кавказа и Поволжья, которые в большей степени контролируются местными республиканскими властями.

2. Дагестан – земля суфийских шейхов

Михаил РОЩИН

В Дагестане весьма силен альтернативный, не связанный с Духовным управлением суфизм. Среди видных дагестанских учителей суфизма отмечу кумыкского шейха Мухаммеда-Амина Параульского, скончавшегося в июне 1999 года и оставившего в качестве преемника шейха Мухаммеда-Мухтара, проживающего в поселке Кяхулай в окрестностях Махачкалы, также кумыка по национальности. Мухаммед-Амин и Мухаммед-Мухтар – адепты накшбандийского тариката.

Необходимо сказать о шейхе Тажуддине Хасавюртовском (родом из андийского селения Ашали). Тажуддин пользовался большим авторитетом, прежде всего, среди андо-цезских народностей и вел проповедь трех тарикатов: накшбандия, шазилия и джазулия. Со своими мюридами шейх работал индивидуально. Во время молитвенного общения шейх и мюриды упирались коленями друг в друга. Тажуддин отрицал коллективную молитву-зикр и настаивал на индивидуальном тихом зикре. Его последователи в основном живут в Цумадинском, Ботлихском, Ахвахском и Хасавюртовском районах. После кончины шейха Тажуддина 10 сентября 2001 года его преемником стал шейх Мухаммед, даргинец из села Новый Костек (Хасавюртовский район).

Самым известным шейхом Южного Дагестана является Сиражуддин Табасаранский. Он получил разрешение на проповедь тариката в 1989 году от накшбандийского шейха Абдуллы, прожившего 115 лет и похороненного в Дербенте в конце 1990-х годов Сиражуддин организовал сеть медресе по всему Табасарану и стал настоящим духовным

лидером этого края. Он также основал Исламский университет Южного Дагестана, находящийся в Дербенте.

Есть в Дагестане и мюриды накшбандийского шейха Мухаммеда Назима Киприотского, проживающего в Лефке на Северном Кипре, ученика шейха аварского происхождения Абдаллаха Дагестани, большую часть жизни проведшего в Сирии.

Традиционный суфийский ислам в Дагестане выделяется, прежде всего, ориентацией на духовные ценности. Он неагрессивен, и понятие «джихад» трактуется в нем в плане личного стремления верующего к самосовершенствованию. Мюриды относятся к своему шейху примерно так же, как простые миряне в православии к своему старцу. До сих пор точно неизвестно, какой процент мусульманского населения соблюдает регулярно обряды в Дагестане, но, даже если допустить, что эта цифра колеблется между 20–30% населения, то это будет намного выше, чем в среднем в разных религиях соблюдаются обряды в целом по России. Разумеется, процент активных последователей суфизма еще ниже, но он, очевидно, достаточен для формирования особой духовной культуры, характерной для дагестанского ислама. Как полевой исследователь, в течение последних 15-ти лет работавший в Дагестане, я могу констатировать, что, вероятно, за исключением Чечни, эта республика является наиболее религиозной в России. К сентябрю 2003 года в Республике Дагестан было зарегистрировано 1091 соборных мечетей, 558 квартальных мечетей, 16 исламских вузов и университетов, 52 филиала вузов, 141 медресе, 324 примечательных школы. Согласно последней всероссийской переписи населения 2002 года, все население Дагестана составило 2 миллиона 576 тысяч человек, из них мусульман было 94,4% (суннитов – 90,1%; шиитов – 4,3%), православных – 4,7%.

Последователи суфизма имеют в Дагестане несколько сотен святых гробниц, где совершаются благодарственные молитвы и зикры, раздаются милостыня. В 1930-е годы часть из них была заброшена, но в 1990-е годы внимание к ним возродилось. В этих гробницах похоронены: арабы-воители за веру VIII–XI веков; миссионеры X–XVI веков; мученики (шахиды), павшие в сражениях с «неверными» в VIII-начале XX веков; суфии и мусульманские ученые (алимы) XIII – середины XX веков; юродивые и невинно убиенные, а также безымянные шейхи,

имена и заслуги которых забыты. Кроме того, местами паломничества последователей суфизма служат «святые» места доисламского происхождения, интегрированные мусульманской традицией: горы, камни, источники, деревья.

Сегодня главным мотивом современной мусульманской жизни в Дагестане, на мой взгляд, является вспыхнувший в начале 1990-х годов и до сих пор не прекращающийся конфликт между сторонниками суфизма и фундаменталистами («ваххабитами»).

3. Из истории ислама на Северном Кавказе: ваххабиты

Михаил РОЩИН

Рассказ о мусульманском фундаментализме, впервые на Северном Кавказе появившемся в Дагестане, неизбежно выходит за рамки этой одной республики. Исламский фундаментализм на Северном Кавказе не имеет принципиальных отличий от исламского фундаментализма в других регионах мира. Его короткая история началась во второй половине 1980-х годов. Теоретической базой для него послужили классические фундаменталистские труды Хасана аль-Банна, Сейида Кутба, Абу аль-Аля Маудуди и их исторических предшественников: Ибн Теймия, Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба и других. К середине 1990-х годов Дагестан стал идеологическим центром фундаментализма, а в испытательный полигон довольно быстро превратилась Чечня.

Исламских фундаменталистов на Северном Кавказе называют «ваххабитами». Им самим по не вполне понятным причинам этот термин очень не нравится, и они предпочитают называть себя «сторонниками салафии» (возврата к истокам) или сторонниками «чистого ислама».

Фундаменталисты стремятся к обновлению ислама на основе Корана и Сунны и отрицают все исторические напластования традиционного суннизма, накопившиеся в течение его более чем тысячелетнего развития. Особенно негативно сторонники «чистого ислама» относятся к суфизму, пустившему глубокие корни в республиках Северного Кавказа (в Дагестане, Чечне и Ингушетии). По их мнению, наличие шейха или устаза (наставника) в качестве посредника между Богом и человеком противоречит фундаментальным основам мусульманской веры. Северокавказские

фундаменталисты решительно отвергают поклонение «святым местам», возникшее на основе суфийской традиции. Они также выступают за сокращенный ритуал поминовения усопших и считают, что время четырех классических суннитских мазхабов прошло и в наши дни возможен общий подход к толкованию Корана и Сунны в рамках единого мазхаба.

Главные учителя и проповедники северокавказского фундаментализма родом из Дагестана. Как и в других идеологических течениях, в нем есть умеренное и радикальное направления. Лидером умеренных фундаменталистов являлся аварец Ахмад-кади Ахтаев (1942–1998), уроженец села Кудали (Дагестан). В 1990 году на Съезде мусульман СССР, прошедшем в Астрахани, А. Ахтаев был избран председателем Исламской партии Возрождения. Позднее он стал лидером умеренной фундаменталистской организации «Аль-Исламия». На 55-м году жизни он, предположительно, был отравлен и умер по дороге в мечеть в родном селении. А. Ахтаев был сторонником мирного распространения фундаменталистских взглядов и считал себя мусульманским просветителем. Среди его учеников немало молодых имамов по всему Северному Кавказу, от Дагестана до Карачаево-Черкесии. Как и многие его единомышленники во всем мире, А. Ахтаев полагал, что «новый мировой порядок» выбрал себе жертвой ислам как идею, как образ жизни». Вместе с тем он старался противостоять этому мирной проповедью своих воззрений и в частности организовал медресе в своем родном ауле Кудали. А. Ахтаев также развивал концепцию о взаимной дополнительности ислама и православия в России как евразийской стране.

Лидером радикального крыла северокавказских фундаменталистов стал дагестанец Багауддин Кебедов (1945 года рождения, селение Ведено). В 1990 году вместе с А. Ахтаевым он был одним из основателей Исламской партии Возрождения, имевшей отчетливо выраженную фундаменталистскую направленность. В 1991 году он основал медресе в городе Кизилюрт, расположенном недалеко от Махачкалы. Б. Кебедов проявил себя талантливым проповедником: его аудио- и видеокассеты на аварском и русском языках пользовались большой популярностью не только в Дагестане, но и далеко за его пределами. В отличие от А. Ахтаева, Б. Кебедов всегда явно тяготел к общественной деятельности, и он довольно рано начал строить организацию радикальных исламских фундаменталистов, которую он назвал «Джамаат».

Во время моей поездки в Дагестан летом 1997 года мне удалось встретиться с Б. Кебедовым и послушать его проповедь в мечети Кизилюрта. Багауддин, бывший уже в это время эмиром (главой) «Джамаата», объяснил мне, что посткоммунистическое правительство Дагестана находится в состоянии «ширка» (язычества или многобожия, приравняемого к неверию). Регистрация мечетей и общин фундаменталистов, по его мнению, не имеет принципиального значения. «Мы уже зарегистрированы Аллахом, – говорил Багауддин, – мы не хотим брать власть в свои руки, мы хотим, чтобы власть была в руках Аллаха. Для нас географические и государственные границы не имеют значения, мы работаем и действуем там, где это возможно. Дагестан сегодня управляется из Москвы, мы не имеем исламского общества, аналогичного существующему в Чечне. Мы бы одобрили, например, полный запрет на продажу алкоголя, но для нас важнее вера (иман) и единобожие (таухид). В исламском государстве мы хотели бы ввести службу мухтасибов (полицию нравов). Привычку курить и наркоманию мы рассматриваем как харам (то, что запрещено)». Я спросил Багауддина, что он думает о возможной независимости Дагестана. Он ответил, что является приверженцем исламского государства и это для него принципиально. Состояние неверия (куфр) для него неприемлемо, будь то в составе Российской Федерации или независимом Дагестане. Уже из этих высказываний Б. Кебедова достаточно заметен политический крен в радикальном фундаменталистском подходе. Неслучайно это течение многие исламоведы называют «политическим исламом».

Во время нашей встречи Багауддин подчеркивал, что ислам – это целостная система человеческой жизни. Следовательно, она не могла не включать в себя попыток построения «исламского общества и государственности».

Наиболее успешно подобная попытка была предпринята в селах Кармахи и Чабанмахи Буйнакского района Дагестана. Там в 1997–1999 годах последовательно реализовывалась программа «Джамаата». Идеология движения была принята жителями, и местная мусульманская община, соборная мечеть которой находилась в селении Кармахи, превратилась в маленькую «ваххабитскую» республику, форпост фундаментализма в Дагестане (своего рода «независимую исламскую территорию»). Именно поэтому туда стекалась в поисках «чистого ислама» молодежь со всего Дагестана и других республик Северного Кавказа.

20 августа 1998 года Кармахи и Чабанмахи посетил Сергей Степашин, бывший тогда министром внутренних дел. Им была достигнута устная договоренность с жителями о том, что те могут свободно жить по законам шариата, то есть мусульманского права, при условии соблюдения приличий и взаимодействия с властями Дагестана по всем остальным вопросам. После этого обстановка вокруг сел разрядилась, а кармахинцы стали регулярно приезжать на различные совещания в Махачкалу.

Еще в период Первой чеченской войны (1994–1996) Б. Кебедов пришел к идее о необходимости «малого джихада», имея в виду участие в боевых действиях против федеральных сил. Позднее, уже в Гудермесе (Чечня), куда переместились лидеры Джамаата в конце 1997 года, спасаясь от преследований в Дагестане (Багауддин назвал это «малой хиджрой» по примеру «большой хиджры» Мухаммеда), 25 января 1998 года был принят Манифест «Джамаата» «к мусульманам мира», в котором положение между «Джамаатом» и пророссийским руководством Дагестана объявлялось «военным со всеми вытекающими из этого обстоятельствами».

Разумеется, можно говорить о притеснениях радикальных фундаменталистов («ваххабитов») в Дагестане, но их реакция на это регулярно оказывалась неадекватной. Так, в результате столкновения между «ваххабитами» и мусульманами-традиционалистами в селе Кармахи 12–14 марта 1997 года радикалы убили нескольких своих оппонентов. 23 декабря 1997 года они напали на российскую военную часть в Буйнакске. Идеологи радикалов в 1997 году резко выступили против лидера умеренного фундаментализма А. Ахтаева, которого они обвинили в религиозном невежестве, а его сторонников – в запугивании инакомыслящих.

В годы Первой чеченской войны у радикальных фундаменталистов сложилось военное крыло, лидером которого стал уроженец Саудовской Аравии Хаттаб. Он родился в 1969 году в Араре на севере королевства. В 1987 году он отправился в Афганистан, где проходил подготовку в тренировочном лагере под Джелалабадом. Позднее он принял участие в боях у Джелалабада, Хоста и при штурме Кабула. В начале 1990-х Хаттаб участвовал в боях в Таджикистане на стороне исламской оппозиции. Однако позднее он отказался принимать участие в столкно-

вениях между моджахедами в Афганистане, расценив этот конфликт как братоубийственную смуту (фитна). В эти годы Хаттаб (об этом он говорил в одном из своих интервью) встречался с Бен Ладеном, который не был тогда руководителем «Аль-Каиды». Позднее он перебрался в дагестанское селение Кармахи, где женился на местной девушке. В начале 1995 года Хаттаб переехал в Чечню. С августа 1995 года его отряд стал входить в состав Центрального фронта вооруженных сил Чеченской Республики – Ичкерии, под командованием Шамиля Басаева. Наиболее известной операцией его отряда стала атака на бронеколонну 245-го мотострелкового полка в апреле 1996 года рядом с селением Ярыш-Марды. В результате этой акции погибло 95 военнослужащих федеральных сил.

После окончания Первой чеченской войны Хаттаб организовал на территории Чечни несколько военно-тренировочных лагерей, где проходили военно-диверсионную подготовку прежде всего дагестанцы и чеченцы, но также представители других мусульманских республик России. Опорные лагеря Хаттаба находились в районе селения Сержень-Юрт и озера Кезенойам. В апреле 2002 года Хаттаб скончался во время чтения отравленного письма, переданного ему внедренным в его отряд агентом ФСБ. Настоящее имя Хаттаба – Самир ас-Сувейлим – стало известно только после его смерти. Сам он называл себя Хаттабом из-за особого почитания второго праведного халифа Омара ибн аль-Хаттаба.

По мнению Гейдара Джамала, одного из наиболее заметных российских идеологов радикального фундаментализма и одного из создателей Исламской партии возрождения в России, «сегодня ислам выступает не как религия в традиционном секулярном понимании этого термина, но как всеобъемлющая политическая идеология, защищающая слабых и угнетенных».

4. Из истории ислама в Чечне

Михаил РОЩИН

Проникновение ислама в Чечню происходило постепенно. Полагают, что раньше других ислам приняло население исторической Ичкерии, то есть юго-восточной части Чечни (в верховьях рек Аксай и Хулхулау, приток реки Сунжа). Согласно данным археологических и письменных источников, в распространении ислама в Чечне можно выделить несколько этапов:

1. VIII-IX века – период арабо-хазарских войн;
2. XI-XII века – проникновение ислама через исламизированные верхи половцев;
3. XIII-XIV века – проникновение ислама через Золотую Орду;
4. конец XIV века – нашествие войск Тимура;
5. конец XV – первая половина XVI века – проникновение ислама из Дагестана, Ирана, Крымского ханства и Османской империи.

Однако массовая исламизация населения и укоренение ислама в Чечне происходит в конце XVIII – первой половине XIX века, когда там начинается активная народно-освободительная борьба против экспансии Российской империи. Первый этап этой борьбы связан с именем шейха Мансура (Ушурмы), предположительные даты жизни которого 1760–1794. Он был родом из чеченского тейпа (патронимии) Элистанжхой и родился в селении Алды, имел жену и троих детей. Предполагают, что шейх Мансур получил образование в Дагестане. Его учителем был один из авторитетных муршидов (суфийских наставников), вероятно, Накшбандийского братства-тариката. Однако имя его учителя до сих пор неизвестно. По словам самого шейха Мансура, он получил право

на проповедь и стал шейхом в 1783 году. Его отличали величественный облик, ораторский дар, строгий аскетизм, соблюдение суфийской практики «уединения» (халва) и дар чудотворства. В своих проповедях он обличал «упорствующих в невежестве», выступал против пороков и кровной мести и призывал к единению всех мусульман. Под влиянием его проповеди даже пожилые люди совершали обрезание.

Царские власти неоднократно пытались схватить шейха Мансура. В июле 1785 года его дом и все селение Алды были сожжены отрядом под командованием полковника Пиери. Однако на обратном пути отряд Пиери был разбит совместными силами алдинцев и их соседей. Это событие было воспринято чеченцами как знак особого благоволения Аллаха к шейху Мансуру.

С этого момента он выступает как мощная политическая фигура, причем не только в Чечне, но и шире – на Северном Кавказе. В июле 1787 года, потерпев ряд военных поражений, шейх Мансур сначала перебрался за реку Кубань, а позднее в сопровождении четырех спутников – в Анапу, в то время турецкую крепость. Там он оставался до ее взятия русскими войсками 22 июня 1791 года, продолжая призывать кавказцев к общему выступлению против России. Духовный авторитет шейха был настолько велик, что, по словам очевидцев, его присутствие во время осады крепости могло заменить собой не одну тысячу воинов. Шейх Мансур был взят в плен 6 июля 1791 года и привезен в Санкт-Петербург. По одной версии его отправили в Соловецкий монастырь, по другой – поместили в Шлиссельбургскую крепость «на безысходное пребывание», где в феврале 1794 года он заболел, а в апреле умер.

В самой Чечне преемниками шейха Мансура в 1820-е годы стали шейхи Абдул-Кадыр, Авко и Мухаммад Майртупский, а также имам Яух. Однако новый значительный подъем ислама в Чечне и народно-освободительной борьбы под его флагом связан с формированием в 1840-е годы военно-теократического государства – Имамат Чечни и Дагестана с центром сначала в Дарго, а с 1845 года – в Ведено во главе с имамом Шамилем. В своей государственной и религиозной деятельности имам Шамиль, аварец по национальности, руководствовался идейными и организационными принципами суфийского братства Накшбандия. При нем территория Чечни была разделена без учета тради-

ционно сложившихся вольных обществ на военно-административные районы, которыми управляли назначенные им наместники-наибы. Они были наделены правами религиозной, административной, военной и судебной власти. В их обязанности входила также «забота о заключении возможно большего числа браков» между жителями вверенных им районов. Эти меры носили принудительный характер.

Шариат (мусульманский закон), бывший вначале консолидирующей силой, позднее способствовал ослаблению Имамата. Противоречия между шариатом и адатом (народными обычаями), а также приверженность старинным доисламским традициям и родовая сплоченность чеченского населения расшатывали жесткую военно-теократическую структуру горского государства. После падения Имамата и пленения Шамиля (25 августа 1859 года) территория Чечни была включена в состав Терской области Российской империи.

В это время в Чечне появляется новый учитель, быстро ставший знаменитым шейх Кунта-хаджи Кишиев (сын Киши). Он родился в горном селении Исти-Су (Мелча-Хи по-чеченски) примерно в 1830 году. Кунта-хаджи позже вместе с родителями переселился в аул Илсхан-Юрт, расположенный в самом сердце Нохч-Мохка (Ичкерии). В юности он выделялся своей строгой нравственностью, трудолюбием и проницательностью. Он рано получил духовное образование и сначала был последователем Гези-хаджи, накшбандийского шейха из селения Зандак. В конце 1850-х годов Кунта-хаджи совершил хадж. Видимо, в то время он стал последователем суфийского братства Кадирия, учение которого стал проповедовать по возвращении на родину, опираясь при этом на местные чеченские традиции и адат. Осуждение Кунта-хаджи всякой войны как неугодной Аллаху, призывы к смирению перед его волей, к поиску спасения в вечности праведного мира противоречили воинственной идеологии имама Шамиля, поэтому учение Кунта-хаджи в Имамате было запрещено, а сам учитель подвергался гонениям. После падения Имамата число последователей Кунта-хаджи стало быстро возрастать и в начале 1860-х годов достигло свыше 5000 человек. Его мирная проповедь была весьма привлекательной для людей, только что переживших многолетнюю кровопролитную Кавказскую войну. Кунта-хаджи учил: «Война – дикость. Удаляйтесь от всего, что напоминает войну, если враг не пришел отнять у вас веру и честь. Ваша сила – ум,

терпение, справедливость. Враг не устоит перед этой силой и рано или поздно признает свое поражение. Никто не в силах осилить вас и вашу правду, если вы не свернете с пути своей веры – тариката».

Обряд посвящения в мюриды (ученики) Кунта-хаджи был таким. Кунта-хаджи или его поверенный (вакил) брали вступающего в братство-тарикат за руку и спрашивали, обязуется ли он, признавая в душе святость избранного наставника (устаза), помимо пяти нормативных намазов (молитв) произносить стократно сверхдолжную краткую молитву «Ла илаха илла-Лла» («Нет никакого божества, кроме Аллаха») и участвовать в ритуале громкого кругового зикра, за который последователей Кунта-хаджи прозвали зикристами. Вступавший давал обязательство и свидетельствовал перед Аллахом и шейхом (устазом) или его вакилом, затем стократно повторял «Ла илаха илла-Лла», и таким образом посвящение свершалось.

Представители официального мусульманского духовенства (например, Абдулкадыр Хордаев и Мустафа Абдуллаев) по просьбе царской администрации созывали сельские сходы и устраивали богословские диспуты с Кунта-хаджи и его вакилами. Наставник был руководителем своего вирда (направления) в Кадирийском братстве, но имамом себя не называл и от этого звания отказывался. В январе 1863 года по распоряжению Терского генерал-губернатора Кунта-хаджи и его брат Мовсар были схвачены в Шалинском районе Аргунского округа и со специальным конвоем отправлены через Владикавказ в Новочеркасск. В своем прощальном обращении к верующим Кунта-хаджи говорил: «Братья! Мы из-за систематических восстаний катастрофически уменьшаемся. Царская власть уже твердо укрепилась в нашем крае. Я не верю в сообщения и «разговоры» (хабары), что из Турции придут войска для нашего освобождения, что турецкий султан (хункар) желает нашего освобождения из-под ига русских. Это неправда, ибо султан сам является эксплуататором своего народа, как и другие арабские правители. Верьте мне, я все это видел своими глазами. (Действительно, во время совершения хаджа Кунта-хаджи побывал в разных мусульманских странах. – М.Р.). Дальнейшее тотальное сопротивление властям Аллаху не угодно! И если скажут, чтобы вы шли в церкви – идите, ибо они только строения, – а мы в душе мусульмане. Если вас заставляют носить кресты – носите их, так как это только железки, оставаясь в душе мусульманами. Но! Если ваших

женщин будут использовать и насиловать, вас заставляя забыть язык, культуру и обычаи, – подымайтесь и бейтесь до последнего оставшегося! Свобода и честь народа это – его язык, обычаи и культура, дружба и взаимопомощь, прощение друг другу обид и оскорблений, помощь вдовам и сиротам, разделение друг с другом последнего куска хлеба».

Арест наставника послужил причиной так называемого «кинжального боя» (в русских документах это событие именуют «Шалинским делом»), когда с требованием освободить учителя в Шали прибыло около 3000 его мюридов. Противостояние между ними, вооруженными лишь кинжалами, и русскими войсками генерала Туманова закончилось гибелью 164 чеченцев, среди которых было 6 или 8 женщин. Место гибели мюридов стало одной из наиболее почитаемых святынь Чечни. О судьбе самого Кунта-хаджи долгое время ничего не было известно. Однако в 1928 году в архиве Владикавказа были обнаружены документы, подтверждавшие, что учитель скончался в 1867 году в ссылке в городе Устюжна Вологодской области.

Кунта-хаджи проповедовал не только устно, но и рассылал рукописные воззвания, называемые среди его последователей «святыми письменами». Суть учения Кунта-хаджи состоит кратко в следующем:

1. Мюрид со своим шейхом должен иметь неразрывную связь и абсолютно верить ему;
2. Сердце мюрида должно быть свободно от зависти, он не должен проносить хулу, поскольку это – страшный грех;
3. Мюрид обязан уважительно относиться ко всем людям, быть бескорыстным, всякого мусульманина считать своим братом и защищать его.

Кунта-хаджи в своих проповедях подчеркивал:

«Злого победи добротой и любовью.

Жадного победи щедростью.

Вероломного победи искренностью.

Неверного победи верой.

Будь милосердным, скромным, готовым жертвовать собой».

Если мюриды соблюдают все установления своего братства-тариката и нормы шариата, то за остальное отвечает наставник-устаз – покровитель и спаситель своих мюридов в обоих мирах.

Согласно традиции, тайна учения и молитв тариката была открыта Кунта-хаджи самим Аллахом. Рассказывают, что устаз обладал даром творить чудеса (карамат), исцелял больных, мог переноситься из одного места в другое и ежедневно во время полуденного намаза невидимо присутствовать в мечети Мекки. Мюриды Кунта-хаджи верят, что он – один из 360 святых (аулия), благодаря которым держится мир, и что он вернется на землю, когда наступит определенный час. Кунта-хаджи посвящены многочисленные религиозные гимны-назмы. Могила его матери Хеды в селении Гуни (Веденский район Чечни) является почитаемым местом поклонения верующих. Там же находится родник с целебной водой, возникший, согласно традиции, в том месте, где остался след посоха Кунта-хаджи.

В 1861–1864 годах вирд (направление) Кунта-хаджи Кадирийского тариката становится крупнейшим в Чечне (согласно оценкам, сегодня к нему примыкают примерно 60% чеченцев). Вирд был четко структурирован: в крупные села были назначены вакилы (поверенные) Кунта-хаджи, им подчинялись тамады (старшие), а последним – туркхи (глашатаи), руководившие отдельными группами рядовых мюридов. В последней трети XIX века из вирда Кунта-хаджи выделилось несколько самостоятельных вирдов – шейха Бамматгирея-хаджи из селения Автуры, шейха Чиммирзы из селения Майр-Туп Шалинского района и ингушского шейха Батал-хаджи из селения Сурхохи.

Основной обряд всех этих вирдов – громкий зикр (коллективное радение), начинающийся медленными телодвижениями и перемещением, переходящим в быстрый бег по кругу против часовой стрелки. Согласно традиции, громкий зикр символизирует кружение ангелов вокруг трона Аллаха. Для отправления зикра необходимо знать и соблюдать предписанные шейхом правила: особые ритмические движения, регламентированную позу, умение осуществлять контроль за дыханием. Каждый шейх разрабатывал свои, отличающиеся от других правила выполнения зикра. В промежутках между отдельными фазами зикра исполняются религиозные гимны (назмы), после которых читается дуа (молитва-просьба) на арабском и чеченском языках.

Последнее по времени ответвление последователей Кунта-хаджи – вирд Вис-хаджи Загиева (умер в 1973 году), которого также называ-

ют «Атбасарским шейхом», поскольку он долго жил в казахстанском городе Атбасар. Его духовным наставником был шейх Чиммирза. В 1950-е годы в период депортации чеченцев в Казахстан Вис-хаджи сообщил мюридам Чиммирзы, что он установил в духовном мире непосредственный контакт с учителем Кунта-хаджи, и тот раскрыл ему истинный смысл своего учения и возложил на него миссию проповедовать «чистый путь». Помимо барабана, использовавшегося в ходе зикра шейхом Чиммирзой, Вис-хаджи добавил к этому также чеченскую скрипку (чондарг). Он считал, игра на чондарге – особая благодать Аллаха, ниспосланная для очищения мыслей и смягчения чувств. Вис-хаджи проповедовал, что его последователям при условии соблюдения всех необходимых предписаний уготован Хазрат Мохк – прекрасный вечнозеленый оазис, где воздух напоен ароматом лимона. Там они соберутся в Судный день. Хазрат Мохк это – не рай (аль-джанна), а совершенно особый мир.

Большое значение Вис-хаджи придавал труду. Он учил, что Аллах обязывает трудиться ради семьи. Любая работа должна совершаться с сознанием, что это – ради Аллаха, исключая труд на табачных и винных предприятиях. Устаз запрещал женщинам выходить за мюридов другого вирда. Он сам заключал браки по достижении мюридами совершеннолетия (девушками – 18, юношами – 20 лет). Вис-хаджи ввел в практику совместное совершение зикра мужчинами и женщинами. Во время коллективных и индивидуальных богослужений мюриды надевают белую папаху, поэтому вирд часто называют «вирдом белошапочников». Мужчины носят черные или темно-синие бешметы (верхнюю мужскую распашную одежду), а женщины – чухту (головную повязку, скрывающую волосы) и длинные шаровары.

Проповедь Накшбандийского тариката (братства) в Чечне восходит к шейху Мансуру, правда, по не вполне подтвержденным данным устной традиции. Затем в 1840–50-е годы Накшбандия распространялась чеченскими учителями-устазами, сподвижниками имама Шамиля: Ташу-хаджи, Уммал-Ахадом и другими.

Позднее, в 1880–90-е годы в Чечне активно действовали накшбандийские шейхи из так называемой «аксайской династии»: Абдулазиз (Докку)-хаджи, Дени-шейх, Солса-хаджи, Абдулвагап-хаджи и некоторые дру-

гие. Зачинателем этой ветви шейхов был мулла Башир (Абу) из селения Аксай, ныне находящегося в Хасавюртовском районе Дагестана. Для последователей Накшбандийского тариката характерен тихий зикр, который верующий совершает «в сердце своем», то есть про себя либо шепотом.

Принадлежность к тому или иному вирду Кадирийского или Накшбандийского братств стало составной частью образа жизни чеченцев и в значительной степени определяется семейно-родственными связями. Вростание местного суфизма в чеченский образ жизни, в основном, завершилось к началу XX века.

Русская революция 1917 года внесла существенные коррективы в развитие чеченского ислама. Отмечу некоторые принципиальные моменты этого сложного и противоречивого процесса.

20 января 1921 года во Владикавказе открылся Горский учредительный съезд, собравший представителей всех народов Северного Кавказа, включая чеченцев. Съезд согласился признать советскую власть при условии признания последней шариата и адата (обычая) на Северном Кавказе и возвращения горцам ранее отобранных у них царизмом земель. Сталин, в то время народный комиссар по делам национальностей и официальный представитель Москвы на съезде, оба условия принял. В результате достигнутого соглашения возникла Горская советская республика, в состав которой была включена Чечня. Как писал известный чеченский историк Абдурахман Авторханов: «Таким образом, была создана совершенно неестественная советская республика горцев с советской эмблемой на знамени и шариатской конституцией в жизни. Во всех правительственных учреждениях, школах и других публичных местах по приказу самих же большевиков вместо Ленина и членов Политбюро Российской Компартии красовались портреты Шамиля и его наибов (наместников). Ряд казачьих станиц по прямому приказу Сталина и Орджоникидзе был переселен внутрь России, а чеченцам и ингушам были возвращены их исконные земли, не считая уже тех, которые были захвачены самим народом в явочном порядке».

К концу 1920-х годов отношения советской власти с чеченцами оказались испорченными. Это было связано как с началом коллективизации

сельского хозяйства, так и с усилением антирелигиозной политики правительства. Осенью 1929 года в Чечне вспыхивают сразу два восстания: в селении Гойты во главе с Ахмат-муллою и Куриевым и в Шали во главе с Шитой Истамуловым. Восставшие учредили временную народную власть и потребовали от Советского правительства:

1. Прекратить незаконную конфискацию крестьянских хозяйств под видом коллективизации;
2. Прекратить произвольные аресты крестьян под видом ликвидации «кулачества»;
3. Отозвать из всех районов Чечни начальников ГПУ (так тогда назывался КГБ), назначив на их место выборных гражданских лиц из самих чеченцев для расследования уголовных дел;
4. Ликвидировать назначенные сверху «народные суды» и восстановить институт шариатских судов, предусмотренный учредительным съездом Горской советской республики.
5. Прекратить вмешательство краевых и центральных властей во внутренние дела Чеченской автономной области.

Правительственная комиссия, прибывшая из Москвы, признала ошибки, но обвинила в них местных «товарищей». Она призвала повстанцев сложить оружие и разойтись по домам. Однако сотрудники ГПУ числом до 150 человек попытались задержать самого заметного лидера повстанцев Шиту Истамулова в его доме. После освобождения своими соратниками Шита призвал всех чеченцев к «священной войне» за восстановление «Имамата Шамиля» и изгнание «неверных» с Кавказа.

К середине декабря 1929 года в центры восстания Гойты и Шали были направлены четыре дивизии пехоты и 28 стрелковая дивизия из Владикавказа. Кроме того, к операциям были привлечены три эскадрона войск ГПУ из Грозного, Владикавказа и Махачкалы. К середине января оба центра чеченского сопротивления были взяты. В Гойты штаб повстанцев во главе с их лидерами был уничтожен, а Красная армия потеряла почти весь 82-й пехотный полк. В боях за Шали командарм Белов потерял силы, численно превосходившие одну дивизию, при этом Шита Истамулов с частью своих сторонников вырвался из села и ушел в горную Чечню. Позднее он и его сторонники были амнистированы центральным советским правительством. Шита даже был назначен председателем Шалинского потребительского кооперативно-

го союза. Однако когда осенью 1931 года Истамулов был вызван к районному начальнику ГПУ Бакланову для вручения ему официального акта амнистии из Москвы, тот выпустил в Шиту всю обойму из своего пистолета. Тяжело раненный Истамулов насмерть заколол вероломного начальника, но сам был добит наружной охраной ГПУ. Брат Шиты Хасан ушел в горы и со своими сторонниками до 1935 года беспощадно мстил чекистам за убийство брата.

В 1930-е годы в Чечне производятся массовые аресты среди традиционных мусульманских лидеров (имамов мечетей, руководителей виров суфийских братств), закрываются многие мечети. Все это было связано с общим духом антирелигиозной истерии, царившей тогда в Советском Союзе. Вместе с тем большинство чеченцев продолжало хранить верность своим исламским традициям. Интересно, что с этим связан отказ от проведения мобилизации чеченцев на службу в армию в годы Второй Мировой войны. В феврале 1942 года Главное командование Красной армии издало специальный приказ, мотивировавший освобождение чеченцев, а также ингушей от военной службы по религиозным убеждениям, поскольку они отказывались есть свинину. Вероятно, постепенно раздражение центральной советской власти против чеченцев нарастало. Депортация и тех, и других началась 23 февраля 1944 года в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Российской Советской Социалистической Республики «О ликвидации Чечено-Ингушской Автономной Республики и выселении ее населения». Указ голословно обвинял чеченцев и ингушей в коллаборационизме с немцами, хотя территория Чечено-Ингушетии не была оккупирована немецкими войсками, если не считать кратковременного занятия пограничного пункта Малгобек, в то время населенного русскими.

Несмотря на разрешение чеченцам и ингушам вернуться в родные места, принятое Хрущевым, российское правительство и парламент так до сих пор публично и не извинились перед этими репрессированными народами. Тем не менее депортация, как представляется, весьма благоприятно сказалась на сохранении религиозных традиций чеченского народа. Можно даже говорить о том, что у многих соседей чеченцев из числа тех, кто не пережил трагедии депортации, за исключением, пожалуй, дагестанцев, их религиозные традиции оказались в значительной степени утраченными. Известно, что тяжелые жизненные

испытания наряду с материальными невзгодами способствуют углублению духовного опыта народа и его мистического мировосприятия. Чеченские горцы, оторвавшись от родной кавказской среды и оказавшись в толще Советского Союза в Казахстане, активно взаимодействовали с местным населением, казахами и русскими, а также другими собратьями по несчастью. Все это сильно способствовало сохранению и обогащению религиозного и духовного опыта чеченцев. Многие чеченские мусульманские учителя не пережили эпохи изгнания, но они передали свои знания и традиции младшим поколениям.

Интересно, что степень духовной свободы у горцев-изгнанников была выше, чем у других северокавказских горцев, не подвергшихся выселению, но зато оказавшихся под неусыпным тоталитарным контролем. Общение с православным и другим христианским населением содействовало возникновению среди чеченцев значительного внимания к Иисусу Христу, хотя и воспринимаемому, согласно мусульманской традиции, в качестве одного из пророков, и вере в его второе пришествие.

После возвращения чеченцев из ссылки (депортации) и восстановления Чечено-Ингушетии в 1957 году религиозная жизнь в республике пребывала под спудом и подпала под «компетенцию», созданного еще в 1944 году при Сталине Духовного управления мусульман Северного Кавказа (ДУМСК). Полное отсутствие до 1978 года мечетей придавало ей фактически нелегальный характер. Представители советской власти провоцировали конфликты между различными течениями суфийского ислама. Духовных лидеров суфизма принуждали к сотрудничеству с КГБ. Особенно характерно это было для братства Накшбандия, некоторые члены которой впоследствии достигли значительных постов в советской администрации (например, последний первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС Д. Завгаев).

Фактическая легализация ислама постепенно начинается в 1980-х годах. С приходом к власти в Чечено-Ингушской АССР в 1989 году. Доку Завгаева ислам и мусульманское духовенство в республике получают полную свободу. Распад ДУМСК в 1989–1990 годах сделал возможным создание Духовного управления мусульман Чечено-Ингушетии (ДУМ Чечено-Ингушетии) во главе с муфтием Шахидом-хаджи Газабаевым.

В начале 1990-х годов в Чечне начинается процесс быстрого возрождения ислама: строятся мечети, восстанавливаются «зераты» (святые места), открывшиеся в Грозном и Назрани (Ингушетия) исламские институты готовят кадры имамов; впервые группы студентов отправляются на учебу в зарубежные исламские центры и т.д. В ноябре 1990 года выходит в свет первый выпуск религиозного журнала «Исламан зянарш» («Зори ислама»). В Чечне, как и в Дагестане, в 1990-е годы ислам развивается быстрыми темпами, широкие масштабы принимает ежегодный выезд паломников в Мекку.

5. Ислам в Чечне в эпоху Дудаева

Михаил РОЩИН

В 1990 году еще в единой Чечено-Ингушетии, в условиях общей активизации общественно-политической жизни, появляются две исламские политические партии – «Исламский путь» и местное отделение «общесоюзной» Исламской партии возрождения, при этом партия «Исламский путь» активно участвует в чеченском национальном движении (в составе его радикального крыла, добивавшегося отставки республиканского «партократического» руководства).

Революционные события в Чечне в августе–ноябре 1991 года приводят к созданию де-факто самостоятельной Чеченской Республики на территории большей части бывшей ЧИ АССР. В этих условиях ДУМ ЧИ преобразовывается в Духовное управление мусульман Чеченской Республики (ДУМ ЧР). Его председателем стал, взамен ушедшего в отставку Ш. Газабаева, Мухаммад-Башир-хаджи Арсанукаев.

В начале 1992 года на фоне обострения противоречий между сторонниками и противниками чеченского режима во главе с президентом Дудаевым произошло размежевание в рядах духовенства. 1 марта продудаевские элементы собрали чрезвычайный съезд мусульман Чеченской Республики (ЧР), который, обвинив муфтият в «пассивности» перед лицом оппозиционных сил, заявил о его упразднении и создании альтернативной религиозной структуры – Исламского центра ЧР во главе с Мухаммад-Хусайном Алсабековым, советником Дудаева по делам религии (сам Дудаев заявлял, что он принадлежит к вирду Кунта-Хаджи). Муфтият, однако, не признал правомочным это решение и продолжил

свою работу, несмотря на информационную «блокаду» со стороны чеченских властей.

В январе 1993 года, тем не менее, в республике прошли выборы нового муфтия, которым становится полностью лояльный к политическому курсу Дудаева чеченский алим Махмуд Гаркаев (Мадин Махмуд). С этого времени оба муфтията стали действовать в Чечне параллельно, один – будучи не признанным официальным Грозным.

В начале 1994 года продудаевским муфтием мусульман Чечни стал сменивший на этом посту М. Гаркаева бывший председатель Исламского центра Мухаммад-Хусайн Алсабеков. Муфтий Арсанукаев, поддержанный пророссийским правительством Саламбака Хаджиева, был признан федеральными властями в феврале 1995 года, вскоре после начала Первой чеченской войны, но умер в 1997 году.

Начиная со времени президенства Джохара Дудаева, политика властей в Чечне и ислам были неразрывно связаны между собой. Муфтии неизбежно превращались в политические фигуры. Значительная часть низшего духовенства (сельские муллы, авторитеты суфийских общин братства Кадирия, особенно последователей Кунта-хаджи) поддерживали режим президента Дудаева как «имама Чечни». Другие представители духовенства (в частности, муфтий М.-Б. Арсанукаев и его сторонники), а также влиятельная в республике Накшбандийская община последователей Дени-шейха (Арсанова), выступали в оппозиции к нему. Духовный глава общины, Ильяс-хаджи Арсанов, стоял у истоков антидудаевского Движения за сохранение единства Чечено-Ингушетии (ДСЕЧИ), созданного в октябре 1991 года.

С приверженцами Накшбандийского тариката в представлении чеченской мусульманской общественности связывается попытка оппозиции совершить переворот в Чечне 31 марта 1992 г. Неслучайно муфтия Арсанукаева, последователя Накшбандийского тариката, Дудаев обвинил в пособничестве оппозиционерам.

Постепенная исламизация общества заставила Дудаева, который не был известен, как ортодоксальный мусульманин, использовать ислам в качестве политического аргумента. Идеологом исламской политики стал

вице-президент Чечни – Зелимхан Яндарбиев. Джохар Дудаев уделял особое внимание исламу как важнейшему фактору сплочению чеченского народа, однако при этом подчеркивал, что Чечня станет демократическим и правовым государством, а все ее граждане, независимо от их вероисповедания, будут равны в своих правах и обязанностях. Принятая в марте 1992 года конституция Чечни зафиксировала отделение религиозных организаций от государства и гарантировала свободу отправления культа для всех граждан республики. В соответствии с этой политикой Дудаевым был принят указ об объявлении православной Пасхи, наряду с мусульманскими праздниками, нерабочим днем.

В апреле 1992 года указом Дудаева был учрежден Национальный комитет по делам исламской религии при президенте, задачей которого было создание «условий для возрождения исламской религии в Республике, координации и укрепления всесторонних связей с зарубежными исламскими организациями и учреждениями». В октябре 1992 года председатель Национального комитета по правовой реформе Усман Имаев представил в парламент свой проект нового уголовного кодекса, который предусматривал введение шариатских наказаний за некоторые виды преступлений (в том числе – отсечение руки за воровство). Проект не получил одобрения большинства депутатов. Муфтий республики М.-Б. Арсанукаев, убежденный противник введения шариатского судопроизводства, был также против и доказывал, что общество еще не готово к введению шариатских норм. В феврале 1993 года сам президент Чечни предложил внести поправки к конституции, которые, в частности, предусматривали придание исламу статуса государственной религии и введение в республике шариатских судов при сохранении гражданского судопроизводства.

За официальное закрепление за исламом статуса государственной религии, за введение шариата и упразднение других органов власти выступала значительная часть мусульманского духовенства. Одной из влиятельных организаций, проповедовавших эту идею, был Совет старейшин (Мехк кел), созданный в период революции главами некоторых чеченских тейпов (родов). Совет старейшин считался «государственным консультативным органом» с функциями «контроля и морального надзора», но с начала 1992 года он стал претендовать на роль законодательного органа. Совет старейшин действовал в со-

юзе с частью мусульманского духовенства, объединившегося вокруг Исламского центра.

Новым для Чечни течением в исламе с 1990-х годов стала идеология салафизма или «ваххабизма». Его вдохновителями были дагестанские учителя – Багауддин Кебедев, ставший позднее фактически духовным наставником Конгресса народов Ичкерии и Дагестана, который возглавил Шамиль Басаев, и идеолог умеренного ваххабизма Ахмад-кади Ахтаев (умер в 1998 году). Ваххабизм проникал в основном во вновь создававшиеся мусульманские общины в Чечне. «Ваххабитами» становились молодые новообращенные мусульмане, которые ставили своей целью возрождение ислама с чистого листа, без примесей народных традиций, адата и суфизма. Почитание суфийских шейхов в салафитской среде приравнилось к «ширку», то есть к язычеству. «Салафиты», сторонники чистого ислама, также активно выступали за введение шариата в полном объеме, из их числа вербовались борцы за установление исламского государства на Северном Кавказе.

В условиях усиливающейся оппозиции Дудаеву, экономического и социального кризиса президенту Чечни был необходим образ «вождя, ниспосланного Аллахом», «защитника веры». В апреле–мае 1993 года сторонники Дудаева на улицах Грозного открыто защищали его как своего «имама».

В свою очередь, к исламу апеллировала и оппозиция, призывавшая народ не допустить установления в республике военной диктатуры или «спекуляции на исламе и исламской республике Джохаром Дудаевым». В гражданский раскол оказалось втянуто и мусульманское духовенство. При этом противостояние между продудаевской и антидудаевской религиозными «партиями» приобрело черты открытой конфронтации между последователями Кадирийского и Накшбандийского тарикатов.

6. Ислам по-кабардински: прошлое, настоящее, будущее

Арсен МУКОЖЕВ

До последнего времени изучение религии в национальной историографии, в сущности, сводилось к выявлению доисламских традиций и противопоставлению религиозной и национальной составляющих традиционной культуры кабардинцев. Акценты делались на довольно поздней и якобы насильственной исламизации адыгского народа, противостоянии свода законов «адыгэ хабзэ» этому процессу, якобы роковой роли ислама в адыгской истории, органической «чуждости» этой религии для адыгов в силу их природной невосприимчивости к монотеизму и т.п. В период советского атеизма пропаганда этих «научных выводов» должна была способствовать отходу верующих от религии. Сегодня усилиями ряда представителей местной интеллигенции происходит очередное их реанимирование. Эта тенденция стала приобретать определенную устойчивость, особенно после трагических событий октября 2005 года в Нальчике.

Вероятно, таким способом реализуется желание как бы «откреститься» от ислама. Однако в нынешней ситуации подобное отчуждение исламского компонента традиционной культуры кабардинцев ведет к отрыву верующих от национальных корней, тем самым прямо подталкивая их к предпочтению арабских или иных традиций.

Местное исламоведение сегодня делает только первые шаги. Но уже сейчас очевидно, что ни одно из этих положений не соответствует историческим особенностям исламизации кабардинцев.

Следует сразу отметить, что принятием ислама нужно считать не время, когда первый кабардинец стал мусульманином. Как это принято в религиоведении, речь следует вести о принятии ислама правящей элитой, например, старшим князем Кабарды (вспомним о принятии христианства князем Владимиром на Руси, ислама – ханом Узбеком в Золотой Орде и т.п., с последующим распространением этих религий среди подвластного населения).

Исторической науке сегодня неизвестна такая дата, хотя, по мнению исследователей, ислам стал проникать к адыгам в XIII–XIV веках из Золотой Орды. Документальные же источники свидетельствуют, что княжеский дом Темрюка Идарова (старшего князя Кабарды) к началу сближения с Россией – в середине XVI века уже исповедовал ислам. Как отмечал в своих записках английский посол в России Дженкинсон, в 1561 году Иван IV отказывал в приеме иностранцам, «будучи занят делами и готовясь вступить в брак с одной знатной черкешенкой магометанской веры», то есть с дочерью Темрюка Идарова – Гуашаней (в крещении – Марией).

Попытки же крещения адыгов, предпринятые христианскими миссионерами во второй половине XVI века, не имели успеха, хотя политические условия для их христианизации были вполне благоприятными. Напротив, в 1588 году Мамстрюк Темрюкович и Куденет Камбулатович (племянник Темрюка Идарова) давали московскому царю Федору Иоанновичу «шертъ (присягу – А. М.) по своей вере, по мусульманскому закону».

Вызывает возражения и утвердившаяся в адыгской историографии концепция «насильственной исламизации» в результате турецко-крымской экспансии. Документального подтверждения этой версии нет. Среди многочисленных жалоб, направленных со второй половины XVI века кабардинскими князьями русскому царю о притеснениях крымцев (если судить по материалам «Кабардино-русских отношений»), нет ни одного упоминания о насаждении ислама. В серии многочисленных набегов, совершенных крымско-турецкими войсками на Кабарду с середины XVI века до 70-х годов XVIII века, нет ни одного, предпринятого с целью распространения ислама.

Контакты кабардинцев с Крымским ханством далеко не ограничивались военными столкновениями. Они были связаны родственными узами, торговыми отношениями, институтом аталычества. Насколько правомерно считать, что хан отдавал своего ребенка на воспитание чужевцу?

В условиях политической раздробленности, приводившей к ожесточенной междоусобице, в Кабарде сложились как прорусская, так и прокрымская ориентации. При этом состав группировок, ориентировавшихся на Крым или Россию, не был постоянен. Крымские войска часто приглашались то одними, то другими кабардинскими князьями для участия в войне со своими противниками. На кого в таких случаях была направлена «насильственная исламизация»?

Адыгский историк и общественный деятель Хан-Гирей, говоря в одном сочинении о принуждении Шах-бази-Гиреем кабардинцев «принять магометанскую религию», в другом писал, что «религия, Магометом основанная, вкоренилась в Черкесской земле не влиянием военного мужества другого народа, но следствием посторонних, косвенных обстоятельств, которых должны мы искать в умственных его качествах».

Что же касается расхожего утверждения о «всего лишь 200-летней истории ислама у кабардинцев», берущего за точку отсчета учреждение в Кабарде в 1807 году шариатских судов «мехкеме», то оно неправомерно отождествляет изменение социально-политической роли ислама в годы Кавказской войны с началом исламизации. Другое дело, что именно в это время ислам глубоко проникает в общественное сознание, соционормативную систему, семейно-бытовую обрядность, духовную культуру кабардинцев.

Безусловно, исламизацию кабардинцев, как и других народов, не следует понимать как единовременный акт отказа от признания прежних божеств и исполнения языческих обрядов и ритуалов, искоренения доисламских представлений и предрассудков. Это сложный процесс смены духовных ориентиров. При этом многое из прежних, доисламских, представлений подвергалось переосмыслению и адаптации (постепенному выхолащиванию доисламского содержания).

Вписавшись в систему исламских представлений, они переставали осознаваться как языческие. Происходила также сакрализация народных традиций в духе ислама.

Важно подчеркнуть, что, восприняв наиболее либеральный ханафитский мазхаб, допускающий гибкое приспособление к различной этнокультурной среде и широкое пользование местным обычным правом, кабардинцы подвергли ислам этнизации. Этот естественный исторический процесс адаптации ислама к национальному морально-правовому кодексу кабардинцев протекал неоднозначно и растянулся на длительное время. В итоге сложилась своеобразная, локальная форма его функционирования, известная в религиоведении как «бытовой», «народный» ислам.

Сегодня многие представители национальной интеллигенции, воспитанные советским атеизмом, искусственно отчуждают исламский компонент традиционной культуры кабардинцев. В их представлении быть мусульманином означает быть фанатичным, а значит – не быть кабардинцем.

Действительно, менталитет кабардинцев, воплощенный в морально-правовом кодексе «адыгэ хабзэ», не приемлет крайностей, и фанатизм чужд особенностям их этнической психологии. Но подлинный-то ислам не предполагает фанатизма. Более того, он не требует слепого следования религиозным предписаниям без соотнесения пользы и вреда, без учета обстоятельств, возможностей и т.п.

Не выдерживает критики и утверждение о якобы «чуждости» ислама кабардинцам в силу того, что он возник на «чужом географическом пространстве». Такая точка зрения противоречит понятию «мировая религия», отрицает любое взаимовлияние культур. Если следовать этой логике, должно быть отвергнуто все, что возникло не «в наших географических условиях», в том числе европейская одежда, автомобили, компьютеры и т.п. Абсурдность такой постановки вопроса очевидна сама по себе.

Нельзя согласиться и с суждением об «арабизации» культуры кабардинцев в результате их исламизации. Что же делать в таком случае ве-

рующему мусульманину, желающему оставаться еще и кабардинцем? Как относиться к нашим дедам и прадедам, исповедовавшим ислам, известным эфендиям, знатокам и толкователям Корана, деятелям исламского просвещения начала XX века? Как относиться, наконец, к легендарному мудрецу, законодателю и судопроизводителю Жабаги Казануко, который, как известно, в конце жизни совершил хадж в Мекку? Как к «отошедшим» от национальных традиций?

Нельзя ведь утверждать, что по нормам обычного права жила лишь неверующая часть народа. На каком основании у адыга-мусульманина мы отнимаем этническую принадлежность? Ведь ислам – не национальная религия одних только арабов, а мировая. Он не предполагает «соблюдения арабских традиций», «исповедания арабской идеологии» и т.д.

При сохранении единой веры религиозные традиции бывают региональными. Культура кабардинцев после принятия ислама не стала, да и не должна была стать, арабской. Речь идет о влиянии именно мусульманской культуры. Даже язык мусульманского богослужения кабардинцы называют не арабским, а «языком Корана».

Таким образом, быть мусульманином – не означает быть арабом, так же как и быть кабардинцем не исключает возможности быть мусульманином. Более того, верующий может быть не меньшим патриотом своего народа, чем неверующий.

Проблему национального и религиозного нельзя сводить к вопросу «что лучше?», противопоставляя тем самым два компонента единой этнической культуры. Естественно, что до принятия ислама общественная жизнь кабардинцев регулировалась нормами «адыгэ хабзэ». Но эти функции она продолжала выполнять и после принятия ислама.

Ошибочно было бы утверждать, что «адыгэ хабзэ», возникнув в эпоху язычества, не претерпела никаких изменений, то есть не реагирует на естественные диалектические общественные процессы. Эта морально-правовая система настолько гибко вбирает в себя и адаптирует иные культурные ценности, что последние начинают восприниматься как национальное достояние.

Влияние ислама на этническую культуру кабардинцев происходило в таких сферах, как мир семьи, общественно-политическая жизнь, нравственно-дидактические ценности, национальное самосознание (включающее и идентификацию себя как этнических мусульман), нормы поведения и способы общения, внутренний распорядок жизни верующего, фольклор, язык и т.д. Вопреки бытующему мнению о безграмотности кабардинцев до 1917 года, в конце XIX – начале XX века именно под влиянием мусульманской культуры сформировались кабардинская национальная интеллектуальная элита, были созданы национальная литература, печать и книгоиздание, система образования (медресе с преподаванием религиозных и светских дисциплин), появился даже новый жанр национального устного музыкально-поэтического творчества – зэчыр.

Влияние ислама отразилось и на словарном фонде кабардинцев, который содержит довольно много арабизмов, причем не только богослужебного значения. В силу этих обстоятельств изъятие исламской составляющей из традиционной культуры кабардинцев приведет к нарушению «экологии» национальной культуры, к ее неполноценности, дисфункции всего социокультурного организма. Компенсировать подобную «ампутацию» не в состоянии довольно популярная сегодня в среде национальной интеллигенции идея «возврата к язычеству» как к основе мировоззрения и всей культуры адыгов.

Бесспорно, что язычество составляет огромный пласт адыгской культуры и его рудименты наблюдаются и по сей день. Однако национальное религиозное сознание кабардинцев далеко и безвозвратно ушло от мифопоэтического образа мира, пройдена «точка невозвращения», и такие призывы не приведут к реальным попыткам реставрации языческих культов.

Беспокоит другое: предлагаемая модель культурной самоорганизации народа на основе языческих представлений, по сути, направлена на примитивизацию не только религиозного, но и всего комплекса этнического сознания кабардинцев. Она не отвечает вызовам времени и внутренним потребностям этноса. Предложение нации заведомо регрессивного пути развития, нереализуемых идей, разрушительных целей свидетельствует, на мой взгляд, о глубоких и достаточно опасных метаморфозах национального мышления.

Позволю себе сделать и другой вывод. Местное исламоведение не должно более находиться на уровне «кустарного производства» и держаться на одной только симпатии исследователя к избранной теме. Необходимо развернуть планомерную исследовательскую работу, наладить целевую подготовку исламоведов, востоковедов, арабистов и заниматься исламской проблематикой всерьез.

7. Мусульмане в Кабардино-Балкарской Республике

Михаил РОЩИН, Роман ЛУНКИН

Краткая история

Для кабардинцев и балкарцев характерно позднее и достаточно поверхностное восприятие ислама. История религии этих двух народов связана с одновременным почитанием языческих, христианских и мусульманских традиций, при этом последние две религиозные системы, как правило, мифологизируются и приобретают определенные черты языческих культов. Конфессиональная традиция кабардинского и балкарского народов тесно взаимосвязана с их этногенезом. Нахождение на одном урочище христианских и мусульманских памятников и совершение здесь же языческих обрядов для многих жителей горной Балкарии и в особенности Кабарды остается нормальным явлением.

Кабардинцы – один из адыгских народов, сами себя они называют «адыхе», русские всех адыгов именовали «черкесами» (помимо кабардинцев, к адыгам относятся современные адыгейцы и черкесы), а кабардинцев – «пятигорскими черкесами». Одной из главных национальных особенностей адыгейцев является наличие своеобразного этического кодекса – «адыгэ хабзэ». Основными его ценностями являются почитание старших, женщин, детей и достоинство личности в целом. Кроме того, «адыгэ хабзэ» являлся сводом правил семейно-бытовой и хозяйственной жизни, а также рыцарским кодексом чести. Соблюдение кодекса чести и нравственных правил, им предписываемых,

скреплялось клятвой именем языческого бога Тха. По мнению многих исследователей, адыгская этика является единственной истинной национальной религией адыгов, ниспосланной Богом, под которым подразумевается языческий Тха, христианский Бог и Аллах.

По мнению современного исследователя Баразби Бгажнокова, именно адыгская этика сделала кабардинский ислам более веротерпимым и культурным, создала слой мусульманской интеллигенции – аристократии Кабарды, уничтоженной полностью при советской власти. Бгажноков дает адыгское определение ислама: «Мусульманство – это соблюдение принципов адыгской этики, сопровождающееся знанием Корана, исполнением исламских обрядов и ритуалов. В традиционном общественном мнении, обладающий мусульманством – культурный, интеллигентный и благочестивый человек, входящий, благодаря этому, в элиту адыгского общества. Такие отношения с исламом обогащают адыгскую этику, снабжают ее новым, еще более богатым духовным содержанием. Адыгство становится высшей реальностью и конечной целью бытия. «Создатель на небесах и дарованное им адыгство на земле» – таков традиционный символ веры адыгского народа. С другой стороны, это создает почву для утверждения гуманистического ислама, в котором доминирует культура мира, согласия, взаимопонимания» (Б.Х. Бгажноков. «Адыгская этика». Нальчик, 1999. С. 85). Понятие мусульманства у кабардинцев, сконструированное как смысловое производное от адыгства, изначально предполагало соединение ислама и «адыгэ хабзэ».

Становление ислама среди адыгейцев осуществлялось поэтапно. На Северный Кавказ ислам проник в VII веке, когда арабы пытались захватить Дербент (Южный Дагестан), но тогда они не смогли закрепить в «стране гор». В то же время им удалось оказать определенное влияние на религиозные убеждения местных жителей, которые первыми на Северном Кавказе приняли ислам. В дальнейшем ислам постепенно проникал к адыгам из Золотой Орды через Нижнее Поволжье, но серьезного влияния не оказывал.

XIII – первая половина XVI веков: проникновение ислама на Северо-Западный Кавказ, в том числе в Кабарду. После захвата Турцией Черноморского побережья Грузии и Абхазии в середине XV века и всего

Крыма в 1475 году походы против народов Северного Кавказа турецкие паши и крымские ханы вели под знаменем ислама. В XVI веке часть кабардинских князей приняла ислам суннитского толка. Из Кабарды ислам (суннизм ханифитского толка) проник в Балкарию, где окончательно утвердился к середине XVIII века. Однако в народе еще были очень сильны языческие верования; соединение их с мусульманской традицией прослеживалось во многих обрядах. Кабардинцы сопротивлялись введению мусульманского законодательства – шариата, сохраняя приверженность местным обычаям – «адатам» и «адыгэ хабзэ».

Вторая половина XVI – конец XVIII веков связаны с вовлечением кабардинцев в противоборство между Турцией и Россией. Кабарда раскололась на два политических лагеря: тюркской, мусульманской направленности, и русской ориентации; представители второго лагеря сохраняли языческие верования или обращались в христианство. После того как в 1557 году был заключен военный союз России с Кабардой, кабардинцы появляются на русской службе. Но в 1570 году кабардинцы были разбиты и покорены крымским ханом Шах Аббас Гиреем, который увел «пятигорских черкес», то есть кабардинцев, на Кубань и принудил их принять ислам. С этого времени многие кабардинцы стали считать себя мусульманами. В то же время давление Турции и Крымского ханства на Северный Кавказ провоцировало антимусульманские настроения в адыгской среде. В поисках защиты кабардинцы обратились к России. В 1711 году Петр I дал грамоту кабардинскому народу о принятии его в российское подданство. Началось заселение Северного Кавказа выходцами из России. Кабарда принимала активное участие в русско-турецких войнах 1735–1739 и 1768–1774 годов. По Кучюк-Кайнарджийскому мирному договору 1774 года Кабарда оставалась в подданстве России.

В конце XVIII века среди кабардинцев растет сопротивление русской экспансии. В 1779 году генерал Якоби организовал первую карательную экспедицию в Кабарду: кабардинцы сопротивлялись строительству Большой Кавказской линии для размещения подразделений регулярных войск. Эти события положили начало русско-кавказским войнам, принявшим со временем ярко выраженный религиозный характер.

XIX век характеризуется усилением религиозности кабардинцев и их тотальной исламизацией в результате совместного противостояния

горских народов российской экспансии. В 1785 году на Северном Кавказе появился шейх Мансур (Ушурма) – первый суфийский лидер на Кавказе. Его проповедническая деятельность затронула и Кабарду. Свою деятельность в качестве мусульманского проповедника он начал в чеченском ауле Алды, а спустя некоторое время переселился в Кабарду, где призывал местных жителей на борьбу с Россией и декларировал необходимость единения с Турцией и Крымом. Суфийские духовные лидеры оказали большое влияние на процесс дальнейшей исламизации кабардинского народа.

Проповедь шейха Мансура была подхвачена на Северном Кавказе первыми имамами мюридов (приверженцев накшбандийского тариката) Гамзат-беком и Гази-Магомедом, а затем Шамилем (провозглашен имамом в 1834 году). Шамиль развил мюридизм в структурированную политическую систему, под его властью и знаменем мюридизма в войне против России объединились разрозненные племена горцев Чечни и Дагестана. Все более явным становится отождествление русских с кяфирами (неверными), появляются призывы к священной войне – джихаду. Несмотря на то, что в период Кавказской войны (1818–1861) Кабарда официально не участвовала в движении имама Шамиля и считалась «мирной», многие из добровольно примкнувших к Шамилю соседей, в том числе кабардинцев, занимали в имамате высокие должности. Например, большой популярностью среди мюридов пользовался кабардинский князь Мухаммед-мирза Анзаров, примкнувший к Шамилю во время похода на Кабарду в 1846 году и назначенный затем наибом (наместником) Малой Чечни. С этого периода на территории Северного Кавказа прочно закрепилось шариатское судопроизводство, которое в Кабарде существовало до 1922 года.

Пленение Шамиля (1859) стало сигналом для решительного наступления России на земли адыгских народов Кавказа. Черкесам было предложено или переселиться на Кубань, или выселиться в Турцию. Происходит массовое выселение (мухаджирство) жителей Северного Кавказа в Османскую империю. Были репатриированы не только семьи и села, но и целые народности. В Османской империи всех мухаджиров (изгнанников) стали именовать «черкесами». Так, только с 1859 по 1862 год из 45 селений Кабарды в Турцию были выселены более 10 тысяч человек. Земли мухаджиров заселялись выходцами из Рос-

сии. Оставшиеся мусульмане были включены в общий реестр и переданы в ведение Оренбургского мусульманского духовного собрания. К 1914 году Терская область (в состав которой в этот период входила Кабарда) занимала второе место по численности мусульманских общин на Северном Кавказе – 297 общин (в Дагестане – 1856). Накануне 1917 года в Кабарде действовало 219 мечетей, 16 церквей, 1 синагога и 3 молитвенных здания других конфессий.

На территории Балкарии в горные ущелья Приэльбрусья ислам стал проникать в XVI веке, но до середины XVIII века среди балкарцев (потомков тюркоязычных болгар) было сильно христианство, которое оказало значительное влияние на язык и обычаи народа. Несмотря на распространявшийся более энергично в XVIII – XIX веках ислам, даже в начале XX века в Балкарии оставались христианские селения. Знать в основном принимала мусульманство, а простые крестьяне оставались христианами, либо язычниками. В XIX веке ислам стал официальной религией в Балкарии (С. Бабаев. «К вопросам истории языка и религии балкарского и карачаевского народов». Нальчик, 2000. С. 147–190). Балкарский ислам не отличался ортодоксальностью – многие мусульманские установления нарушались. Например, в пищу употреблялась свинина, исламские обряды перемешивались с народными традициями, связанными с горским этикетом – «тауадэтом», который во многом напоминает «адыгэ-хабзэ».

В 1921 году постановлением ВЦИК была образована Кабардино-Балкарская автономная область в составе РСФСР. В советский период Кабардино-Балкария, как и весь Северный Кавказ, стала ареной борьбы с «религиозными пережитками», «кулацко-мульскими элементами» и «антисоветским подпольем», в результате чего в 30-е годы здесь были уничтожены практически все мечети, а духовенство подверглось репрессиям. В 1944 году балкарское население, обвиненное Сталиным в сотрудничестве с гитлеровцами, было поголовно депортировано в Сибирь и Среднюю Азию (где оно пребывало вплоть до начала хрущевской «оттепели»), а республика была переименована в Кабардинскую АССР. На 1 мая 1951 года в Северо-Кавказском крае действовало 35 мечетей, из них в Кабарде – 7.

Условия ссылки (возвращение началось в 1957–1958 годах), как и в случае других депортированных мусульманских народов Кавка-

за, способствовали усилению религиозности балкарцев. В 1961 году в Кабардино-Балкарии насчитывалось более 20 мусульманских общин, из них зарегистрированы были только 3 (125 верующих, 6 «служителей культа»). На самом деле число незарегистрированных мусульманских объединений было гораздо больше. Подавление ислама привело к росту подпольных мусульманских общин. Например, в Терском районе, где на начало 70-х годов зарегистрированных общин не было, почти в каждом населенном пункте имелся свой священнослужитель (по некоторым данным – более 15 человек). В 1974 году в Кабардино-Балкарии существовало более 150 сельских и городских действующих кладбищ и на семидесяти из них имелись молельные дома (в виде кладбищенских сторожек), многие из которых по размерам не уступали действующим мечетям.

В 1980 году в Кабардино-Балкарии было лишь две действующих мечети – в Нальчике (центр Кабарды) и в Кызбуруне (на балкарской территории). Начиная с 1985 года наблюдается постепенное увеличение числа мусульманских объединений, а официальная статистика отмечает все меньше незарегистрированных общин. К концу 80-х годов число мечетей увеличилось до 9. В 1989 году, после распада ДУМСКД, в Нальчике было образовано Духовное управление мусульман Кабардино-Балкарии во главе с муфтием Шафиком Пшихачевым, кабардинцем по национальности.

Вероучение и современное положение

Ислам в Кабардино-Балкарии подвержен сильному влиянию местных верований и традиций, а мусульманские обряды тесно переплетаются с народными. Важнейшую роль до настоящего времени в жизни кабардинцев (адыгов) играют народные традиции и обычаи – «адаты», выполняющие роль своего рода «парарелигии». В первую очередь это адыгский кодекс морали и чести «адыгэ хабзэ», имеющий в основном языческое происхождение. Во многих случаях этот кодекс считается важнее мусульманских обычаев и шариата. В этой системе этических норм важное место занимают традиции почитания старших («власть старшего равна власти Бога»), культ предков, воинская доблесть («из адыгского воина также трудно сделать муллу, как из турецкого

муллы – воина»), почитание гостя, культ семьи, а также обряды, связанные с пищей («пища важнее Корана»). В селах древние народные обычаи сохранялись на протяжении всех лет советской власти и заметно усилились в последние годы. Единственным обрядом, в котором в большой степени сильна мусульманская традиция, остаются похороны (хотя и этот обряд в определенной мере дополнен домусульманскими обычаями).

Доисламские верования оказывали и продолжают оказывать влияние на образ жизни кабардинцев. Для кабардинцев характерно одновременное почитание языческих, христианских и мусульманских божеств (джинов), при этом последние две категории, как правило, мифологизируются и приобретают определенные черты языческих культов. Язычество присутствует в «адыгэ хабзэ» в виде постоянного обращения в призывах и клятвах к богу Тха, однако языческие представления среди кабардинцев достаточно слабы и господствующими для практикующих мусульман и тех, кто не ходит в мечеть, являются нормы адыгской этики.

У балкарского народа (тюрков по происхождению) также существует свой народный этикет – «тауадэт» («горный адат»), который столь же тесно связан с исламом, как и у кабардинцев. «Тауадэт» практически полностью повторяет нормы «адыгэ хабзэ» (многие исследователи полагают, что «горный адат» у балкарцев полностью заимствован у кабардинцев). В силу того, что «тауадэт» не является столь всеобъемлющей самостоятельной культурно-бытовой системой, как «адыгэ хабзэ» у кабардинцев, ислам среди балкарцев более укоренен. В балкарских селах ислам ортодоксальней, чем в целом по Кабардино-Балкарии, а соблюдение всех чисто мусульманских предписаний более последовательное.

Преобразования в религиозной жизни начались в 1991 году. После принятия новых общесоюзных законодательных актов (1990) стали положительно решаться вопросы обеспечения общин культовыми помещениями и имуществом, создания условий для подготовки кадров духовенства, миротворческой, благотворительной и издательской деятельности. Мусульманские организации получили доступ к средствам массовой информации, начали устанавливать самостоятельные контакты с зарубежными религиозными центрами.

Руководство ДУМ Кабардино-Балкарской Республики во главе с Шафиком Пшихачевым проводило политику полной лояльности по отношению к властям, так как во многом власть муфтията в республике держится с помощью светских властей. Понимая это, руководство ДУМ во всем следовало и следует указаниям представителей власти. Муфтий Шафик Пшихачев, назначенный в 1989 году при содействии руководства Кабардино-Балкарии, которое тогда возглавлял В. Коков, не был авторитарным лидером. Мусульманские лидеры Кабардино-Балкарии считают себя патриотами России и выступают против введения норм шариата. Они считают, что шариатские нормы следует воспринимать «духовно», «символически». По выражению одного из руководителей ДУМ, «шариатское законодательство здесь никогда не получится. Нам шариат не нужен, если будешь к этому призывать, то обманешь народ. В Мекке даже бесплатно не буду жить». Суфийская традиция, по словам заместителя муфтия Тахира Азмурзаева, «является интеллектуальной традицией ислама, а суфизм имеет свои исторические корни в Кабарде. Суфийская традиция еще почитается в селах среди стариков, в Кабарде – суфийские шейхи из Дагестана до революции внесли в ислам особую философскую глубину». Лидеры Духовного управления надеются, что им удастся создать такую культурную атмосферу, которая существовала в Кабарде до революции в среде кабардинской мусульманской интеллигенции, когда шариатское судопроизводство сочеталось с местными традициями, а ислам считался самым мягким, веротерпимым и лояльным по отношению к России на Северном Кавказе.

В 90-е годы основным направлением политики исламских лидеров Кабардино-Балкарии было развитие мусульманского образования и подготовка собственных преподавательских кадров в различных учебных заведениях, прежде всего – на Ближнем Востоке. В «Программе возрождения адыгской культуры», представленной в 1992 году Конгрессом кабардинского народа – ведущей организацией кабардинского национального движения, предусматривалось ввести во всех учебных заведениях республики предмет «основы ислама» («дин хабзэ») в качестве обязательной дисциплины, а также сотрудничать с ДУМ Кабардино-Балкарии, «особенно в организации медресе и детских школ по изучению основ ислама». В 1991 году в Нальчике открылась первая официальная школа-медресе, которая в 1993 году была преобразована в Исламский институт. Около сотни студентов из Кабардино-

Балкарии проходили обучение в Саудовской Аравии (Университет Мохаммада бен Сауда), Египте, Сирии, Иордании и Турции.

Поддержку мусульманским общинам оказывали благотворительные арабские организации, аккредитованные в республике, такие как Международная организация «Спасение», Всемирная ассамблея исламской молодежи «ан-Надва» и другие. При содействии Саудовской Аравии в Нальчике был создан Центр исламской молодежи, организовано отделение Международной организации по спасению ислама «Дагуат». В штате «Дагуат» работали до 50 сотрудников, закрепленных за конкретными населенными пунктами. Деятельность и планы организации координировались Духовным управлением и Советом раис-имамов Кабардино-Балкарской Республики. Основным объектом пропагандистской деятельности были детские сады и школы. Как отмечал кади Духовного управления Кабардино-Балкарской Республики Аль-Хадж Шарафутдин Чочаев, «через детей мы надеемся влиять на родителей». Изучение основ ислама постепенно вводилось во всех общеобразовательных школах республики. Официальные медресе, кроме Нальчика, были открыты в городе Баксане, поселке Куркужин Баксанского района, поселениях Сармаково и Камлюково Зольского района. Расширенное обучение исламу детей всех возрастов осуществлялось в городе Тырныауз.

В 1992 году началась разработка проекта по строительству в Нальчике крупного общественно-религиозного центра, где предполагается разместить ДУМ Кабардино-Балкарии, молельный зал на 1,5 тысяч мест, зал бракосочетаний, конференц-зал, библиотеку, книгохранилище, типографию (архитектор – Заур Матуев). В 1994 году мусульмане республики с участием президента республики В. Кокова, представителей общественных организаций, районных и городских органов власти заложили первый камень этого религиозного центра. Во время проведенного в республике марафона были собраны значительные средства на «джума-мечеть» (соборную мечеть), однако собранные деньги исчезли (как объясняют руководители ДУМ – сгорели в банке).

Однако всем этим инициативам либо не суждено было получить серьезное развитие, либо они были законсервированы по инициативе светских властей. Причиной этого во многом стала начавшаяся в 1994 году Первая чеченская война, а затем вторая Чеченская кампания, которые

повлекли за собой поток беженцев из Чечни, в том числе и в Кабардино-Балкарию. Основной проблемой властей стала проблема «ваххабизма», под которым подразумевались экстремисты-мусульмане, призывающие к войне против России и к установлению исламского государства в республиках Северного Кавказа.

В конце 90-х годов подозрения властей в «ваххабизме» вызвал Исламский институт и он был закрыт «на переаттестацию». Занятия в институте, несмотря ни на что, были продолжены. Было пересмотрено решение о строительстве исламского центра в Нальчике. Власти сочли, что внушительный исламский центр в городе не нужен, и выделили мусульманам под мечеть бывший кинотеатр на окраине города.

Общественная активность мусульман 90-х годов была также поставлена под контроль властей. Опасения вызвала поддержка, которую мусульманским общинам оказывали арабские организации, аккредитованные в республике. В 2000 году по распоряжению властей все исламские центры, за исключением исламских компьютерных курсов, были закрыты. Любая деятельность мусульман стала легальной только в рамках ДУМ.

Муфтий Анас Пшихачев с возмущением отмечал, что после 2000 года контроль со стороны властей над жизнью мусульманских общин стал более жестким. («По устному распоряжению главы МВД республики милиционеры опечатывают мечети, запрещают посещать мечети иногородним, ведут запись прихожан, – отметил муфтий Кабардино-Балкарской Республики Анас Пшихачев. – Милиция не раз заявляла о фактах обнаружения в наших мечетях оружия, бронжилетов и мишеней для стрельбы, но пока не представила доказательств. Под подозрение попали десятки мечетей, молодых людей без всяких на то оснований задерживают, избивают и запугивают». – «НГ-регионы», 19.01.2004). Вместе с тем Анас Пшихачев несколько непоследовательно заявил о том, что эта деятельность властей одновременно направлена против распространения ваххабизма в республике. В частности, муфтия вполне устраивает то, что участковые милиционеры следят за тем, чтобы проповедь в мечетях проводилась только с разрешения Духовного управления Кабардино-Балкарской Республики.

В 2003 году после периода сдерживания иламской активности в республике власти пошли навстречу ДУМ Кабардино-Балкарской Республики и дали ход некоторым мусульманским инициативам при условии жесткого контроля со стороны правоохранительных органов. Так, в июле 2003 года Исламский институт получил, наконец, образовательную лицензию, а в 2003 году было возобновлено строительство соборной мечети. Постройка соборной мечети была завершена летом 2004 года. Мечеть была построена полностью на средства предпринимателя из Москвы, уроженца Кабардино-Балкарской Республики, А. Каноква, нынешнего президента Кабардино-Балкарской Республики. По словам муфтия Анаса Пшихачева (он был убит радикальными мусульманами 15 декабря 2010 года), материальная помощь от властей нерегулярна и незначительна, ведь «у власти находятся вчерашние атеисты и до них трудно донести, какую пользу приносит религия».

В национальном вопросе ДУМ четко придерживается политики республиканской власти – равенства двух наций, при котором руководителями являются кабардинцы, а заместителями – балкарцы. В начале 90-х годов во время подъема балкарского национального движения были попытки создания балкарского муфтията, однако вместе с балкарским движением эта идея сошла на нет. И победила линия кабардинской бюрократии во главе с В. Коковым – единой республики и единого ДУМ. Заместитель муфтия – балкарец – регулярно проводит встречи в балкарском обществе «Голос Балкарии», в котором участвует и бывший лидер национального движения генерал Бипаев, занявший пост главы комиссии по реабилитации репрессированных народов и по правам человека при президенте В. Кокове.

Административная политика ДУМ находится под полным контролем властей республики, которые стремятся сделать ДУМ органом, полностью контролирующим все мусульманские общины в Кабардино-Балкарии. Выборность имамов в общинах строго регламентирована – избранный членами «джаамата» (общины) имам должен пройти утверждение у «раис-имама» (районного имама) и получить аттестацию в Духовном управлении, где для этого существует специальная комиссия.

В 1999 году был принят республиканский Закон о свободе совести. По признанию консультанта по религиозным организациям Хаджиму-

рата Езиева, требования Закона разработаны специально для контроля за деятельностью мусульманских общин. Для регистрации религиозной организации, согласно Закону, требуется 50 человек, а не 10 человек, как в федеральном Законе. Религиозные группы, могущие существовать без регистрации по федеральному Закону, законом Кабардино-Балкарской Республики не предусмотрены, любое религиозное объединение граждан имеет право на существование только в случае прохождения государственной регистрации. Эти ограничения вызвали трудности в перерегистрации мусульманских общин в 2001 году – десятки из них подверглись тщательной проверке.

Авторитарная политика режима В. Кокова и лояльная к нему позиция ДУМ, руководство которого ратует за интеллектуальный ислам «без джихада и шариата», все более раздражала молодых мусульман-неофитов, выступающих за «чистый ислам». В оппозиции к ДУМ находились и находятся молодежные мусульманские общины, состоящие в основном из неофитов. Для них истинная вера – это чистый ислам, без примесей народных обычаев и суфийской традиции. Шариат является нормой мусульманской жизни, идеалом, которого, по возможности, нужно достичь. Лидеры оппозиции первоначально состояли в ДУМ. Неформальным лидером оппозиции являлся имам-хатыб мечети в Вольном Ауле (около тысячи прихожан) – Муса Мукожев, ученик Ахмада-кади Ахтаева. До 2000 года Муса Мукожев был главой закрытого властями исламского центра, который занимался изучением арабского языка и чтением Корана. Оппозиционеры обвиняли и обвиняют ДУМ в губительной, по их мнению, для ислама в республике лояльности властям, в том, что муфтият не отстаивает интересов мусульман перед властями, а его руководство не придерживается ортодоксального ислама. В 1996 году Мукожев вошел в Конгресс народов Чечни и Дагестана, который возглавлял Шамиль Басаев, и неоднократно ездил в Чечню. Мукожев создал структуру, которая в любой момент была готова заменить действующую административную систему. В его организации были те же управления, что и в администрации президента Кабардино-Балкарии. Однако приход к власти он вначале планировал мирными средствами и никогда не был замечен в организации или планировании насильственных действий. После октябрьских событий 2005 года Мукожев ушел в подполье и был убит 10 мая 2009 года.

Сторонники Мусы Мукожева считают, что ислам в Кабардино-Балкарии должен возрождаться с чистого листа. Если в Кабарде и была какая-то суфийская традиция, то ее следует забыть, а местные народные традиции, связанные с адыгской этикой, не должны противоречить исламу, тем более, что, по мнению противников ДУМ, все лучшее есть в чистом исламе. Применение ислама, по их словам, должно быть полным, но путем образовательного и культурного роста верующих. С точки зрения бывшего старосты центральной мечети в Нальчике Хызыра, власти, закрывая исламский центр и институт, относятся к мусульманам неуважительно – «сейчас они пренебрегают нами, а ведь будущее за исламом, и чтобы решить свои проблемы, они придут к нам». По его словам, пока молодые мусульмане занимаются самообразованием при «джаматах» (общинах), а «бывшие советские руководители отворачивают наших детей от религии с помощью массовой культуры».

В начале 2000 года от Мукожева откололись сторонники террористических действий братья Аслан и Руслан Беккаевы, к которым присоединились около 300 радикальных ваххабитов. Беккаевы установили тесные связи с карачаевскими ваххабитами-террористами, которых возглавлял Хызыр Салпагаров. Объединение произошло в середине 2000 года. В качестве общей базы была выбрана заброшенная ферма на плато Бечасын на границе Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Грузии. Там была оборудована военная база. Боевики Салпагарова и Беккаевых совершили ряд террористических актов на территории Северного Кавказа. В течение 2001 года группировка Салпагарова-Беккаевых была разгромлена. Братья Беккаевы и ряд их сторонников бежали за границу. Другие были арестованы, погибли или скрылись.

Кровавые события 13–14 октября 2005 года в Нальчике стали свидетельством не просто радикализации мусульманской молодежи в Кабардино-Балкарской Республике, но и высветили драму во взаимоотношениях между властью и мусульманами, которая назревала там все последние годы.

Библиография

- Б. Бгажноков. «Адыгская этика». Нальчик, 1999
Н. Емельянова. «Мусульмане Кабарды». М., 1999
А. Малашенко. «Исламское возрождение в современной России». М., 1998
А. Малашенко. «Исламские ориентиры Северного Кавказа». М., 2001

8. Ислам в Адыгейской Республике

Сергей ФИЛАТОВ

Краткая история

Языческие племена адыгов подвергались поверхностной христианизации в VI-VII веках византийцами, в XIII-XV веках генуэзцами и венецианцами. К XVI веку адыги были народом двоеверов: поверхностное христианство уживалось с сохранившимся язычеством.

Исламизация Адыгеи, начавшись в XVI веке, завершилась в XVIII веке. Она явилась результатом доминирования на Северо-Западном Кавказе в этот период Османской империи и Крымского ханства, что обусловило распространение в Адыгее суннитского ислама ханифитского толка. Христианство было выкорчевано практически полностью: все церкви и монастыри были разрушены, христианское духовенство (шогени) истреблено. Следы христианского наследия присутствуют лишь в фольклоре – например, сохранилась песня в честь «Марии великой, великого Бога матери», в качестве амулетов популярны кресты.

Ислам, однако, также не успел пустить в Адыгее глубоких корней: не возникло суфийских орденов, шариат фактически не соблюдался. Громадную роль играли пережитки язычества и «адыгэ хабзэ» – система горского этикета и моральных норм.

Контакты с Россией начались со времен Ивана Грозного. Были нередки случаи переселения адыгских князей в Россию на службу и принятия ими православия. Адыгейцы, как и другие черкесские (адыгские) племена, населявшие регион, принимали участие в движении сопротивления кавказских горцев российской колонизации Кавказа (XVIII – середина XIX веков). Последствия Кавказской войны (1818–1864), и прежде всего массовое переселение адыгейцев в Турцию (50–60-е годы XIX века) сделали их меньшинством в составе населения нынешней Адыгеи.

В 1930-х годах в Адыгейской автономной области (образована в 1936 году как автономная область в составе Краснодарского края; с июня 1991 года – Советская Социалистическая Республика Адыгея; после распада СССР приняла название Адыгейской Республики) были закрыты и разрушены все мечети, полностью истреблено мусульманское духовенство. В отличие от некоторых других мусульманских республик Северного Кавказа, сопротивление политике насильственной атеизации было сравнительно слабым. В Адыгее не возникло подпольного ислама. В то же время, учитывая тот факт, что у адыгов национальные чувства развиты гораздо сильнее религиозных, среди них широко распространена благодарность советской власти за создание адыгской государственности и приверженность коммунистической идеологии (в ее горском понимании).

Съезд мусульман Адыгеи прошел в июне 1991 года в ауле Адамия (последний съезд мусульман-адыгов в советское время прошел в этом же ауле в 1925 году), на нем было образовано Дин Хасэ – объединение мусульман. Съезд принял устав общины мусульман Адыгеи (позднее преобразованной в муфтият Адыгеи и Краснодарского края), следующий съезд избрал муфтия – престарелого знатока ислама из аула Козет Мос Ибрагимовича Чекиба. В 1994 году Чекиб умер. Муфтием был избран Саид Хуако, до того советник муфтия, приехавший из Сирии в 1993 году. В 1996 году его сменили коренные жители Адыгеи – сначала Арслан Евтыхов, а в 1999 году – Эркен Шумафов. В 2002 году муфтием был избран также коренной житель Адыгеи – Нурбий Емиж.

Вероучение и современное положение

К началу 1990-х годов исламская религиозность среди большинства адыгов была очень слаба: не соблюдались почти никакие требования ислама, за исключением крупнейших религиозных праздников. Громадное большинство не соблюдает намаз, диетические ограничения ислама. Построенные в последние годы мечети, по признанию самого исламского духовенства, стоят практически пустые.

Между дисперсно разбросанными среди русских деревень адыгейскими аулами наблюдаются громадные различия и во влиянии, и в понимании ислама. Бывали случаи, когда старейшины отказывались пускать мусульманских миссионеров в аулы, заявляя, что ислам им не нужен – они чтут Ленина, а не Магомета. В некоторых аулах заметны обрядовые и фольклорные заимствования из православия. Нередки случаи, когда адыги из магических соображений крестят своих детей. В то же время есть аулы, в которых население хотя бы номинально придерживается «правильного» ислама.

На возрождение ислама в республике большое влияние оказали репатрианты-адыги из стран Ближнего Востока и Косова, потомки вынужденных переселенцев времен Кавказской войны, приехавшие в Адыгею в 1990-е годы (около 2500 человек). Они играют заметную роль в исламской общине Адыгеи. К репатриантам принадлежал бывший муфтий Адыгеи и Краснодарского края Саид Юнусович Хуако (адыг-репатриант из Сирии), избранный съездом мусульман муфтията в 1994 году, а также некоторые другие имамы. Среди них выделяется репатриант из Боснии имам мечети в Адыгейске, организатор первого в республике медресе Азмет Ташу.

Исламская религиозность адыгов и ныне невысока. По данным социологического опроса 1999–2000 годов только 35% адыгов «считают себя приверженцами ислама» (С. Ляушева. «Эволюция религиозных верований адыгов: история и современность», Майкоп: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. С. 151).

По мнению социолога Ляушевой, громадное большинство молодежи ориентируется либо на западные ценности, либо на традиционные адыгские и безразлично к мусульманской пропаганде.

Для понимания нынешней религиозной ситуации в Адыгее необходимо отметить особую парарелигиозную роль в духовной жизни адыгейского народа «адыгэ хабзэ» (или «адыгства») – системы правил этикета и моральных норм, выработанной веками и сохранявшейся и при доминировании язычества, и при доминировании христианства, и при доминировании ислама, и при доминировании коммунизма. Нормы «адыгэ хабзэ» организуют всю жизнь адыга – брачные и похоронные обряды, отношения в семье, обществе, на работе, приниженное положение женщины, солидарность и круговую поруку членов семьи, клана, рода, всего народа, отношение к начальству и к иноплеменникам.

Другая важная составляющая нынешней религиозности адыгов – сохранение и возрождение домонотеистической магии, оккультизма, спиритизма, гаданий, знахарства, ворожбы, «экстрасенсорики» и т.д. и т.п. Языческая мифология у адыгов почти не сохранилась. Хотя кое-где почитают священные рощи, холмы, родники.

Значение адыгства и языческой магии прекрасно видно по публикациям, вышедшим после 1990 года. При почти полном отсутствии работ об исламе, в Адыгее изданы десятки книг, брошюр, статей о «народной медицине», обычаях, «адыгэ хабзэ», повериях и сказаниях. В одной из таких работ (Р. Савб. «Мудрость адыгского этикета», Майкоп, 1995), например, утверждается, что свод моральных заповедей, которым руководствуются адыги, аналогичный библейскому Декалогу, содержится в устной традиции «хабзэ» (а не в исламе). Некоторые видные представители адыгской интеллигенции высказывают озабоченность тем, что ислам может девальвировать ценности традиционной адыгской культуры (Асфар Куёк, Марат Губжоков), считают экспансию ислама опасной для адыгейского народа и призывают вернуться к традиционным «горским ценностям».

Среди адыгейской интеллигенции в последнее время появились популяризаторы и пропагандисты адыгейского язычества во всей его полноте – с его мифологией и забытыми обрядами (Айдомир Зафесов

и Нурбий Лафпоче из Гуманитарного института, писательница Эмилия Шеуджен), но до сих пор это движение не имеет организации, не предпринимаются попытки кодификации возможного будущего учения.

Неудивительно, что значительная часть активистов исламского возрождения, кроме репатриантов, – не адыги, представители других национальностей, проживающие в республике, – чеченцы, кабардинцы, азербайджанцы, члены татарского общества «Дуслык», а также несколько (10–15) русских (наиболее известна среди них диктор телевидения Олейникова), принявших ислам. Как сказал нам один из активистов молодежного исламского движения, преподаватель исламоведения Адыгейского университета Саид Мусаджиев: «скорее русский станет настоящим верующим мусульманином, чем адыг».

Муфтий Емиж стремится как можно шире лично познакомить общественность с исламом. Он и его имамы часто выступают в государственных учреждениях, частных предприятиях, школах и вузах с лекциями об исламе. Сам муфтий регулярно выступает по республиканскому радио и телевидению. Постоянно подчеркивает в любых ситуациях свою дружбу и солидарность с епископом Русской православной церкви Пантелеймоном. Он считает, что тесное взаимодействие муфтията и православной епархии в Адыгее могут быть примером для остальной России. Часто организуют совместные лекции и выступления муфтия и епископа. Эти два религиозных лидера планируют совместную работу по борьбе с религиозным экстремизмом и наркоманией.

Среди российских религиозных движений и лидеров Емиж, в отличие от других муфтиев Северного Кавказа, в первую очередь ориентируется на Равиля Гайнутдина и его Совет муфтиев. Считает совершенно необходимым создание крепкой общероссийской исламской организации.

С советских времен и до 2002 года республику возглавлял президент Аслан Алиевич Джаримов. При Джаримове исламское возрождение во многом поддерживалось и направлялось руководством Адыгеи, проводившем политику консолидации адыгейской нации.

Одна из составляющих политики консолидации адыгейского народа – возрождение ислама. При финансовой поддержке правительства

и давлении на предпринимательские структуры, побуждающем их к спонсорству, в 1991–1997 годах в аулах на территории Адыгеи было построено более 20 мечетей и одна – в Лазаревском районе Краснодарского края (в месте проживания шапсугов). Правительство республики энергично привлекало спонсоров исламского возрождения из-за рубежа. В частности, в 2000 году на средства спонсоров из ОАЭ в Майкопе была построена соборная мечеть. В конце 1990-х некоторые иностранные исламские организации, действовавшие в Адыгее, были обвинены федеральными властями в поддержке экстремистской деятельности (в первую очередь, «Всемирный призыв») и были высланы из России.

Джаримов поддерживал обучение адыгов исламу в Ближневосточных странах. Несколько десятков юношей и девушек послали учиться исламу в Турцию, Сирию и Египет. После возвращения некоторые из них столкнулись с большими проблемами, так как их представления сильно расходились с тем, чего от них ждали земляки, и с тем, что считали допустимым правоохранительные органы.

С 1997 года обсуждается проект договора правительства Адыгеи с муфтиятом и православной епархией о преподавании ислама и православия в учебных заведениях республики. Успех этого проекта сомнителен, так как экспериментальное факультативное преподавание курса ислама в 1995–1996 годах в Адыгейском университете окончилось провалом: не было желающих его посещать.

Президент несколько раз собирал мусульманское духовенство республики и призывал к унификации религиозной жизни, к отказу от дорогостоящих для населения форм проведения религиозных праздников и обрядов и осуждал радикально-националистические и сепаратистские настроения части мусульманской молодежи.

В 1992–2002 годах правительство Адыгеи оказывало энергичную поддержку движению шапсугов (одного из адыгских народов), стремящегося создать автономное образование на Черноморском побережье в районе города Туапсе (их численность 10 тысяч человек, что составляет менее 7% населения этого района).

В январе 2002 года президентом Адыгеи был избран Хазрет Маджедович Совмен, который проводит политику в меньшей степени направленную на вмешательство в жизнь уммы. Продолжая финансово поддерживать (в том числе из личных средств) исламские организации, он в то же время склонен в большей степени, чем Джаримов, поддерживать и православную епархию. При президенте Совмене и муфтии Емиже кадры исламского духовенства стали отправлять на обучение в основном в учебные заведения на территории России. В первую очередь – в Карачаево-Черкесию и Кабардино-Балкарию.

Библиография

1. С. Ляушева. «Эволюция религиозных верований адыгов: история и современность». Майкоп: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002.
2. Р. Савб. «Мудрость адыгского этикета». Майкоп: «Адыгея», 1995.

9. Ислам в Карачаево-Черкесии и Ставропольском крае

Сергей ФИЛАТОВ, Роман ЛУНКИН

Краткая история

На территории современных Карачаево-Черкесии и Ставропольского края (равно как и на остальных территориях Северо-Западного Кавказа) древнее коренное население состояло из адыго-черкесских племен. Сейчас их потомки представлены в Карачаево-Черкесии и Ставропольском крае черкесами и абазинами (в Ставропольском крае также проживают несколько тысяч кабардинцев, среди которых есть небольшое христианское меньшинство). Позднее к ним присоединились тюркские племена, в настоящее время их потомки в Карачаево-Черкесии – карачаевцы и ногайцы.

Все эти народы подвергались нескольким волнам христианизации и исламизации, которые вплоть до XVIII века не имели окончательного успеха. В VI веке среди адыгских племен осуществлялась экспансия Византии, в результате которой часть адыго-черкесского населения, проживающего на территории нынешней Карачаево-Черкесии приняла православие (от тех времен сохранилось несколько пустующих сейчас памятников древней церковной архитектуры). Позднее, по мере ослабления влияния Византии, некоторые элементы христианской традиции остались лишь в народных обычаях и фольклоре – язычество вновь победило христианство к XII веку. В XIII–XV веках генуэзцы распространяли среди черкесов католичество и достигли в этом скромных и исключительно временных успехов.

Ислам проникал на территорию современной Карачаево-Черкесии еще в XIV-XV веках (походы Тимура, усилия крымских ханов). Однако реальное распространение ислама (в форме суннизма ханифитского толка) среди местных черкесских (адыгских) племен, как и среди остальных адыгов Северо-Западного Кавказа, началось лишь с XVII века, в результате ослабления связей между черкесами и Россией и усиления влияния в регионе Турции и Крымского ханства. При этом в роли посредника между турками и крымцами, с одной стороны, и населением края – с другой, служили представители знати.

Что касается тюркоязычных карачаевцев – потомков древних кипчаков, то в их среде мусульманство стало распространяться (также под турецко-крымским влиянием) лишь с XVIII века; окончательное его утверждение в Карачае относится к началу XIX века.

Черкесские племена в конце XVIII века участвовали в сопротивлении горцев российской экспансии (восстание шейха Мансура), выступая под знаменем «газавата» («войны за веру»). Тем не менее в период Кавказской войны (1818–1864) черкесское сопротивление не носило столь выраженного религиозного оттенка, как движение горцев Дагестана и Чечни; попытки дагестанских имамов, включая Шамиля, распространить свое влияние на Северо-Западный Кавказ, успеха не имели.

Окончание войны было отмечено полным исчезновением некоторых, сравнительно малочисленных, адыгских племен (например, убыхов) и массовым переселением черкесов в Турцию; переселение коснулось и значительной части карачаевцев. «Освободившиеся» земли заселялись русскими казаками. Ставропольский край и северо-запад Карачаево-Черкесии с тех пор в основном заселены русскими.

В советское время (20–30-е годы) в Карачаево-Черкесской автономной области (образована в 1928 году. В 1944–1957 годах была переименована в Черкесскую автономную область; с 1958 года существовала под прежним названием) большая часть мечетей была закрыта или уничтожена; духовенство подвергалось репрессиям. В 1944 году карачаевцы были поголовно сосланы в Сибирь и Среднюю Азию и лишь в 1957–58 годах вернулись на родину. Условия ссылки способствовали –

как и в случае других депортированных в этот период мусульманских народов Кавказа – усилению религиозности карачаевского населения.

В 1980 году в Карачаево-Черкесии имелось лишь 4 официально действовавших мечети (в селах Мирный, Учкент, Хальсан и Кумыш). В результате распада в 1989-1990 годах Духовного управления мусульман Северного Кавказа и Дагестана, которому подчинялось мусульманское духовенство Карачаево-Черкесии, в области в 1990 году было образовано самостоятельное Духовное управление во главе с муфтием Исмаилом Бердиевым. Это духовное управление распространило свое влияние не только на Карачаево-Черкессию, но и на Ставропольский край, где среди активных мусульман преобладают карачаевцы и ногайцы.

Особенности идеологии

Черкесы и абазинцы (как и другие адыго-черкесские народы) менее исламизированы по сравнению с другими народами Северного Кавказа. В их обычаях и религиозных представлениях сохранились элементы язычества (например, поклонение Святому Эльбрусу, верховному богу Тха, жертвоприношения некоторым языческим богам). Ведущий специалист по культуре и мировоззрению черкесов профессор Ибрагим Хамзатович Калмыков в интервью (от 23.10.1998) сказал нам, что среди черкесской и абазинской молодежи в последнее десятилетие наблюдается большой рост интереса к языческому, чем к исламскому наследию народа. До сих пор, однако, этот рост не привел к возникновению каких-либо форм организованного возрождения языческой религии и носит исключительно культурный характер. Особую «парарелигиозную» роль играет для черкесов отношение к своду национального этикета «хабзэ», имеющего в основном языческое происхождение. В синкретическом сознании черкесов есть место и для признания силы некоторых христианских обрядов – они пользуются святой водой из христианских храмов, иногда ставят свечки и молят Бога о своих нуждах.

Тюркские народы Карачаево-Черкесии – карачаевцы и ногайцы – также сохранили некоторые языческие верования, пережитки тенгрианства, а также близкий к черкесам этикет. Однако у тюрков мусульман-

ская религия укоренилась сильнее, исламское возрождение в основном происходит в их среде, а этикет и пережитки язычества играют меньшую роль.

Духовное управление (ДУМКЧиС) во главе с карачаевцем И. Бердиевым возникло в 1990 году. В идеологии ДУМКЧиС сочетается верность народным традициям и обычаям (адату), полное признание авторитета светских властей (республиканских и федеральных – «мы, россияне»). Теоретически признается превосходство шариата над светским правом, но при этом утверждается практическая невозможность его внедрения в обозримом будущем. В руководстве ДУМКЧиС и среди рядовых верующих широко распространены антизападные настроения. Эти настроения в полной мере проявились в мае 1998 года, когда в республику приехал со своими проповедями норвежский евангелист Эдвардсен. Во время его визита в республику были организованы антихристианские пикеты и демонстрации, были попытки сорвать его выступления. По республике распространялась листовка, в которой Запад обвинялся в многовековом заговоре против ислама (в листовке, в частности, говорилось: «...Эти гнусные крестоносцы хотят посредством разврата разрушить основы исламского общества... Пропагандистские организации христиан распространяют лживые сообщения о бессилии своих учреждений и провале своих планов. Их цель – обманом успокоить и словно гипнозом усыпить мусульман, чтобы они не выступали против христианской пропаганды... Сегодня и в нашей республике мы наблюдаем активизацию христианской пропаганды и некоторые результаты ее пагубного воздействия. Нашу республику наводнила масса религиозной и особенно сектантской литературы. Эти книги и брошюры очень высокого качества полиграфии. В основном они засылаются к нам из Англии и США. Различные христианские секты активизировали свою деятельность щедро финансируемую Западом. Вся эта литература выпускается на языках почти всех традиционно исламских народностей Кавказа»).

В начале 90-х, когда разрушились советские централизованные структуры управления мусульманами в России, ДУМКЧиС одно время сотрудничал с созданными в первую очередь российскими татарами ВКЦ и Советом муфтиев. Однако скоро наступило разочарование, лидеры ДУМКЧиС (как и большинства других северокавказских муфтиятов)

пришли к выводу, что и ВКЦ, и Совет муфтиев отстаивают перед российскими властями и финансовыми донорами из мусульманских стран свои интересы. ДУМКЧиС посчитал себя обделенным, и в 1998 году стал одним из организаторов созданного в том же году Координационного центра мусульман Северного Кавказа.

ДУМКЧиС находится в теснейшей политической связи с властями республики. Власти республики финансируют созданный в 1993 году при их участии Исламский институт имени Абу-Ханифа и с помощью правоохранительных органов республики преследуют многочисленных религиозных диссидентов, выступающих против муфтия Бердиева. Мусульманское диссидентское движение в Карачаево-Черкесии зародилось в 1989 году. В первое время (до 1991 года) наиболее ярким его проявлением была партия Исламского возрождения, созданная Ахмедом Биджи-улу (Мухаммадом Биджиевым).

На основе этой партии он попытался создать независимый от ДУМКЧиС имамат Карачая. По инициативе Биджиева в начале 90-х функционировали следующие организации: Духовный центр мусульман – Имамат Карачая, Карачаево-Балкарский независимый информационный центр «Аль-исламия», Центр исламской культуры. Биджиев был одним из лидеров движения за создание самостоятельной Карачаевской республики. В ноябре 1991 года Биджиев со своими сторонниками участвовал в «бессрочном» митинге, посвященном годовщине провозглашения Карачаевской республики.

30 ноября 1991 года в Доме Советов Карачаевска состоялось собрание сторонников Биджиева, которое объявляется I Съездом мусульман Карачая. На съезде провозглашается Имамат Карачая во главе с М. Биджиевым. 11 декабря 1991 года власти оказали решительный отпор притязаниям Биджиева на III Внеочередном Съезде мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополя, на котором биджиевские мероприятия были раскритикованы и признаны незаконными. Биджиев был вынужден отступить в Малокарачаевский район, где он имел много сторонников, и 2 января 1992 года организовал митинг по сносу памятника Ленину. В дальнейшем он покинул Карачаево-Черкесию и сосредоточился на работе председателя Межрегиональной исламской организации. В республике у него осталась микроскопическая группа активных последователей.

Параллельно с деятельностью М. Биджиева и частично в сотрудничестве с ним, с конца 90-х в Малокарачаевском районе осуществлялись попытки организации структур, противостоящих ДУМКЧиС – Оргкомитета мусульманских общин по строительству медресе в селении Учкенен, Совета Имамов Малокарачаевского района. В это же время была предпринята неудачная попытка создать Муфтият ногайского народа, который должен был объединить мусульман-ногайцев Карачаево-Черкесии, Ставропольского края и Чечни.

Власти сумели быстро подавить эту первую, самую эмоциональную волну мусульманского диссидентства. Однако очаги сопротивления не исчезли. Главными такими очагами стали мусульманские общины нескольких высокогорных сел на границе с Грузией и Усть-Джугутского района, в частности, община села Учкекен, которую возглавлял Рамазан Борлаков. Его сторонниками было захвачено здание медресе и сформирован преподавательский состав медресе из числа сторонников Борлакова, лидера организации «Мусульмане джамаата». Борлаков, в отличие от Биджиева, постоянно лавировал в своих отношениях с властями, публично не ставил под сомнение авторитет ДУМКЧиС. Соответственно, и власти долго не предпринимали против него решительных действий, перемежая угрозы посулами. В частности, власти пошли навстречу Борлакову и аттестовали преподавателей не признанного властями медресе. Борлаков стал номинальным лидером малоорганизованного и идейно разношерстного движения исламского диссидентства, которое иногда, не вдаваясь в детали, называют ваххабитским. На это движение оказывают влияние легальные и нелегальные миссионеры из Сирии, Иордании, Саудовской Аравии, а также лидеры националистических организаций карачаевцев, ногайцев.

Среди мусульманских диссидентов много людей, недовольных моральным разложением общества, беззаконием и произволом властей (было отмечено несколько случаев самосудов из-за неверия в правоохранительную систему республики), есть сторонники «очищения» ислама от народных обычаев и советских традиций, было выявлено несколько случаев создания радикально-экстремистских групп, готовых к вооруженной борьбе с «неверными». («Доходило до того, что некоторые «борцы за чистоту ислама» ратовали за насильственную исламизацию населения республики под угрозой смерти, распространялись видео-

фильмы, содержащие призывы к вооруженному Джихаду, разжигающие русофобию. Известен случай, когда житель нашей республики под предлогом обучения в медресе, прошел курс военной подготовки. В его конспектах подробным образом излагалась техника ночного боя, ведение диверсионной работы, устройство боевого оружия.» – (Е. Кратов. «Ваххабизм в КЧР» – газета «День республики», Черкесск, 24.09.1998.)

Борлаков построил на арабские деньги несколько мечетей, где служили выпускники его медресе. Некоторые выпускники этого медресе отправились в Чечню к Хаттабу и Басаеву. Главным образом из них состоял «карачевский батальон», участвовавший во вторжении в Дагестан в августе 1999 года. Сам Борлаков в 1998 году переехал в Чечню, а бразды правления в Джамаате передал своему верному ученику Хызыру Салпагарову. Одним из учеников Борлакова был Ачимез Гочияев.

С 1999 года в прессе стали появляться сведения о существовании в республике учебных лагерей для местных ваххабитов под руководством чеченских инструкторов. По сообщению «Известий» (от 12.09.2000), в медресе селения Учкеекн проходили обучение молодые люди, впоследствии объявленные в федеральный розыск за организацию террористических актов в Москве и Волгодонске и осужденные по обвинению в совершении этих терактов. Формально медресе считалось мусульманским центром, финансирование которого осуществлялось из Турции через Азербайджан. После того как стало ясно, что медресе является центром подготовки террористов, оно было закрыто. В августе 2002 года были осуждены за террористическую деятельность участники ваххабитского движения «Джамаат» во главе с Хызыром Салпагаровым («НГ», 1.10.2002)

В Черкеске как яркий пропагандист ваххабитского движения известен Анатолий Анчечков, один из местных преступных авторитетов. «О некоторых горных районах заговорили как о местах сосредоточения религиозных радикалов. После Дагестана и Ингушетии Карачаево-Черкесская Республика стала печальным лидером по выявленным боевикам, прошедшим подготовку в лагерях на территории Чечни и участвовавшим в боевых действиях («НГ-регионы», 25.12.2001). Во время второй чеченской войны на стороне масхадовцев действовал «карачевский батальон».

Лидеры ДУМКЧиС настроены по отношению к диссидентам неприемлемо. Как заявил нам в интервью от 23.10.1998 ректор Исламского института Исмаил Бостанов, «мусульмане обязаны слепо повиноваться демократически избранному муфтию. Кто ему не повинуется – тот не мусульманин. Восставать против наших обычаев, родителей и властей – восставать против ислама». Лидеры ДУМКЧиС и светские власти республики предпринимают многочисленные усилия, чтобы поставить под полный контроль жизнь исламских общин. В первую очередь антимиссионерская деятельность властей направлена против исламских диссидентов, но она также неминуемо затрагивает и христианские религиозные меньшинства, прежде всего харизматов, которые занимаются успешным миссионерством не только среди русских, но и среди карачаевцев.

Президент Владимир Хубиев фактически проводил политику двух государственных религий – ислама и православия. Неслучайно, что в конце 90-х в Черкеске две основные стройки – соборной мечети и православного собора. Хубиев совершил хадж, объявил себя правоверным мусульманином, но на основные православные праздники присутствовал в церкви на богослужении, ставил свечи и обращался к верующим с поздравлениями.

В 1999 году президентом Карачаево-Черкесской Республики был избран Владимир Семенов – карачаевец по национальности. Его избрание привело к бурному конфликту между черкесами и карачаевцами. Однако этот конфликт не отразился на религиозной ситуации. Семенов продолжил без изменения религиозную политику Хубиева. Однако противостояние между черкесами и карачаевцами приводит к росту недовольства черкесов господством карачаевцев в руководстве муфтиятом. Черкесы все в большей степени подчеркивают отличия своих религиозных традиций от карачаевских, что в будущем может привести к расколу ДУМКЧиС по национальному признаку. 31 августа 2003 года президентом Карачаево-Черкесской Республики был избран Мустафа Батдыев. Однако при новом президенте политика по отношению к исламским организациям не изменилась.

Особая проблема для ДУМКЧиС (и властей республики) – положение мусульман в Ставропольском крае. Лидеры ДУМКЧиС стремятся дер-

жать религиозную жизнь мусульман Ставрополя под своим контролем и одновременно защищают их интересы в случаях явного их нарушения. Например, ДУМКЧиС и власти Карачаево-Черкесии активно поддерживают мусульманскую общину Ставрополя (имам Ставрополя – карачаевец Расул Ишаев), которой власти отказываются передать здание мечети. С другой стороны, духовные и светские власти Карачаево-Черкесии недовольны тем, что ставропольские власти не стремятся к жесткому контролю за религиозной жизнью мусульман, как это практикуется у них в республике. В частности, духовные лидеры и светские власти выражают недовольство тем, что через аэропорт Минеральных Вод постоянно приезжают и «абсолютно беспрепятственно» действуют в Ставрополье иностранные мусульманские миссионеры. Их якобы перевалочным пунктом стало ближайшее от аэропорта мусульманское село Канглы, откуда они разъезжаются по всему Северному Кавказу. Выразителем интересов ДУМКЧиС в районе Минеральных Вод является имам Кисловодской мечети Абубикирим Курджиев, обвиняющий приезжих ваххабитов в стремлении создать исламское государство в Карачаево-Черкесской Республике («НГ-сценарии», № 5, 1998).

Особая ситуация сложилась в северо-восточных районах Ставропольского края, пограничных с Дагестаном, где значительную часть населения составляют ногайцы. Ситуация там особенно напряжена – с одной стороны, в эти районы со своей агитацией постоянно приезжают эмиссары из Дагестана и Чечни, в том числе и проповедующие самые радикальные идеи, а то и призывающие к террору. С другой стороны, власти Ставрополя, напуганные мусульманской угрозой, подвергают местных мусульман порой и необоснованной дискриминации. Местным мусульманским лидером является имам села Игарклы Хасанби Ахматов (в начале перестройки он был одним из лидеров ногайского национального движения «Бирлик», но позднее полностью ушел в религию). В интервью «Известиям» (21.04.1998) Ахматов заявил, что «местные власти активно стремятся отстранить его и его сторонников от дел и назначить полностью карманного муллу». В этом интервью корреспондент «Известий» назвал Ахматова лидером ваххабитов Ставрополя.

В то же время Ахматов пользуется полной поддержкой руководства ДУМКЧиС, является официальным представителем ДУМКЧиС в восточных районах Ставрополя. В интервью авторам ректор Исламского

института Черкесска сказал, что Ахматов действительно «истово верующий фундаменталист, но при этом – противник насилия, принципиально терпим к христианам и русским. Его изгнание может стать трагической ошибкой – на его место скорее всего придут сторонники террора, люди, связанные с непримиримыми в Чечне, Дагестане и на Ближнем Востоке».

По данным газеты «Известия», ваххабитам удалось взять под свой контроль несколько мечетей в ногайских деревнях. Около 100 ставропольских ногайцев прошли обучение военному делу в лагерях Хаттаба и Басаева на территории Чечни. В 1998 году в некоторых ногайских селах распространялись листовки с требованием к русским убраться с Кавказа. Возбужденные тогда три уголовных дела по фактам распространения листовок с призывами к национальной ненависти не вывели на след авторов и распространителей.

В вооруженном вторжении ваххабитов из Чечни в Дагестан летом 1999 года участвовало около 50 ногайцев из Ставрополя. Осенью 1999 года начальник УВД Ставропольского края генерал Н. Мамонтов заявил, что в Чечне формируется ногайский батальон боевиков, задача которого – совершать диверсионные вылазки на Ставрополье (Н. Гритчин, «Зараза» – «Известия», 04.09.1999). Во время второй чеченской войны ногайский батальон насчитывал более ста человек. В 2001-2002 годах большинство его бойцов вернулось домой на Ставрополье. В 2002 году в Нефтекумском районе произошло несколько вооруженных нападений на представителей власти. Около двух десятков ваххабитов – участников этих нападений – были выявлены и арестованы. В ряде аулов (Тукуй-Мектеб, Каясула) были отстранены от служения имамы мечетей за ваххабизм («НГ», 23.10.2002).

Библиография

Малашенко А. «Исламские ориентиры Северного Кавказа». М., 2001.

10. Мусульмане Северной Осетии

Михаил РОЩИН

О мусульманах Северной Осетии за ее пределами известно немного. Однако, по оценкам специалистов, около 15% населения республики являются мусульманами. Центральная мечеть Владикавказа (столицы Северной Осетии) была построена в начале XX века. Средства на строительство дал азербайджанский нефтяной магнат Мухтаров, женатый на осетинке Тугановой. Мечеть была построена в египетском стиле. По своей архитектуре она не имеет аналогов на Северном Кавказе.

В советское время на территории Северной Осетии все мечети были закрыты, но во время религиозного подъема, наступившего в годы перестройки и продолжившегося после распада СССР, наблюдается оживление религиозной жизни осетинских мусульман. С одной стороны, активизируется старшее поколение мусульман-традиционалистов, наиболее ярким представителем которых был Дзанхот Хекилаев, скончавшийся летом 2004 года. С другой – тысячи молодых людей в Северной Осетии стали активно исповедовать ислам, причем преимущественно в форме «ваххабизма». Это привело к созданию двух параллельных мусульманских структур в республике. Мусульмане-традиционалисты в 1990 году создали Духовное управление мусульман Северной Осетии (ДУМСО), которое возглавил Дзанхот Хекилаев, а мусульманская молодежь стала создавать свою организацию, которую она неформально называла «Джамаатом» и которая была официально зарегистрирована как Исламский культурный центр в 1996 году. Своим председателем или эмиром молодые мусульмане выбрали Ермака Тегаева, сорокалетнего человека с уголовным прошлым, отсидевшего в тюрьме еще в советское время 12 лет.

В состав «Джамаата», по словам его вице-эмира и имама Центральной мечети Владикавказа Сулеймана Мамиева, с которым автору этих строк неоднократно доводилось встречаться, входили также мусульманские общины Беслана и Эльхотово. Осетинский «Джамаат» тесно сотрудничал с «Джамаатом» Кабардино-Балкарии, возглавлявшимся популярным среди местной молодежи имамом Мусой Мукожевым, позднее перешедшим на нелегальное положение и ставшим одним из руководителей исламского вооруженного подполья в Кабардино-Балкарии (он был убит в ходе спецоперации 10 мая 2009 года). Сулейман Мамиев рассказывал автору, что в общине Владикавказа в начале 2000-х было около 500 человек, большинство из которых – осетины. До трагедии в Беслане было много чеченских и ингушских студентов, но после бесланских событий (1–3 сентября 2004 года) они в основном покинули Владикавказ.

Как сообщала мусульманская газета Северной Осетии «Да'уа», 2 февраля 2005 года сотрудники УФСБ России по Северной Осетии совместно с сотрудниками УБОП МВД ворвались в дом председателя Исламского культурного центра, 48-летнего Ермака Тегаева. По словам «Да'уа», на глазах у очевидцев ему была подброшена взрывчатка, на основании чего он был задержан. *Caucasus Times*, ссылаясь на правоохранительные органы республики, сообщал, что во время задержания у Ермака Тегаева было обнаружено 270 грамм пластида и 3 электродетонатора, а также изъята религиозная литература, учебные пособия и видео- и аудиокассеты экстремистского характера. Позднее, в августе того же 2005 года Советский районный суд Владикавказа приговорил Тегаева к заключению на 2,5 года в колонии-поселении, а в течение года после этого имам Владикавказской мечети Сулейман Мамиев вместе с матерью уехал в Турцию. Ермак Тегаев после отбытия наказания вернулся во Владикавказ и попытался возродить деятельность осетинского «Джамаата», но вскоре он пропал при невыясненных обстоятельствах.

Летом 2004 года умер первый муфтий ДУМСО Дзанхот Хекилаев. Около года после него ДУМСО возглавлял Руслан Валгасов, бывший сотрудник ГИБДД МВД Северной Осетии. В апреле 2005 года главой Духовного управления мусульман Северной Осетии становится Муратхаджи Тавказахов, проживающий в пригороде Владикавказа Карца, населенном преимущественно ингушами. Однако осетину Тавказахову

не удалось улучшить осетино-ингушские взаимоотношения внутри мусульманской общины Осетии. Кроме того, многие мусульмане республики подозревали его в коррумпированности и присвоении средств, поступавших из различных мусульманских фондов на поддержку ислама в Осетии.

В феврале 2008 года новым муфтием Духовного управления мусульман Северной Осетии был избран Али-хаджи Евтеев. Он родился в Москве в 1974 года в смешанной семье: отец – русский, мать – осетинка (в девичестве Комаева), родом из семьи этнических мусульман. В раннем детстве Али-хаджи Евтеев переехал с родителями в Беслан, где и вырос. В 22 года он принял ислам и в конце 1990-х активно участвовал в создании осетинского «Джамаата»; в частности, он был одним из тех, кто поддержал избрание Ермака Тегаева в качестве эмира. Позднее, в 2000 году, разочаровавшись в Тегаеве и самом «Джамаате», Али-хаджи уехал в Каир вместе с кумыками из Северной Осетии и поступил на подготовительные курсы мусульманского университета Аль-Азхар, где проучился 4 года.

В 2004 году он поехал на малое паломничество в Саудовскую Аравию и поступил в Международный университет Медины. Однако, находясь на обучении в арабских странах, он не терял связи с Осетией, приезжал домой каждое лето и уже в 2004 году стал заместителем муфтия республики. Когда Али-хаджи Евтеева выбрали муфтием, он был в Медине на учебе, но взял академический отпуск и решил вернуться. Оказавшись руководителем Духовного управления Северной Осетии, Евтеев обнаружил, что его касса пуста: работу приходилось начинать практически с нуля. Главную свою задачу новый муфтий видел в объединении мусульман Осетии: и молодежи, прежде ориентированной или до сих пор ориентирующейся на «Джамаат», и сторонников традиционного ислама, верующих старшего поколения.

Он является противником вооруженной борьбы мусульман на Северном Кавказе, поскольку она не соответствует шариату, понимаемому не формально, а во всей его полноте. Вместе с тем возврат к истокам, переосмысление мусульманского мирозерцания на основе опыта Корана и Сунны, по его мнению, помогут мусульманам Северной Осетии найти свое место в современном мире. Не всем такая позиция нравится. Муф-

тии соседних республик Северного Кавказа долгое время отказывались принять Евтеева в состав Координационного Совета мусульман Северного Кавказа, но в конце концов согласились на это. В апреле 2009 года съезд мусульман Северной Осетии подтвердил полномочия Али-хаджи в качестве муфтия республики. На этом съезде впервые присутствовали несколько мусульман из Южной Осетии, которые в настоящее время стремятся зарегистрировать там мусульманскую общину.

Главным достижением А. Евтеева следует признать преодоление раскола поколений среди осетинских мусульман (между молодежью и взрослыми верующими), прекращение деятельности Исламского культурного центра и объединение мусульманских общин Северной Осетии под эгидой ДУМСО. В то время, когда Али-хаджи работал муфтием, в республике прекратилась деятельность местного радикально-мусульманского подполья и прекратил свое существование местный подпольный военный джамаат, известный под претенциозным названием «Катаиб аль-хауль» (араб. «батальоны ужаса»). Сегодня террористическая деятельность на территории Северной Осетии осуществляется ингушскими боевиками, активистами так называемого ингушского вилайата Имарата Кавказ.

31 марта 2010 года состоялась беседа А. Евтеева с журналисткой Яной Амелиной, полная расшифровка которой была выложена в интернете – <http://files.mail.ru/58S8MI/>. Эта интернет-публикация вызвала противоречивую и зачастую негативную реакцию среди мусульман, как в самой Северной Осетии, так и шире – среди мусульман Северного Кавказа. Насколько мне известно со слов самого Али-хаджи Евтеева, он не предполагал во время беседы, что у него берут интервью, и хотя в общем-то при соответствующем комментарии в его высказываниях не было ничего неожиданного, но при их обнародовании, вырванном из контекста, они произвели определенное недоумение среди северокавказских мусульман. Евтеева даже стали обвинять в экстремистских заявлениях.

В результате разразившегося скандала А. Евтеев был вынужден уйти в отставку с поста муфтия 20 мая 2010 года. Однако уже 24 мая специалисты волгоградского Южного экспертного центра (Волгоград, ул. Порт-Саида, 8А, моб. 8-927-251-78-98) подготовили «Заключение комплексного психолого-политолого-религиоведческо-

лингвистического исследования (по материалам доследственной проверки №113)», в котором, в частности, отмечали, что «исследуемый материал (имеется в виду интервью Евтеева Яне Амелиной. – М.Р.) не содержит высказываний об изначальной враждебности какой-либо нации, конфессии. Высказывания о полярной противоположности, антагонизме, несовместимости интересов одной этнической или конфессиональной группы по отношению к какой-либо другой в исследуемом материале отсутствуют. Основное содержание текста интервью сводится к утверждению идеи единства религий, религиозного просвещения, а не к идее разобщения и вражды между религиями»¹.

14 июля 2010 года Совет ДУМСО избрал в качестве исполняющего обязанности муфтия Хаджимурата Гацалова, бывшего заместителем муфтия при Евтееве. 25 октября 2010 года мне удалось встретиться с Гацаловым во Владикавказе. Он рассказал, что в настоящее время в республике действуют 24 мусульманские общины. Большинство верующих мусульман составляют осетины. Кроме того, в Осетии проживают примерно 25000 ингушей и 11000 кумыков, на территории Моздокского района проживают несколько тысяч турок-месхетинцев. В последние годы намечилось переселение чеченцев в Моздокский район: сейчас там живут около 2000 чеченцев. По мнению Х. Гацалова, в Северной Осетии нет основы для движения джихадистов, но есть попытки повлиять в этом направлении со стороны Чечни и Ингушетии. Негативную роль в этом плане играют и радикальные мусульманские сайты. Как полагает Гацалов, задача джихадистов состоит в том, чтобы развалить Россию, но осетины чувствуют себя частью России и в республике ислам играет очень важную миротворческую роль.

Несмотря на все трудности последних лет, связанные, прежде всего, с неурегулированностью осетино-ингушского конфликта, мусульманская умма в Северной Осетии постепенно растет, причем в значительной степени, за счет осетин, а роль ДУМСО в жизни североосетинского мусульманского сообщества становится все более значительной.

Примечание

¹ Архив ДУМСО

РАЗДЕЛ II

ИСЛАМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: СОВРЕМЕННОСТЬ

1. Имарат Кавказ: штрихи к виртуальной и реальной истории

Михаил РОЩИН

Вторая чеченская война, начавшаяся в октябре 1999 года, с самого начала была окрашена в зеленый цвет ислама. Ей непосредственно предшествовал джихад радикальных мусульман в дагестанских горах в августе–сентябре того же года. И хотя в первые годы второй чеченской светское руководство непризнанной Чеченской Республики Ичкерии еще продолжало существовать, само оно довольно быстро стало окрашивать свою деятельность в мусульманские тона. Заседание Государственного Комитета Оборона Чеченской Республики Ичкерии, состоявшееся 22 июля 2002 года, закрепило эти изменения. На нем руководителем военных операций на всех трех фронтах – восточном, западном и северном – был назначен Шамиль Басаев, а вице-президентом Чеченской Республики Ичкерии – Абдулхалим Сайдулаев, глава джамаата города Аргун и советник по религиозным вопросам президента Чеченской Республики Ичкерии Аслана Масхадова¹.

Шамиль Басаев, погибший в ночь с 9 на 10 июля 2006 года при невыясненных обстоятельствах (в результате операции российских спецслужб или неосторожного обращения со взрывчаткой)², был, начиная с лета 2002 года, фактическим руководителем военной деятельности Чеченской Республики Ичкерии, которая с этого времени приобретает отчетливо выраженный террористический характер. С именем Басаева связаны захват театра «Норд-Ост» в Москве в конце октября 2002 года, захват школы в Беслане в начале сентября 2004 года и менее известные, но от того не менее трагичные взрывы двух пассажирских само-

летов, вылетавших из московского аэропорта Домодедово в ночь с 24 на 25 августа 2004 года³.

Как мне представляется, Басаев не был сам по себе радикальным мусульманином-фанатиком, но по тактическим соображениям он решил примкнуть к формировавшемуся после событий 11 сентября 2001 года радикально-мусульманскому международному сообществу, ставшему к тому же главным финансовым источником его боевых операций.

Аслан Масхадов оставался в 2002–2005 годах последним, отчасти прозрачным символом светской Чеченской Республики Ичкерии. К этому времени он уже фактически не контролировал чеченских боевиков, основное влияние среди которых перешло в руки мусульманских радикалов. Его гибель 8 марта 2005 года в Толстой-Юрте в результате спецоперации федеральных сил привела к усилению исламизации и радикализации чеченского сопротивления. Новым президентом Чеченской Республики Ичкерии был провозглашен Абдулхалим Сайдулаев. В короткий период своей деятельности он занимался в основном духовно-просветительской работой и был для своих сторонников скорее моральным авторитетом, чем активно действующим политиком. Чеченское население воспринимало его как молодого шейха, разговоры об Эмирате (или Имарате, как его называют сторонники этого радикального течения) и провозглашении Сайдулаева эмиром были в то время популярны в Чечне. Однако мы теперь никогда не узнаем, согласился ли бы Абдулхалим Сайдулаев на официальное провозглашение теократического государства или нет, поскольку 17 июня 2006 года он был убит в ходе спецоперации.

Новым президентом Чеченской Республики Ичкерии после этого становится Доку Умаров, бывший близким соратником Басаева, который в свою очередь погиб менее чем через месяц после смерти Сайдулаева. Вооруженное движение в Чечне было к лету 2006 года сильно обескровлено, большинство полевых командиров было убито, только некоторым удалось выбраться за границу. В силу этого в движении сопротивления произошла смена поколений. Влившаяся в его ряды молодежь тяготела к радикальному мусульманскому фундаментализму, получившему известность на Северном Кавказе как «ваххабизм». В самой Чечне ряды боевиков заметно сократились: население устало от кровопролитного

и бесперспективного сопротивления федеральным силам. Кроме того, многие чеченцы являются приверженцами суфийских традиций, глубоко укорененных в местной культуре, а северокавказские «ваххабиты» стремятся к искоренению суфизма, в котором они видят отход от так называемого чистого ислама. Вместе с тем движение сопротивления получило серьезную поддержку со стороны военных джамаатов радикальных мусульман, хотя и малочисленных, но спаянных дисциплиной и хорошо организованных⁴. Такие джамааты стали возникать и в соседних мусульманских республиках Северного Кавказа, что в определенной степени укрепляло позиции чеченского центра движения. Очевидно, что военные джамааты вполне вписываются в то явление, которое принято называть «политическим исламом», наиболее заметным и ярким идеологом которого в 2000-е годы был Ясин Расулов, аспирант Дагестанского государственного университета. По его мнению, «вторжение на территорию Дагестана «Исламской Армии Кавказа» (джихад августа–сентября 1999 года – М.Р.) с целью установления шариата, уничтожение шариатского анклава Кадарской зоны («ваххабитские» общины сел Карамахи и Чабанмахи в Дагестане – М.Р.) и сегодняшние карательные акции властей против приверженцев «ваххабизма» – это продолжение исторической традиции противостояния российских властей и оппозиционно-вооруженного ислама на Северном Кавказе. Сотрудничество официально-лояльного духовенства с властями и силами Министерства внутренних дел выглядит логичным и закономерным явлением в рамках этой же традиции, продолженной новой Россией»⁵.

Ясин Расулов был убит 10 апреля 2006 года в Махачкале в ходе одной из регулярных спецопераций местного МВД, но его идеи получили широкое распространение среди единомышленников на Северном Кавказе. Доку Умаров, разумеется, полевой командир, а отнюдь не идеолог, но он понял, что замена Чеченской Республики Ичкерии на Имарат Кавказ способна возродить и расширить ряды вооруженного сопротивления, а кроме того перенести боевые действия на территорию соседних республик, и поэтому он в октябре 2007 года снял с себя обязанности главы Чеченской Республики Ичкерии и объявил себя «эмиром (главнокомандующим) боевиков Кавказа и предводителем Джихада», а также «единственной законной властью на всех территориях, где есть моджахеды»⁶. В состав нового самопровозглашенного государства был включен ряд северокавказских регионов России – Дагестан, Чечня,

Ингушетия, Ставропольский и Краснодарский края, Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия, которые стали отныне именоваться вилайатами – например Чечня получила название «вилайат Нохичо».

По мнению одного из авторов сепаратистского сайта «Чеченпресс», «единственная цель последних речей Абу-Усмана (так называют Доку Умарова его сторонники. – М.Р.) – выработать наиболее общие и одинаково понятные всем кавказским партизанам, вне зависимости от их этнической самоидентификации, лозунги, которые смогли бы объединить их и выстроить джихадистское движение на Северном Кавказе таким образом, чтобы сам Умаров и любой, кто придет ему на смену, воспринимался бы как его естественный лидер»⁷. Это, так сказать, официальная история, но вопрос на самом деле состоит в том, насколько Имарат отражает существующую реальность, а не является виртуальным проектом, активно пропагандируемым радикально-мусульманскими сайтами.

Что можно сказать по этому поводу? Очевидно, что наиболее прочная база Имарата находится в Чечне. Ряд сел в горных районах Чечни по-прежнему находится под фактическим контролем чеченских боевиков. На дорогах в этих районах моджахеды периодически выставляют свои посты на короткие промежутки времени и ловят представителей администрации Кадырова и его силовых структур. Военная активность Имарата в последние годы была весьма заметна в соседней Ингушетии, где при наличии хороших дорог, высокой плотности населения и небольшой территории моджахеды часто проводили диверсионные операции и устраивали террористические акты, а затем легко растворялись среди местного населения. Следует также отметить, что командующим Кавказским фронтом Имарата, то есть заместителем Доку Умарова, в течение почти трех лет был ингуш Али Тазиев, называемый также Ахмедом Евлоевым, но больше известный под прозвищем «Магас». По его словам, «сегодня все Джамааты Ингушетии, за исключением нескольких небольших групп, с которыми ведется работа по этому вопросу, вошли в состав Ингушского Сектора Кавказского фронта»⁸.

Ситуация в Дагестане отличается в том смысле, что там деятельность Имарата, может быть, не так заметна в военном отношении, но зато идеи так называемого ваххабизма или салафизма, как называют себя

сами сторонники этого течения в исламе⁹, пожалуй, наиболее быстро распространяются среди населения, прежде всего молодежи. Учитывая высокую степень религиозности дагестанского населения и прочность там суфийских традиций, вполне можно говорить о тлеющей религиозной войне в этой республике.

В остальных республиках Северного Кавказа: Кабардино-Балкарии и особенно Карачаево-Черкесии и Северной Осетии-Алании, – активность военных джамаатов Имарата не так заметна. Определенным успехом Имарата стал переход на его сторону в июне 2008 года видного проповедника салафизма, мусульманина-неофита из Бурятии Саида Бурятского¹⁰.

На мой взгляд, движение военных джамаатов, оформившееся в самопровозглашенный Имарат Кавказ, логично вписывается в общую структуру международного сетевого сообщества радикальных мусульман и может стать долговременным фактором дестабилизации в этой части России. Обстановка здесь в последние годы по-прежнему была далека от стабильности. Лето 2009 года выдалось в Ингушетии весьма бурным. 22 июня 2009 года примерно в 8.30 утра в кортеж президента Ингушетии Юнус-бека Евкурова врезался и взорвался моджахед-смертник на автомашине Lexus с московскими номерами. В результате этой атаки Евкуров был тяжело ранен и отправлен на лечение в московскую больницу. Сначала было непонятно, сможет ли ингушский президент поправиться и как быстро.

Инциденты местной милиции с моджахедами происходили с завидной регулярностью в разных уголках небольшой северокавказской республики. 12 августа в собственном кабинете в правительственном комплексе в Магасе был застрелен министр строительства Руслан Амиранов, причем его убийца спокойно покинул здание правительства. Дальше больше: 17 августа в 9.00 утра во время утреннего построения милиционеров перед зданием ГУВД и РОВД в Назрани взорвалась начиненная взрывчаткой автомашина «Газель» с двумя смертниками. В результате мощного взрыва погибло свыше 20 человек и примерно 150 было ранено. 26 августа на сайте ингушских мусульманских радикалов www.hunafa.com появилось видео, на котором молодой и вполне европеизированный шейх Саид Бурятский объяснял и рассказывал, как

готовился взрыв перед зданием ГУВД и почему эта акция справедлива и оправдана. В конце закадровый голос диктора сообщал, что одним из смертников-шахидов стал сам Саид Бурятский. Однако буквально через два дня представитель боевиков Ингушетии опроверг это сообщение, а 5 сентября на том же сайте www.hunafa.com появилось видеобращение Саида Бурятского, в котором он рассказал, что он жив и здоров и что концовка предыдущего видео была ошибочной. «Каждый мусульманин в свой черед станет шахидом, но только в срок, предписанный ему Аллахом. Мой еще не пришел», – говорил Саид. Двусмысленность ситуации бросалась в глаза, и срок Бурятского наступил вскоре: он был убит 3 марта 2010 года в ингушском селе Экажево сразу после завершения им своей последней проповеди¹¹.

13 августа 2009 года быстро поправившийся президент Евкуров вернулся к исполнению своих обязанностей, и постепенно волна терактов и отстрел сотрудников МВД в республике пошла на спад. Евкуров – в прошлом военный разведчик, и его старые профессиональные навыки помогают ему на новом поприще.

27 ноября 2009 года северокавказский джихад выплеснулся на территорию центральной России, когда боевики взорвали «Невский экспресс», курсирующий между Москвой и Петербургом: вечером 27 ноября на перегоне Алешинка – Угловка в результате взрыва самодельной бомбы неподалеку от Бологого сошли с рельсов три последних вагона пассажирского поезда «Невский экспресс». В результате аварии погибли 28 человек, более 90 человек были госпитализированы. Впоследствии, когда в ходе спецоперации в начале марта 2010 года удалось разгромить диверсионный центр радикальных мусульман – сторонников Имарата в селе Экажево, там были арестованы Зелимхан Аушев и девять братьев Картоевых, входивших в группу, готовившую подрыв «Невского экспресса»¹².

Позднее в том же месяце, вечером 24 марта 2010 года в Нальчике, на углу улиц Тарчокова и Байсултанова в микрорайоне «Горный» Анзор Астемиров, духовный отец и создатель концепции Имарата, и его охранник были остановлены сотрудниками правоохранительных органов для проверки документов, в ответ на что они открыли огонь. В ходе перестрелки Анзор Астемиров был убит. Все последние годы он был главой шариатского суда Имарата Кавказ¹³.

К концу марта стало ясно, что по Имарату нанесены тяжелые удары силовых структур, но 29 марта 2010 года волна насилия и противостояния дошла и до Москвы, когда две дагестанских террористки-смертницы взорвались в московских станциях метро «Лубянка» и «Парк культуры» (радиальная). В результате этих взрывов 24 пассажира погибли на «Лубянке» и 12 – на станции «Парк культуры», 102 человека получили ранения различной степени тяжести, четверо из раненых позднее скончались в московских больницах. Впоследствии выяснилось, что на «Лубянке» взорвала себя аварка Марьям Шарипова (1982 года рождения) из села Балахани Унцукульского района Дагестана, бывшая женой лидера губденских боевиков Магомедали Вагабова, убитого позднее в ходе спецоперации в Гунибе 21 августа 2010 года¹⁴.

Второй смертнице, кумычке Джанет Абдуллаевой (1992 года рождения, село Костек Хасавюртовского района), было всего 17 лет. Примерно за год до этого она вышла замуж за Умалата Магомедова, известного под кличкой аль-Бара, назначенного в апреле 2009 года Доку Умаровым эмиром Дагестанского фронта Имарата Кавказ, и одновременно в Интернете появляются фотографии этой пары: молодые обнимаются, зажав в руках гранаты и пистолеты. 31 декабря 2009 года, за несколько часов до Нового года, сотрудники ФСБ остановили на Грозненской улице в Хасавюрте автомобиль, в котором находились Умалат Магомедов и трое других боевиков. Они попытались выхватить оружие, однако их застрелили на месте. Таким образом, к моменту взрыва в метро Джанет Абдуллаева была уже вдовой и, вероятно, могла мстить за своего мужа¹⁵.

9 июня 2010 года Имарату был нанесен еще один сокрушительный удар, когда был захвачен «Магас». В течение всех последних лет «Магас» был лидером ингушских боевиков и одновременно считался руководителем военных операций всего Имарата. Есть основания предполагать, что он непосредственно руководил захватом школы в Беслане в начале сентября 2004 года. Захваченный спецслужбами «Магас» был доставлен в Москву и в настоящее время находится в Лефортове¹⁶.

Реакция руководства Имарата на арест «Магаса» была шоковой. Даже обычно весьма словоохотливый и велеречивый сайт «Кавказ-центр» так и не смог внятно прокомментировать это событие, а главный лидер Имарата Доку Умаров предпочел тихо залечь на дно и отмалчиваться.

Наконец, 7 июля 2010 года сайт www.hunafa.com опубликовал официальное заявление ингушских боевиков, в котором сообщается о ликвидации 21 июня Тимура Арсельгова, внедренного в ряды движения тайного агента ФСБ, выдавшего «Магаса»¹⁷.

Последние события в Ингушетии и Дагестане подтверждают впечатление, что сегодня именно там, а не в Чечне, как многие полагают по инерции, происходят самые серьезные столкновения федеральных и республиканских сил с боевиками Имарата.

2 августа 2010 года Доку Умаров неожиданно объявил о своей добровольной отставке с поста эмира Имарата Кавказ по состоянию здоровья и о передаче своих полномочий чеченскому полевому командиру Асламбеку Вадалову. Видимо, этот шаг был вызван последними провалами в деятельности Имарата. Однако 4 августа Доку Умаров отозвал свое заявление и подтвердил свою решимость возглавлять джихад на Северном Кавказе. В ответ на это 14 августа ряд видных полевых командиров Чечни: чеченцы Асламбек Вадалов и Хусейн Гакаев, и араб Муханнад, – опротестовали это заявление и не признали над собой власти Умарова¹⁸. В то же время Доку Умаров по-прежнему признается эмиром в Дагестане и Ингушетии. Судя по всему, в движении радикальных мусульман на Северном Кавказе наступает новый этап: является ли он приметой распада и деградации реального движения и его перехода в виртуальную плоскость, а надо отметить, что сайты северокавказских джихадистов отличаются высокой активностью, покажет ближайшее время.

Примечания

1. Laurent Vinatier. *Guerre en Tchétchénie, exil et diaspora* (thèse de doctorat). Paris, 2008, p. 51.
2. <http://www.polit.ru/news/2006/07/11/basaev.html>
3. <http://www.newsru.com/russia/30aug2004/nagaeva.html>
4. Вот что пишет, например, о военных или боевых джамаатах Ана-

литический вестник Совета Федерации Федерального Собрания России: «Провозглашаемый ими лозунг – борьба с коррупцией власти, – безусловно, находит отклик среди населения. Демографический состав боевых джамаатов – в основном молодежь, родившаяся после 1980 года, которая не нашла своего места в регионе, где царит бедность и безработица, а все доходные сферы деятельности находятся, как правило, в собственности людей постарше, которые имеют устойчивые коррупционные связи с местными администрациями». <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2005/vestniksf263-11/vestniksf263-11030.htm#p2>

5. Зеркало кавказской судьбы // Черновик. http://www.chernovik.net/article.php?paper_id=35&article_mode=
6. <http://www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1200657.html>

Моджахед – участник джихада (араб. «*совершающий усилие*»). Моджахед – это не только воин, но также любой мусульманин, чья борьба укладывается в рамки одного из определений джихада. Обычно джихад ассоциируется с вооруженной борьбой, однако это понятие значительно шире. Джихадом в исламе является также борьба со своими духовными или социальными пороками, наказание преступников и правонарушителей. Джихад делят на большой (духовная борьба) и малый (вооруженную борьбу). Моджахед, погибший во время военных действий, считается шахидом – мучеником, засвидетельствовавшим свою веру перед Аллахом. Усилия на пути Аллаха, совершаемые моджахедом, не принимаются во внимание, если они совершаются не ради Аллаха, а ради славы, денег, мести или из иных корыстных побуждений.

Понятие «моджахеды-воины» получило широкую известность в связи с движением афганских моджахедов в период советского присутствия в Афганистане и после вывода советских войск, когда различные фракции моджахедов начали воевать друг с другом. После падения режима движения талибан в Афганистане многие бывшие моджахеды вошли в ряды Афганской национальной армии и полиции, а моджахедами стали называть боевиков талибан. Со времени начала затяжных военных действий в Афганистане моджахедами часто называют мусульманских иностранных добровольцев, принимавших и принимающих участие в боевых действиях в горячих

точках по всему миру: во время войны в Боснии (1992–1995), позднее – в Косове, Ираке, Сомали и Пакистане. Кроме того, отдельные вооруженные мусульманские группы, называющие себя моджахедами, действуют в различных странах мира: на Филиппинах, в Индии, Иране и других. См. об этом подробнее: Malik, S. K. *The Quranic Concept of War*. Lahore. Himalayan Books, 1979; Spencer, Robert. *Onward Muslim Soldiers*. Washington, Regnery Publishing, 2003.

7. <http://www.chechenpress.info/events/2008/01/14/02.shtml>
8. <http://www.chechentimes.net/content/view/1560/34/>
9. Салафизм – направление в исламе, последователи которого выступают против внесения в ислам того, что они считают элементами других религий и философских течений, они считают себя проповедниками изначального понимания ислама, заложенного в Коран Аллахом. Своей основной задачей салафиты считают борьбу за очищение ислама от различных чуждых, с их точки зрения, ему примесей, основанных на культурных, этнических или каких-то других особенностях тех или иных мусульманских народов. Они отвергают различные, с их точки зрения, нововведения (араб. «*бид'а*»), не дозволенные исламом. Салафиты отрицают возможность «посредничества» между Аллахом и человеком. Отрицают суфизм, который в Российской Федерации получил распространение на Северном Кавказе. Являясь сегодня наиболее распространенной формой мусульманского фундаментализма, салафизм на Северном Кавказе и, прежде всего в Дагестане, привел к серьезному конфликту не только со светскими властями, федеральной и республиканской, но и к настоящей религиозной войне внутри самой мусульманской общины.
10. Известная журналистка Юлия Латынина писала об этом так: «В Чечне этим летом появился новый герой сопротивления. Его зовут шейх Саид Бурятский. Это молодой бурят, который принял ислам и ушел в чеченские горы. Такой бурятский Че Гевара, моджахед-интернационалист». <http://www.ryzkov.ru/publications.php?id=7901>
Саид Бурятский, известный также как Саид абу Саад аль-Буряты, родился в 1982 году в городе Улан-Удэ (Бурятия). По отцу бурят, по матери русский. Согласно российскому паспорту,

его имя – Александр Александрович Тихомиров. По словам газеты «Труд», «с малых лет его воспитывал отчим-чеченец» – http://www.trud.ru/article/10-03-2010/237733_said_burjatskij_pogib_shaxidom.html. В 15 лет принял ислам. Самостоятельно изучал исламскую литературу. Взял себе исламское имя Саид. Позже учился у различных авторитетных ученых-шейхов в Египте и Кувейте. По данным сайта «Гураба», «среди студентов того времени известен своей искренностью к религии и постоянным чтением исламских книг» – <http://guraba.net/rus/content/view/364/105/>. Вернувшись в Россию, Саид сотрудничал с мусульманским издательством «Умма» и служил при Московской соборной мечети – <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/158565>. С 2002 года стал записывать лекции на религиозные темы, которые быстро распространялись среди исламской молодежи – http://www.imamtv.com/vse_propovedi_Saida.htm. К числу наиболее известных его лекций относятся циклы «Праведные предшественники», «Путешествие в вечную жизнь», «Талбис Иблис» (в переводе с арабского – «Покрывало сатаны»), «100 историй гибели несправедливых» и другие. Саид также занимался переводом с арабского на русский язык религиозных документальных фильмов («Преступления шиитов на протяжении веков», «Описание молитвы Пророка»).

В начале 2008 года Саид Бурятский получил видеописьмо от известного арабского полевого командира Муханнада, действующего в Чечне, и решил присоединиться к северокавказскому вооруженному сопротивлению. Через несколько месяцев он тайно прибыл в Чечню, где встретился с эмиром Кавказского эмирата (Имарат Кавказ) Доку Умаровым и дал ему исламскую присягу (араб. «байат»). Саид заявил: «После провозглашения Имарата Кавказ отпали все сомнения. У нас один эмир и одно государство. И прямая обязанность каждого мусульманина сегодня выйти на Джихад и помочь Джихаду словом и имуществом».

Известный в России мусульманский публицист Гейдар Джемаль назвал Саида Бурятского «символом нового поколения в эпоху кавказской борьбы», подчеркнув, что «мы и раньше видели проповедников, принадлежащих к различным этническим группам. Видели аварцев, лакцев, карачаевцев, черкесов, арабов... Но все эти достойные люди были либо представителями кавказского ареала, либо, по крайней мере, принадлежали к тому или иному традиционному му-

сульманскому народу. В данном случае впервые от имени Имарата Кавказ выступает как идеолог, как авторитетный представитель чеченского евразийского происхождения, в жилах которого течет русская и бурятская кровь» – <http://islamkom.org/analitika/3818--1-r>.

В последующие месяцы Саид Бурятский принимал участие в диверсионных операциях и вылазках боевиков. Находясь в лесу, он записал несколько видеообращений, аудиолекций и статей о джихаде и ситуации на Северном Кавказе, в основном они были размещены на сайте ингушских моджахедов www.hunafa.com. Бывший начальник разведки расформированного чеченского батальона «Восток», находившегося в составе федеральных сил России, Хамзат Гайрбеков говорил: «Тихомиров (Саид Бурятский – М.Р.) был одной из самых опасных фигур в руководстве эмирата Кавказа – он отвечал за подготовку шахидов-смертников и руководил сетью диверсионных школ» – http://www.trud.ru/article/10-03-2010/237733_said_burjatskij_pogib_shaxidom.html.

11. <http://www.rosbalt.ru/2010/03/05/717962.html>
12. <http://www.digester.ru/Cluster.aspx?uid=2010031030&id=7>
13. <http://www.izvestia.ru/obshestvo/article3140159/>
14. <http://www.extra-m.ru/society/articles/245276-mnogorazovaya-smertnitsa-maryam-sharipova>

Магомед-Али Вагабов (Эмир Сайфуллах), даргинец по национальности, родился 1 января 1975 года в селении Губден (Карабудахкентский район Дагестана). Вагабов окончил 9 классов Губденской средней школы. Совмещал учебу в советской школе и одновременно изучал шариатские науки под руководством местных знатоков ислама. Изучил арабский язык, грамматику арабского языка, хадисы (рассказы о жизни пророка Мухаммеда) и тафсир (наука комментирования и толкования Корана). В 1994 году поехал на учебу в Пакистан. Сначала поступил в школу хафизов (араб. «знающих наизусть Коран»), где в течение года выучил наизусть Коран, сдал экзамен и получил диплом хафиза. Потом в Карачи изучал шариат и посещал частные уроки у шейхов. Во время обучения стал убежденным салафитом. Вагабов выучил языки фарси и урду. В 1997 году, после

окончания обучения в Пакистане, приехал домой и открыл медресе – Школу хафизов в Губдене, там же давал уроки по изучению хадисов, был имамом одной из мечетей в Губдене, проповедовал в других мечетях Дагестана, в том числе вел пятничные проповеди в Центральной мечети Губдена. В 1997 году в Чечне познакомился с известными арабскими моджахедами Хаттабом и Абу Джафаром. Там же прошел военную подготовку, призывая к джихаду мусульман из Дагестана. Привозил всех желающих в военно-полевые лагеря эмира Хаттаба, находившиеся в то время на территории Чечни. Весной 2004 года организовал в Губдене группу моджахедов. В 2009 году возглавил Центральный сектор Дагестанского фронта Имарата Кавказ.

15 июля 2010 года Магомед-Али Вагабов был назначен командующим Дагестанским Фронтом и одновременно верховным кадием (судьей) Шариатского Суда Имарата Кавказ – <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/173122>. Был убит 21 августа 2010 года во время спецоперации в Гунибе.

15. <http://www.kommersant.ru/doc-y.aspx?DocsID=1348776>
16. «Магас» был ранее известен как Ахмед Евлоев. Впоследствии выяснилось его настоящее имя – Али Мусаевич Тазиев, ингуш по национальности. Он родился 19 августа 1974 года. Магас – активный участник движения вооруженного сопротивления на Северном Кавказе, с конца 2007 года – командующий (верховный эмир) вооруженными формированиями Кавказского эмирата и глава ингушского вилайата (области) Кавказского эмирата. До своего пленения и ареста он был вторым человеком в иерархии Кавказского эмирата после Доку Умарова. Есть серьезные основания полагать, что «Магас» – это пропавший без вести в 1998 году сержант вневедомственной охраны Али Мусаевич Тазиев. Тогда он входил в группу, охранявшую жену советника президента Ингушетии Валерия Фатеева, Ольгу Успенскую. В октябре 1998 года женщина и сопровождавшие ее два милиционера, Али Тазиев и Джандигов, пропали. Ольгу Успенскую освободили из плена только через полтора года. Тогда же в Чечне было обнаружено тело Джандигова, которого с почестями похоронили на родине. Али Тазиева тоже считали героем, погибшим при исполнении служебного долга. В 2000 года суд Ингушетии даже официально признал его гибель. Но по оперативным

данным Али Тазиев примкнул к боевикам, где обзавелся паспортом на имя Ахмеда Евлоева и по своему второму имени – Магомед, взял позывной при радиопереговорах – «Магас» <http://www.utro.ru/articles/2004/09/08/348692.shtml>.

По данным российских спецслужб, Тазиев был создателем первых отрядов на территории Ингушетии вместе с полевыми командирами Абу Дзейтом и Магомедом Хашиевым, организация называлась «Джамаат-Халифат». Впервые в сводках МВД имя Ахмеда Евлоева прозвучало в 2004 году. В апреле, перед июньским нападением на Ингушетию, он был назначен командующим ингушским сектором вооруженных формирований Чеченской Республики Ичкерии. В ночь на 22 июня 2004 года более ста боевиков под личным руководством Басаева, Абу Кутейба и Али Тазиева (он же «Магас») ворвались в Назрань, захватили здание республиканского МВД и оружейный склад, застрелили около 90 сотрудников милиции, прокуратуры и просто мирных жителей, после чего скрылись.

Позднее следственные органы Ингушетии выяснили, что с 2007 года Али Тазиев под фамилией Горбаков проживал в одном из частных домовладений на улице Мержоева в пригороде Сагопши ингушского города Малгобек. Соседям он представился переселенцем из Чечни. Вел себя тихо и неприметно и никаких подозрений не вызывал. Операция по захвату «Магаса» началась за полгода до его задержания. Трижды он попадал в прицелы снайперов, но приказ был взять его живым.

В ночь на 9 июня 2010 года дом был окружен спецназом ФСБ. В момент задержания Тазиев не успел оказать сопротивления. В тот же день самолетом «Магас» был этапирован в Москву, где решением Лефортовского районного суда Москвы был взят под стражу и ему были предъявлены обвинения – <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1383992>.

17. <http://hunafa.com/?p=3684#more-3684>
18. Их видеообращение можно прослушать по ссылке http://www.youtube.com/watch?v=zyUX4zf8tAQ&feature=player_embedded.

2. Негодные рецепты для Ингушетии

Ислам ТЕКУШЕВ

Ингушетия – это принципиально новый вызов для федерального центра, требующий иных подходов, нежели те, которые были использованы для подавления чеченского сепаратизма. Мятеж в Чечне был локализован границами республики, сторонников независимости прежде всего интересовала свобода для чеченского государства, они не рассматривали отделение других российских субъектов как обязательное условие собственного суверенитета. Распад России приветствовался, но лишь как сопутствующее обстоятельство, облегчающее решение основной задачи – создание чеченского государства.

Однако во время второй войны выяснилось, что, во-первых, этносепаратистская доктрина не может обеспечить достаточно сильной мотивации для вооруженного сопротивления чеченцев. Те, кто выступал за установление на территории Чечни особого, чеченского порядка, апеллирующего к традиционным социальным формам, могли воочию убедиться в том, что эта цель достижима и в составе России. Кадыровская Чечня – прекрасный образец торжества идеи национальной государственности, игнорирующей федеральное законодательство. Достаточно было заявить о своей лояльности российскому государству и федеральный центр закрыл глаза на фактическое отделение Чечни под формальными лозунгами единства с нею.

Во-вторых, локальность национально-освободительной идеологии определяла и ее уязвимость. Не только чеченский, но и все другие сепаратизмы, окрепшие в начале 90-х на почве распада СССР и слабости только зарождавшегося российского государства, предпочитали действовать поодиночке,

выбирая каждый отдельный путь для своего этноса. Война пришла только в Чечню, поскольку ее лидеры, да и общество в целом, оказались наименее готовы действовать в рамках договорных отношений, которыми Москва, передавая республикам дополнительные полномочия, стравливала растущее напряжение в отношениях с национальными субъектами федерации. Путь военного противостояния был заведомо проигрышным по одной простой причине: несопоставимость военных потенциалов Чечни и России, пусть даже слабой, но все равно многократно превосходящей противника в живой силе и технике, не давала чеченцам ни малейшего шанса на победу. Эта победа могла быть только политической и временной.

За время второй войны в Чечне окрепла и вытеснила безнадежно устаревший этносепаратизм новая идеология – джихадизм. Он обладает гораздо более мощным мобилизационным ресурсом. Национально-освободительный дискурс пытался воздействовать на коллективное самосознание, оперируя категориями рода, нации, государства, гражданского долга. Джихадизм более универсален, он обращен прежде всего к индивидууму, к современному человеку с его трагической экзистенциальной потерянностью в мире. Джихадистская доктрина предлагает как путь усовершенствования личности, так и рецепты преодоления «дурной социальности». Выдвигаемые императивы не новы: личности предписывается милосердие, любовь к ближнему, отказ от лжи, разврата и т.д. в общественной сфере джихадизм уходит от ограничений, которые были свойственны национальному сепаратизму. Он провозглашает все те же Свободу, Равенство и Братство вне сословных, этнических и даже возрастных различий. С одной существенной оговоркой.

Как и в любой секте, правила эти распространяются лишь на избранных, на членов общины или братства, обладающих истинным знанием, но не действуют в отношении неверных и лицемеров. Но это не так важно, поскольку любой желающий в любой момент может сойти с пути греха и влиться в общину истинно верующих.

Уходя от локализации «нация-государство», новый мусульманский интернационализм теперь не имеет территориальной «прописки». Он везде «свой», где есть его сторонники. Именно поэтому рецепты умиротворения Ингушетии, предлагаемые экспертами и заинтересованными лицами, не годятся.

Рецепт 1.

Использовать опыт чеченских войн, объединив Ингушетию с Чечней и дав право Рамзану Кадырову задействовать в полную силу свои карательные отряды для борьбы с подпольем. Другой вариант, представляющий по сути тот же план силового воздействия, но исключающий объединение – найти ингушского лидера, который в условиях Ингушетии сумел бы применить методы Рамзана Кадырова.

Этот план едва ли приемлем для Кремля, поскольку предлагает фактически расширить границы неконтролируемой или условно контролируемой российскими властями зоны на Юге России. В случае с Чечней речь шла о прекращении полномасштабной войны и полномочия диктатора были переданы Кадырову в обмен на мир и порядок любой ценой. Согласиться на фактический выход еще одной территории из правового пространства России Москва не может, тем более что о войне в случае с Ингушетией говорить пока рано.

Рецепт 2.

Собственно, он и реализуется в республике в данный момент. Силловые структуры пытаются самостоятельно подавить активность моджахедов. Бесперспективность этой стратегии продемонстрировали как раз чеченские войны. В отсутствие серьезной поддержки, осуществляемой местными жителями на всех этапах общества, действия силовых ведомств не просто малоэффективны, но и контрпродуктивны, поскольку настраивают население против федерального центра.

Кроме того, слабое место обоих рецептов в том, что они исходят из возможности остановить процесс распространения джихадизма в границах Ингушетии. Это не так. Новое интернациональное подполье легко меняет место дислокации и перемещается туда, где в данный момент удобнее вести боевые действия. Так что не стоит удивляться, если в следующем году взрыв грянет в Кабардино-Балкарии или Карачаево-Черкесии. Не стоит исключать и возможности возвращения моджахедов в Чечню. Любое ослабление Кадырова в результате смены власти в России или по иным причинам (его режим крайне нестабилен) может мгновенно и кардинально изменить ситуацию в республике.

3. Ингушская интифада

Сергей МАРКЕДОНОВ

После объявления Доку Умаровым Имарата Кавказ в соседней с Чечней Ингушетии значительно активизировались местные радикальные группировки. Ингушетия напоминала растревоженный муравейник. До этого бывшая одной из самых лояльных России республик, она всего за одно лето – 2007 года – стала похожа на раннюю Чечню.

Первое, что сразу бросалось в глаза в это время – военные машины на улицах, с непонятными опознавательными знаками, по которым невозможно определить принадлежность автотранспорта конкретному воинскому или милицейскому подразделению. Зачастую машины вообще не имели никакой маркировки и знаков. Посты ингушской милиции были усилены командированными из разных регионов России отрядами милиции и военнослужащими внутренних войск. Все силовые структуры работали в усиленном режиме фактически с начала лета. Общее количество служащих внутренних войск и подразделений Минобороны, задействованных в операции в Ингушетии, приближалось к 5000, воинские подразделения были размещены практически во всех районах республики.

Именно в 2007 году было зафиксировано наибольшее количество нападений и боестолкновений в различных частях республики. Спецоперации по задержанию членов отрядов боевиков проходили почти каждый день, и если судить по их географии, то складывалось впечатление, что на карте республики не осталось спокойных районов.

Нападения на сотрудников милиции, на места дислокации военных подразделений, обстрел колонн и подрывы бронетехники приобрели массовый характер. Диверсии день ото дня становились все более дерзкими и масштабными.

Жителям Ингушетии тяжело было признать, что в их республике уже давно действует хорошо организованное, боеспособное исламское подполье, именуемое себя ингушским сектором Кавказского фронта.

Фронт этот был создан еще три года назад указом ичкерийского лидера Абдулхалима Сайдулаева, который объявил территорией Джихада фактически весь Северный Кавказ. После гибели того же Сайдулаева, а впоследствии и Шамиля Басаева, фактической ликвидации кабардино-балкарского подполья в 2005 году и заметного снижения боевой активности чеченских формирований – власть и общество в России наконец поверили в то, что вооруженное исламское сопротивление сломлено и находится на грани полного поражения.

В реальность различных джихадистских джамаатов, от лица которых публиковались заявления на сайте «Кавказ-центр» о продолжающейся борьбе, мало кто верил. Большинство экспертов считали их виртуальными тенями, избретаемыми ныне забытым Мовлади Удуговым.

Тем не менее события в 2007 году в Ингушетии (и не только) показали действенность подполья на Северном Кавказе.

Аргументы тех, кто утверждал, что в Ингушетии отсутствует почва для борьбы с федеральным центром, поскольку в республике не было политических сил, выступавших за выход республики из состава России, оказались обращены в далекое прошлое. На смену национально-освободительным движениям пришли джихадистские структуры, которые выдвинули новые лозунги. Они выступали за освобождение всего Северного Кавказа от власти кафиринов. Это интернациональная идеология, не знающая различий по национальному признаку. Вести священную борьбу можно везде, где позволяют в данный момент условия. Согласно стратегии, предлагаемой Законодательством по Джихаду (салафитский военно-правовой устав), мусульмане должны уклоняться от тех столкновений, в которых их позиция заведомо проигрышна. Аб-

солютно в этом же духе неоднократно высказывался эмир Кавказского фронта Доку Умаров, сделавший ставку на консервацию активности чеченского подполья в пользу сохранения и приумножения численности боевых джамаатов и распространения влияния джихадизма на соседние республики.

Если мы присмотримся внимательно к событиям в Кабардино-Балкарии в 2005 году и в Ингушетии в 2007-м, то поймем, что территории республик были лабораторией джихадистской революции. Боевые действия в Чечне вести с каждым днем было все сложнее. Рамзану Кадырову, с одной стороны, беспощадным террором, с другой – умелыми действиями по восстановлению республики, привлечшими к нему симпатии значительного числа чеченцев, удалось лишить сопротивление социальной базы. Однако Кавказский фронт – это не только Чечня, и если там сложно вести эффективную борьбу, значит надо искать новую территорию.

Руководство Кавказского фронта умело втянуло в войну Ингушетию, Дагестан и Кабардино-Балкарию. Еще во времена вторжения в Дагестан Мовлади Удугов сформулировал не потерявшую актуальности и по сей день идею. «Надо, – говорил он, – всего лишь спровоцировать федералов начать боевые действия. После того как они по своему обыкновению начнут зачищать всех и вся, не разбирая ни правых, ни виноватых, население вынуждено будет взяться за оружие».

Так 2007 год вошел в историю российского Северного Кавказа как год Ингушетии. К сожалению, Кремль и его представители на местах, несмотря на появление новых угроз, новых вызовов, продолжали ограничиваться двумя подходами. Это, во-первых, констатация очередного успеха в борьбе с северокавказскими филиалами «международной террористической сети». Все разговоры о ликвидированном «эмире Дагестана» Раппани Халилове – как представителе «Аль-Каиды» из этой серии. Во-вторых, это заверения общественности в том, что «на Кавказе все спокойно», а вся критика идет от недоброжелателей и откровенных «клеветников России». В 1994 году власть восстанавливала в Чечне «конституционный порядок». В 1999 году вела «контртеррористическую операцию». Обе приведенные выше интерпретации нельзя признать вполне удовлетворительными. Но они, по крайней мере, были.

То, что в 2007 году происходило в Ингушетии и Дагестане, не поддавалось осмыслению федеральной власти. События, происходящие там, не интерпретировались, а общественность успокаивалась статистическими выводами о спаде терроризма.

Между тем ни терроризм, ни конфликтность не исчезли из повестки дня российского Северного Кавказа. Скорее наоборот. На Северном Кавказе происходила «перезагрузка» угроз и вызовов для Российского государства. Главным террористическим оппонентом Российского государства стал не защитник «свободной Ичкерии», а участник «кавказского исламского террористического интернационала». Не полумифической «Аль-Каиды», а местных исламистских структур, чье возникновение порождено не внешними причинами, а внутренними социально-экономическими и политическими причинами. В этом смысле российский Северный Кавказ воспроизводит исторический опыт стран исламского Востока.

Подобный этап «смены поколений» террористов и терроризма уже пройден государствами Ближнего Востока и Северной Африки. Если в 60–80-е годы прошлого века главными субъектами террористической борьбы были светские этнонационалисты (Ясир Арафат и ООП), инструментально и конъюнктурно обращавшиеся к религиозным ценностям и лозунгам, то с начала 80-х первую скрипку начинают играть поборники «чистого ислама» («Братья мусульмане», «Исламский джихад»). Теперь Северный Кавказ с некоторым отставанием проходит схожую эволюцию.

В начале 1990-х, в период пресловутого «парада суверенитетов», в северокавказском регионе доминировали этнонационализм и идея этнического самоопределения. На практике это привело к реализации принципа этнического доминирования в политике, управлении и бизнесе. Радикальные этнонационалисты активно использовали и террористические методы борьбы. Кто сказал, что всплеск терроризма в Дагестане касается только сегодняшнего дня? Между тем в 1989–1991 годах в Дагестане было совершено более 40 политических покушений, а в 1992-м – чуть менее 40, в 1993-м – около 60 покушений и вооруженных нападений. Были в начале 90-х и знаковые теракты. В июне 1993 года боевики аварского Народного фронта имени имама Шамиля и лакского движения «Казику-

мух» захватили сотрудников райвоенкомата в Кизляре и потребовали выведения из города подразделений спецназа российского МВД. Но, в отличие от терактов сегодняшних, тогдашние террористические вылазки имели не религиозные, а этнополитические мотивы. Та же мотивация отличала действия чеченских сепаратистов, с 1991 года боровшихся за «независимую Ичкерия». Этнонационалистами были и участники осетино-ингушского конфликта с обеих сторон. При этом осетины-мусульмане боролись с «ингушской агрессией» вместе с братьями-христианами.

Во второй половине 90-х этнонационализм уступает место лозунгам «чистоты ислама». Во-первых, этническая пестрота Кавказа на практике делает радикальный этнонационализм политической утопией (особенно в регионах, где нет сильного численного перевеса одной этногруппы, как в Карачаево-Черкесии). Во-вторых, борьба за превосходство «своего» этноса фактически приводит к победе этноэлиты, которая быстро коррумпируется и отрывается «от корней», замыкаясь на собственных эгоистических устремлениях. Народные же массы довольствуются ролью митинговой пехоты. Как следствие, во второй половине 90-х на Кавказ пришли идеи радикального ислама, или «ислама молящегося», противопоставляющего себя «исламу обрядному (погребальному)». По словам политолога Константина Казенина, «многовековая укорененность ислама в жизни народа периодически приводила к спору ислама “традиционного”, связанного с народными религиозными устоями и практикой, и ислама “чистого”, декларирующего свою свободу от “примесей”, народных традиций». При этом в исторической перспективе одно и то же направление ислама могло играть то роль «традиционного», то роль «чистого».

Если в XIX веке роль «чистого» ислама сыграл мистический суфизм, то в конце XX века эта роль была отведена «салафии» (ваххабизму), сторонники которой объявили войну «традиционалистам» – суфиям. Процесс распространения «чистого ислама» затронул Чечню (особенно после Хасавюрта), Дагестан и другие субъекты российского Кавказа, включая и относительно мирную Западную часть региона (Адыгею, Кабардино-Балкарию). Появились яркие проповедники «обновленного ислама», хорошо подкованные в основах исламского богословия в отличие от косных провластных ДУМов – Духовных управлений мусульман. В Адыгее таким проповедником выступил репатриант из Косова

Рамадан Цей, в Карачаево-Черкесии – Рамзан Борлаков и Ачимез Гочияев, в Кабардино-Балкарии – Мусса (Артур) Мукожев, в Дагестане – братья Кебедовы.

«Чистый ислам» как нельзя лучше подходил к кавказским условиям. В отличие от «традиционализма», эта система ислама обращена к надэтническим универсалистским и эгалитарным ценностям – эдакий «зеленый коммунизм». Для сторонников «молящегося ислама» не имеет значения принадлежность к клану или этнической группе. Отсюда и возможности формирования «горизонтальных связей» между активистами из разных кавказских республик. В условиях отсутствия внятной идеологии и концепции российского нацистроительства салафия стала интегрирующим фактором на Кавказе. Весь фокус, однако, заключается в том, что если «исламский национальный проект» развивался как антироссийский, то многие лидеры «обновленцев» не грешили русофобией и были готовы на российскую юрисдикцию на Северном Кавказе при условии его тотальной исламизации. Одновременно кавказские «ваххабиты» отвергают светский характер российской государственности и институты российской власти в регионе. Постепенно количество перешло в качество, и радикалы перешли от проповеди к террору. К началу нового века этнонационализм повсеместно, включая Чечню, уступил место религиозному исламскому радикализму. Сегодня в Ингушетии, а ранее в Дагестане, лозунги отделения Ичкерии от России не выдвигаются, зато умами овладевает идея формирования особой социально-политической реальности без России и вне России.

Это означает, что в наиболее нестабильном и конфликтном российском регионе принципиально изменится характер угроз. Теперь вызов российской власти исходит не только из Чечни. Весь Северный Кавказ превратился в поле жесткой борьбы. И очень важно правильно понимать суть этой угрозы. Беда, когда лидеры государства не осознают, с каким противником борются, какие ресурсы этот противник имеет. Между тем российской власти и, кстати сказать, либерально-модернизационному проекту в целом угрожают политически и идейно мотивированные люди, понимающие свои цели и задачи. В отличие от коррумпированной и развращенной российской элиты, как властной, так и оппозиционной.

При этом далеко не все исламские «обновленцы» перешли линию, отделяющую терроризм и борьбу с Россией от простого негодования по поводу коррупции и закрытости местной власти. Сегодня еще не поздно отделить «работников ножа и топора» от фрустрированной региональной интеллигенции и обычных «лузеров». Было бы фатальной ошибкой записать в ваххабиты и русофобы всех оппонентов республиканских властей. Если такой шаг будет сделан, Россия не досчитается многих своих сограждан. В том смысле, что лояльность российскому государству у многих сменится лояльностью салафитским джамаатам. И самое главное: российская власть должна отказаться от рассмотрения борьбы за Кавказ как программы социальной реабилитации. Сегодня речь идет не столько о деньгах, сколько о серьезном идеологическом противостоянии. И выиграет в этом противостоянии тот, у кого будут крепче нервы, сильнее воля, чьи аргументы окажутся убедительными, а идеи и цели более привлекательными. И, главное, чья вера окажется сильнее.

4. Кабардино-Балкария: перерождение радикального исламского подполья

Альберт КАЖАРОВ, Ислам ТЕКУШЕВ

Всерьез о террористических формированиях в Кабардино-Балкарской Республике стало известно после громкого заявления генпрокурора РФ Владимира Устинова, сообщившего в августе 2001 года, накануне визита президента Владимира Путина, о предотвращении попытки переворота в двух северокавказских республиках. Напомню также, что именно накануне разоблачения группы в этот район из Панкисского ущелья Грузии выдвинулся со своим отрядом чеченский полевой командир Руслан Гелаев. Как отмечали в то время военные, целью Гелаева была дестабилизация ситуации в западной части Северного Кавказа. Учитывая, что операция проводилась незначительными силами, легко предположить невозможность осуществления этой задачи. Цель, вероятнее всего, сводилась к тому, чтобы еще раз обратить внимание на чеченскую проблему.

Тогдашний глава Кабардино-Балкарской Республики Валерий Коков вначале гневно опроверг заявление Устинова и пригласил в Нальчик Владимира Путина, чтобы убедить его в обратном. Но после якобы признательных показаний террористов Коков подтвердил существование планов переворота, не согласившись с возможностью их реализации – столь абсурдными они выглядели. Углубляться в подробности было невыгодно никому. Устинов свою задачу выполнил, а в Кабардино-Балкарской Республике предстояли выборы, и выяснять отношения с Генпрокуратурой было ни к чему.

Тем не менее в ноябре 2001 года начальник управления по борьбе с организованной преступностью СКМ МВД Кабардино-Балкарской Республики Фуад Шурдумов отметил на брифинге, что у силовых структур и спецслужб имелась оперативная информация – выявленную в Абхазии бандгруппу Руслана Гелаева в Кабардино-Балкарской Республике кто-то ждал: «Но конкретные лица и адреса не были установлены».

Реляции силовиков того периода содержат массу информации о состоянии криминогенной обстановки. О религиозном экстремизме – ни слова. Лишь в январе следующего года, освободившись от предвыборных забот (о роли МВД в ходе выборов – отдельный разговор), прокурор республики Ю. Кетов вернулся к этому вопросу на расширенной коллегии: «Наибольшую опасность для нас представляют проявления ваххабизма. Принятые меры позволили приостановить процесс распространения религиозного экстремизма. Нейтрализовать открытые попытки захвата духовной власти путем смещения законно избранного руководства Духовного управления мусульман республики».

Лично мне непонятно, что означает фраза «законно избранное руководство» по отношению к духовному руководству в стране, где церковь отделена от государства. Но прокурору всегда виднее. (Пока дело не доходит до суда.)

Характерный момент: говоря о работе следственных подразделений различных силовых ведомств, Юрий Кетов высказал значительные претензии к следственному отделению Управления ФСБ по Кабардино-Балкарской Республике: «Расследовано всего 8 уголовных дел, 2 направлено в суд, 5 прекращены, 1 передано по территориальности. И при такой ничтожной нагрузке допускались волокита, некачественное проведение следственных действий, принятие решений, не соответствующих материалам дела, нарушение сроков. На 8 дел вынесено 4 представления, наказаны в дисциплинарном порядке два человека».

С одной стороны, это есть характеристика качества работы УФСБ, с другой – перед этим ведомством можно снять шляпу за то, что в 2001 году дела не пеклись там, как блины, подобно тому, как это было в 1937-м. Их милицейские коллеги, по словам Ю. Кетова, выглядели так: рост числа преступлений, совершенных работниками ОВД:

«По 362 представлениям прокуратуры к дисциплинарной ответственности привлечено 223 сотрудника, возбуждено 82 уголовных дела, в их числе дела за изнасилование, убийство, вымогательство взятки, 35 – за злоупотребление служебным положением, 16 – превышение должностных полномочий, 7 – получение взятки. 27 уголовных дел в отношении 31 сотрудника направлены в суд, 10 прекращены (из них 6 по нереабилитирующим основаниям)». Напомню, это – за 2001 год.

И этому, самому всемогущему ведомству в Кабардино-Балкарской Республике предстояло бороться с различными «проявлениями» в обществе. Каким образом, если МВД Кабардино-Балкарии само стало «проявлением»? (Для блюстителей чистоты мундира замечу: к светлой памяти погибших на посту сказанное не относится.)

Между тем события развивались.

20 января 2001 года в Тырныаузе сотрудниками Эльбрусского РОВД был задержан 29-летний Дато Курдагия, у которого были изъяты автомат Калашникова, патроны и гранаты. Через 2 дня на лентах российских информагентств и в информационных выпусках федеральных телеканалов, со ссылкой на Северокавказское оперативное управление Главного управления МВД РФ в Южном федеральном округе появилось сообщение, что задержанный сотрудниками этого управления (!) гражданин Грузии, возможно, является сообщником чеченских боевиков и направлен в Кабардино-Балкарию для установления связей с приверженцами ваххабизма, определения наиболее удобных маршрутов проникновения с сопредельной территории, создания тайных точек, где боевики могли бы в случае необходимости укрыться.

На самом деле сотрудники СКОУ попросили коллег из уголовного розыска снять задержанного для своей видеотеки, чтобы использовать в оперативной работе. На следующий день данная информация появилась в средствах массовой информации. При этом никаких данных о связях задержанного с чеченскими боевиками не было. Один из руководителей СКОУ извинился перед сотрудниками МВД Кабардино-Балкарской Республики и заявил, что все виновные будут наказаны. Всем понятно, что такой механизм передачи информации в средства массовой информации ошибкой быть не может. Просто сработали одни,

а отчитались перед родиной – другие. Присвоили результат чужой работы и сочинили актуальную фабулу про чеченских боевиков – на всякий случай. Потому что «борьба с терроризмом» в Кабардино-Балкарской Республике началась в полный рост.

Начало марта 2002 года. Из Послания тогдашнего президента Кабардино-Балкарской Республики парламенту: «Одно из главных направлений – работа по искоренению проявлений терроризма и экстремизма. Необходимо обеспечить надежный заслон незаконному обращению оружия, взрывчатых веществ, ужесточить контроль за порядком приобретения, учета и хранения огнестрельного оружия».

Спустя неделю – очередной брифинг в МВД, где о противостоянии религиозному экстремизму вместе с милицией и прокуратурой рассказывали представители Духовного управления мусульман. Трудно дать оценку такому тандему. Свобода совести – вещь, как выясняется, вполне конкретная. Непонятно лишь, то ли прокуроры были в этот момент мусульманами, то ли духовенство в роли дружинников. Совершенно очевидно одно – обе стороны помогали друг другу: у одних – задача по «искоренению проявлений терроризма и экстремизма», у вторых – проблемы в отношениях с правоведами, и отсутствие пожертвований. Собственных ресурсов не хватало ни у тех, ни у других. Процесс взаимодействия начался.

Прокурор Нальчика Анатолий Тхагапсоев, в отличие от своего старшего коллеги, проявлял чудеса осведомленности. К этому моменту он уже был в курсе, что последователи ваххабизма проживают в Хасанье, Кенже и Вольном Ауле: «Они оказывают влияние на умы и сердца граждан республики. В Нальчике более 70 ярых приверженцев ваххабизма. Правоохранительные органы знают их пофамильно (!) и отслеживают их деятельность законными методами».

Не иначе как к этим людям шел Гелаев. Трудно вообразить, какая колоссальная работа проделана всего за 3 месяца! И это не всё! Начальник оперативно-сыскного отдела Управления уголовного розыска Али Уянаев сообщил, что его подразделение специально создано для противостояния религиозному и политическому экстремизму: «В последнее время под видом обучения многие наши молодые граждане уезжают

за пределы Кабардино-Балкарской Республики. Очень часто даже их родители не знают, где они находятся, а молодежь оказывается в Чечне или в Грузии. По нашим сведениям, немало наших граждан сегодня находится в Панкисском ущелье. За участие в незаконных вооруженных формированиях к ответственности привлекаются 9 граждан республики. Следствие по этому делу ведет Генеральная прокуратура России. Еще трое жителей Кабардино-Балкарской Республики находятся в розыске по подозрению в участии в терактах на Кавминводах. Всё это во многом связано с распространением ваххабизма в Кабардино-Балкарии».

Для законопослушных граждан поясню: в то время как УФСБ «мышей не ловит» (всего 8 уголовных дел в 2001 году), доблестный уголовный розыск противостоит «религиозному и политическому экстремизму» и даже создал для этого специальное подразделение. И это при том, что в республике, согласно статистике 2001 года, убить, зарезать, ограбить, изнасиловать стало, так сказать, «обычным делом».

События, озвученные Генпрокурором, стали проясняться. 13 мая 2002 года в Пятигорске начался судебный процесс над 17 гражданами, обвиняющимися в попытке насильственного захвата власти в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Среди подсудимых – житель Чегема-2 Мурат Хапаев, задержанный 30 мая 2001 года и обвиненный в терроризме. Через три месяца, не найдя доказательств его причастности к названным терактам, следствие предъявило ему обвинение в приготовлении к насильственному захвату власти. Согласно этой версии, Мурат Хапаев был членом незаконного вооруженного формирования, входившего в состав преступного сообщества, созданного жителем селения Эльбрус Асланом Беккаевым и Эльбрусом Битировым из селения Чегем-2 (оба в розыске).

4 декабря 2001 года Хапаеву было предъявлено окончательное обвинение в том, что он являлся активным участником военного экстремистского религиозного объединения, которое входило в состав преступного сообщества, созданного жителем Иордании Хаттабом, а также несколькими гражданами Дагестана и Карачаево-Черкесии для «насильственного изменения конституционного строя в данном регионе РФ».

Кроме этого, по версии следствия, на территории селения Чегем-2 действовала диверсионная школа по подготовке подрывников, руководимая арабскими наемниками. Представители правоохранительных органов Кабардино-Балкарской Республики, к которым обратился корреспондент «Газеты Юга», отказались от комментариев, мотивируя это этическими соображениями. Вместе с тем они с большим скептицизмом относятся к выводам следствия о вооруженных джамаатах и школе подрывников, якобы действовавших на территории Кабардино-Балкарии.

Еще в августе 2001 года, когда генеральный прокурор Российской Федерации Владимир Устинов заявил о предотвращении переворота в Кабардино-Балкарской Республике, министр внутренних дел республики Хачим Шогенов, выступая на заседании правительства, утверждал, что идеи о вооруженном захвате власти в Кабардино-Балкарской Республике и создании исламского государства – это не более чем болезненное воображение людей, вынашивающих эти планы. Не тут-то было! В пятигорских органах тоже ребята не промах: вот вам, коллеги! Просили? Натё! Начальнику Чегемского РОВД Хусену Каскулову оставалось только недоумевать: «Сообщение о подготовке мятежников арабскими наемниками на территории Чегемского района – это чистое недоразумение». Но это уже не имело никакого значения. МВД Кабардино-Балкарии встало перед выбором: либо продолжать заниматься своими законными делами, которых невпроворот, либо принимать правила игры, навязанные сверху, и включаться в «борьбу с ваххабизмом». Заказчики такой борьбы внутри республики также нашлись.

Выбор был сделан.

«Каждый милиционер – специалист по ваххабизму» – под таким заголовком вышел материал в «Газете Юга», № 22 (431) от 20.05.2002. Журналист «А» очень точно вычленил главную мысль, прозвучавшую на встрече заместителя полномочного представителя Президента РФ в Южном федеральном округе Сергея Епифанцева с муфтиями юга России. На встрече, проходившей в Нальчике, выступил и бывший президент республики В. Коков. По правде говоря, это было едва ли ни единственное здоровое выступление. Не потому, что Валерия Мухамедовича уже нет на свете, а потому, что готов подписаться под его слова-

ми, которых тогда не слышали ни заместитель полпреда, ни муфтии, ни глава МВД: «Абстрактное раздувание исламской угрозы и обозначение ислама как первопричины вооруженных конфликтов вредно для России. Мусульманские народы России никогда не использовали знамя ислама для захвата чужих территорий. Религия сама по себе не может быть причиной вооруженных конфликтов. Их истоки в социально-политических, групповых интересах или даже личностных амбициях».

Пропустив мимо ушей слова экс-президента, Муфтий Кабардино-Балкарской Республики Шафик Пшихачев назвал три кита, на которых должна основываться работа Духовных управлений мусульман: противостояние религиозному экстремизму, взаимодействие с государственной властью и связь с традиционными конфессиями России. Лучшей «дразнилки» для радикалов придумать было невозможно.

В июле 2002 года на Республиканском совещании работников правоохранительных и контролирующих органов тогдашний прокурор Кабардино-Балкарской Республики Юрий Кетов в своем докладе обрисовал поистине ужасающую картину в Кабардино-Балкарии. Говоря о ваххабизме, он лишь подчеркнул, что оценки аналитиков здесь сильно преувеличены: «Но мы не имеем права отмахиваться от проблемы. Практика экстремизма совершенствуется. Любые проявления этой заразы должны безжалостно пресекаться. Наши коллеги из ФСБ и МВД пока в этом не преуспевают». (Заметим это слово – «безжалостно». Вскоре выяснится, что «коллеги» поняли его буквально.) Гораздо более серьезно дело обстояло с коррупцией, нарушениями законодательства о государственной и муниципальной службе. Были названы вопиющие факты в сфере экономической безопасности. «Выявляемый нами ущерб от хищений не идет ни в какое сравнение с потерями от бесхозяйственности и безответственности управляющих госсобственностью». Говоря о дисциплине в системе МВД, прокурор сообщил, что в 2001 году против сотрудников было возбуждено 82 уголовных дела, в том числе за убийство, изнасилование, взятки. В унисон с прокурором выступил начальник Управления ФСБ по Кабардино-Балкарской Республике Григорий Максимов. Приведенные им факты по большей части также касались МВД: «В ходе обмена паспортов созданы непонятные коммерческие структуры, которые заполняют за определенные суммы регистрационные документы. Они же имеют доступ к базам

данных о лицах, находящихся в розыске. Всё это находится в руках непонятных лиц, не имеющих доступа к секретным документам, и неизвестно на какие криминальные группировки они сегодня работают».

Выступление тогдашнего министра внутренних дел Шогенова было незамысловатым, но беспроблемным. Спокойно прослушав всё, что касалось коррупции в ГИБДД, злоупотреблений во внебюджетной группе, паспортно-визовой службе, он выразил неудовлетворенность работой подразделения по борьбе с религиозным и политическим экстремизмом и сообщил: «На сегодняшний день к уголовной ответственности привлечены 43 активных ваххабита, 21 находится в розыске». Если предположить, что министр и прокурор живут в одной республике и встречаются хотя бы два раза в году – на дни рождения друг друга, то результат их совместных усилий таков: 70 «прокурорских» ваххабитов минус 43 и 21 «министерских», итого, еще за 3 месяца, к июлю 2002 года, в Кабардино-Балкарской Республике осталось 6 неприкаянных ваххабитов. Отсюда понятно, почему так твердо и уверенно чувствовал себя господин Шогенов.

В августе 2002 года по приглашению Кабардино-Балкарского института исламских исследований в Нальчик приехал один из ведущих специалистов московского Центра Карнеги профессор Алексей Малашенко. 12 августа в Кабардино-Балкарской Республике планировался семинар, посвященный веротерпимости. Но, по словам Руслана Нахушева – руководителя института, в последний момент организаторам отказали в аренде помещения. Мероприятие пришлось отменить. Всех других приглашенных об этом предупредили, а профессора Малашенко не успели. Вместо семинара 15 августа была устроена его встреча с представителями общественности. Место ее проведения несколько раз менялось – не могли найти зал. Согласитесь, уважаемый читатель, что мероприятие, не одобренное «сверху», в Кабардино-Балкарии обречено на провал. Надо знать и понимать психологию чиновника. Никто из власть предержащих не собирался вступать ни в какой диалог. Более того, подозреваю, что и по сей день в правительстве, министерствах и прочих кабинетных учреждениях просто не знают, кто, собственно, должен этим заниматься. А в ситуации 2002 года это была огромная ответственность. Взять ее на себя снова был вынужден начальник Управления по борьбе с организованной преступностью МВД

Кабардино-Балкарской Республики Фуад Шурдумов. На элементарный вопрос из зала, какой самый страшный грех для мусульманина, полковник ответил неправильно. Разговора не получилось. Духовное управление мусульман от общения уклонилось. А зачем, если эту роль взяла на себя милиция? Финальная реплика Шурдумова расставила всё на свои места: «С теми, кто хочет организовать беспорядки, кто будет таскать оружие, взрывчатку, разговор будет короткий». Собственно, на этом диалог и завершился.

А теперь предположим на минуту, что запланированная встреча была бы поддержана в Кабардино-Балкарии на самом высоком уровне, и те, кого огульно причислили к ваххабитам, пришли бы в самый большой зал из существующих в Кабардино-Балкарской Республике. В президиум на таком форуме просто так не пролезешь, только потому что ты министр, начальник, муфтий или еще кто-то. Это же сколько проблем этического, демократического и какого угодно характера решать которые надо головой! А демократии-то нет! Ею и не пахнет! И уже давно! А тут несколько сотен молодых парней, преисполненных, прежде всего собственным достоинством, какими-то знаниями. Никому рот не закроешь, не прикрикнешь, не испугаешь! Не партсобрание и не профсоюз – все равны. Это же уму непостижимо! Это же снова конец 80-х, когда мерили не по должности, а по совести. А эти еще и Всевышнего в помощь призвали, и вопросы начнут задавать. Прямо, в лоб.

И как с этими «ваххабитами» общаться? Отчитываться, что ли? Сейчас, разбежались! На этих ОМОН есть. Там – такие же, только о Боге не рассуждают. Им даже боевых платить не надо – орденов раздал и достаточно! Вот и пусть «беседуют»!

Кто-то не согласен? А разве не так? Разве пять лет назад было не так? Три года? Вчера? А разве сейчас не так?

Раздосадованный профессор уехал, оставив весьма нерадужные прогнозы. Членов местных джамаатов он признал ханафитами, то есть никакими не ваххабитами. Проблема же, по его мнению, была проста: «Надо уметь разговаривать. Если не научимся это делать, я боюсь, у всех будут неприятности... Кабардино-Балкария на перепутье. Чтобы сохранить здесь элементарную стабильность, необходимо начать диа-

лог между государством, муфтиятом и ребятами из джамаатов. Надо найти консенсус. Ведь если бы с джамаатами могли справиться силой, это бы давно сделали. Духовному управлению нужно быть готовым к тому, что придется поделиться частью своего влияния...»

В январе следующего, 2003 года институт исламских исследований подарил Государственной национальной библиотеке, парламенту, КБГУ, КБИГИ и некоторым селам двухтомник имама аль-Бухари, «Жизнь пророка» шейха аль-Мубаракфури, а также книгу Алексея Малашенко «Исламские ориентиры Северного Кавказа». Не берусь судить о ценности профессорской книги. Возможно, со стороны вручавшего ее Анзора Астемирова, это была дань уважения за искренность и равнодушное отношение к проблемам ислама. Следовательно, встреча А. Малашенко с мусульманами принесла небольшой, но положительный результат.

По итогам 2002 года заместитель прокурора республики – начальник следственного управления Алик Емжуев констатирует: «в республике не допущены случаи терроризма и захвата заложников». Это означает, что преступлений, которые можно было бы притянуть за уши и вменить религиозно ориентированным людям, попросту нет. Можно сколь угодно раз повторять слова «экстремизм», «радикализм», и т.п. Это – не преступления. А по большому счету, как развивается религия и развивается ли она вообще – не проблема государства. Государство обязано быть в курсе и влиять, ровно в той степени, чтобы обеспечить безопасность своих институтов. Никакой угрозы государственной власти нет. И это всем ясно. Есть угроза благосостоянию и статусу отдельных духовных функционеров. Не более.

На заседании присутствует исполняющий обязанности начальника Управления Генеральной прокуратуры России на Северном Кавказе Борис Марков. В своем выступлении он вновь указывает на необходимость борьбы с религиозным экстремизмом и не находит ничего лучшего, чем снова вспомнить Карачаево-Черкесские и Кабардино-Балкарские джамааты экстремистского толка, лидеры которых были тесно связаны с бандами Гелаяева и Хаттаба и вынашивали планы нарушения конституционной целостности России: «Это преступное сообщество было разгромлено, но остаются еще те, кто не одумался и не вернулся к мирной жизни». О конечном результате таких дел вновь ничего не говорится.

Прокурор Кабардино-Балкарской Республики Юрий Кетов вынужден опять повторить сказанное им уже неоднократно – о том, что откровенно экстремистских, националистических и сепаратистских организаций в республике нет: «Однако угроза распространения наиболее опасного религиозно-экстремистского течения – ваххабизма сохраняется. Мы обращали в довольно жесткой форме внимание руководства МВД и УФСБ на то, что оперативные подразделения этих служб не в полной мере владеют ситуацией. Мы предотвратили тихий захват духовной власти сторонниками радикальных исламских течений в городе Нарткале. Это стало возможным по причине, если мягко выразиться, бездеятельного отношения к этой проблеме Духовного управления мусульман республики».

Март 2003 года. Из послания бывшего президента Кабардино-Балкарской Республики Валерия Кокова парламенту республики: «Минувший год подтвердил наличие устойчивой тенденции наращивания потенциала религиозных экстремистских организаций, которые, как и прежде, не прочь «вдохнуть новую жизнь» в политический экстремизм. В условиях осложняющейся международной обстановки, особенно на Ближнем Востоке, вопрос этот приобретает для нас особую значимость».

На очередном брифинге в МВД бывший председатель Духовного управления мусульман Кабардино-Балкарской Республики Анас Пшихачев снова сетовал на неподконтрольных ему мусульман. Отвечая на вопрос «Газеты Юга» о природе конфликта между ДУМ и «молодыми людьми», Анас Пшихачев отмечал, что спор чисто богословский, но этот спор может принести большой вред республике и дестабилизировать обстановку: «Прямых доказательств о наличии политической подоплеки в их действиях у меня нет, но что-то там есть. Всё идет к этому».

Участвуя в дискуссии, Руслан Нахушев высказал мнение, что в Кабардино-Балкарии внешнее влияние на радикализацию ислама преувеличено, как и в других регионах России: «На сегодня нет ни одного официально зарегистрированного факта финансирования или иного вмешательства зарубежных организаций или иностранных государств. Нет ни одного лица, привлеченного к уголовной ответственности за религиозную экстремистскую деятельность. При этом борьба с экстремизмом

ведется более четырех лет. На нее брошены огромные силы: прокуратура, РУБОП, УФСБ, МВД, налоговая полиция... Плюс правительственная комиссия. Духовное управление мусульман также активно занимается этим. Получается – или подвергается сомнению компетентность компетентных органов, или просто-напросто отсутствует объект борьбы».

Еще в июле 2002 года сотрудники Института гуманитарных исследований правительства Кабардино-Балкарской Республики и КБНЦ РАН и Института этнологии и антропологии Российской академии наук провели комплексную этнографическую экспедицию, посвященную изучению современного состояния ислама в Кабардино-Балкарской Республике. Жаль, что в правительстве республики не прислушались к мнению своего же института. Читаем: «К сожалению, в Кабардино-Балкарии наметилась весьма опасная тенденция, связанная с дискриминацией молодых верующих под предлогом борьбы с так называемым ваххабизмом. Дискриминация осуществляется практически на всех уровнях: в семье (когда родители запрещают своим детям молиться из-за боязни, что их причислят к ваххабитам), в средних и высших учебных заведениях, в государственных учреждениях и на предприятиях, не говоря уже о правоохранительных органах. В общественное сознание искусственно внедряется нетерпимость к ним, а заодно и страх открыто выражать свои религиозные убеждения. Практически они оказались в положении социальных изгоев. «Не вызывает сомнений, что продолжение политики дискриминации в отношении молодых прихожан, резко снизив уровень веротерпимости в обществе, может стать одним из факторов, способных существенно дестабилизировать этнополитическую ситуацию на Северном Кавказе. Ставка только на силовые и административные методы решения проблем исламского фундаментализма может обернуться нетерпимостью к российскому государству, государствообразующему этносу и православию. В этих условиях не исключено, что значительная часть молодых мусульман проникнется мыслью, что только в исламском государстве станет возможной свобода вероисповедания.

В Кабардино-Балкарской Республике идеи этнического радикализма не имеют религиозной оболочки. Но они могут ее приобрести как ответную реакцию на политику планомерного внедрения в массовое сознание мифа об «исламской угрозе». Здесь само преуве-

личение опасности религиозного экстремизма может спровоцировать его возникновение и развитие». («ГЮ», № 23 (484) 05.06.2003). Складывается впечатление, будто кому-то, стоящему над всей этой ситуацией, просто неинтересно, что происходит на самом деле.

В том же номере «ГЮ» от 5.06.2003 читаем: «В Москве проходит организованный Фондом Сороса круглый стол «Права национальных меньшинств в России: иллюзии и реальность», в котором участвовали представители правозащитных организаций, общественных объединений различных народов РФ, мусульманских организаций, сотрудники МВД России, эксперты-юристы.

На встрече выступил заместитель директора по научной работе Кабардино-Балкарского института исламских исследований Анзор Астемиров, заявивший, что в Кабардино-Балкарской Республике, где большинство населения традиционно исповедует ислам, мусульмане, исполняющие основные требования своей религии, подвергаются дискриминации со стороны отдельных представителей остальной части общества: «Были закрыты мечети в городах Чегем (2002) и Нарткала (2003). По сей день закрыта мечеть в селении Алтуд. В правоохранительных органах составлялись списки так называемых «приверженцев ваххабизма», в которые включались практически все молодые прихожане мечетей. Угрозы со стороны отдельных сотрудников правоохранительных органов в адрес молящихся, а также обыски и задержания стали обыденным делом. Были случаи, когда молодых людей похищали неизвестные люди, а через несколько дней родители узнавали, что похитители были сотрудниками спецслужб. Имели место случаи издевательств над верующими. В свое оправдание руководство правоохранительных органов приводило факты совершения отдельными верующими уголовных преступлений. Многочисленные нарушения прав верующих могли привести к ответной реакции и иметь непредсказуемые последствия. Но терпение принесло свои плоды: открыты мечети, выиграно несколько судебных процессов. Все больше сотрудников правоохранительных органов начинают дифференцированно подходить к работе с верующими».

В это же время на брифинге МВД Кабардино-Балкарской Республики начальник Управления по борьбе с организованной преступностью Фуад Шурдумов рассказывает о терроризме в масштабе всей Рос-

сийской Федерации: количество терактов в России возросло со 135 в 2000 году до 366 – в 2002 году, а за 4 месяца нынешнего года совершено 376 таких преступлений. Большая часть из них совершена на территории Южного федерального округа. При этом он признает, что в Кабардино-Балкарии за последние годы не допущено ни одного теракта. Шурдумов манипулирует цифрами, которые не имеют отношения к «мусульманскому вопросу» в Кабардино-Балкарской Республике, но призваны иллюстрировать кипучую деятельность по искоренению фундаментализма. Он умалчивает, что многочисленные обвинения Астемирова и Одижева, выдвигаемые Главным управлением Генеральной прокуратуры России на Северном Кавказе, не нашли подтверждения. В то же время каждый шаг правоохранительных органов, с подачи пресс-служб, красочно описывается в средствах массовой информации, создавая иллюзию борьбы с несуществующим экстремизмом. В феврале 2001 года в одной из газет появилась статья «Под черным знаменем джихада», в которой сообщалось, что в августе 1999 года подданный Саудовской Аравии, специалист по минно-взрывному делу Самир Коблян, направлявшийся в зону боевых действий, был задержан с Мусой Мукожевым в Терском районе Кабардино-Балкарской Республики.

Мукожев обратился в суд. Нальчикский городской суд установил, что у правоохранительных органов нет сведений по факту задержания Самира Кобеляна. В ходе судебного разбирательства представитель газеты сообщил, что эти факты предоставлены Управлением ФСБ по Кабардино-Балкарской Республике, а автор материала уточнил: сведения получены в ходе интервью с одним из руководителей УФСБ и при ознакомлении с предоставленными ему служебными документами.

Суд привлек представителей ФСБ к участию в деле в качестве третьего лица. Заседания суда трижды переносились из-за неявки представителей спецслужбы, но они так и не появились в суде. Налицо очередной факт «горячей дружбы» официальных органов с официальной прессой. Само по себе это нормально, если делается во имя реальных государственных интересов и не носит признаков лжи и очковтирательства. Только неграмотный не смог бы понять, что идет целенаправленная обработка общественного мнения. Стоящая за этим грубая политическая и идейно-пропагандийская авантюра, вызывает прямо противоположный результат – усиление влияния радикальных сил на всем Северном Кавказе.

Вернемся к Шурдумову: «К сожалению, приходится констатировать – есть у нас его (ваххабизма – А.К.) приверженцы, есть граждане, которые поддерживают незаконные вооруженные формирования, действующие на Северном Кавказе, есть активные члены этих бандформирований. Часть из них возвратилась домой, с ними проведена определенная оперативно-профилактическая работа, и они попали под амнистию. То, что в Кабардино-Балкарии были и есть участники незаконных вооруженных формирований в Чечне – ни для кого не новость. Также не новостью является и то, что идея независимости Чечни в Кабардино-Балкарской Республике не вдохновляет молодежь настолько, чтобы добровольцы стали явлением. Причин тому множество, а подтверждением являются массовые побоища местной и чеченской молодежи, которые периодически возникают в республике. Говорить о том, что кабардинцы и балкарцы подпитывают рекрутами НВФ в Чеченской Республике, было бы безответственно. А что говорят цифры?»

Шурдумов: По оперативным данным, в НВФ участвовали 52 жителя Кабардино-Балкарской Республики. Часть из них погибли, хотя достоверных документальных данных об их смерти у нас нет, и они числятся как без вести пропавшие. В Кабардино-Балкарию возвратились 12 человек, которых мы разыскиваем за преступления, совершенные на территории республики либо до отъезда в Чечню, либо после возвращения оттуда».

Итак, 12 человек. Пусть даже все 52 внезапно воскресли и вернулись в Кабардино-Балкарию. Разумеется, не с этими людьми возникло такое серьезное противостояние. Как бы между прочим Шурдумов сообщил, что в настоящее время в Чечню уже никто не едет: «Там сейчас плохо платят. Есть попытки агитировать наших граждан, но информации о том, что кто-то туда поехал, мы не имеем». Никто не едет это – очевидно. А насчет «плохо платят» ему следовало бы промолчать, потому как в тот момент, когда он это произносил, служба судебных приставов вынесла постановление о наложении ареста на денежные средства МВД Кабардино-Балкарской Республики в отделении Федерального казначейства по Нальчику. Более 180 военнослужащих, участвовавших в контртеррористической операции на территории Чеченской Республики и не получивших денежных компенсаций, с 2001 года продолжали судиться за свои «боевые». Действительно, иногда лучше жевать, чем говорить.

Август 2003 года положил начало очередной темной интриге, родившейся в недрах правительственных умов и, на первый взгляд, не имеющей отношения к проблеме религиозных взаимоотношений. Но это только на первый взгляд. Парламент Кабардино-Балкарии, собравшийся на внеочередное заседание, внес изменения в административно-территориальное устройство республики. Дело тут даже не в границах, которые вдруг зачем-то понадобилось переделать. Конечная цель – переподчинение администраций городов и сел, а следовательно – реструктуризация бюджетных потоков. Среди основных доводов в пользу преобразований назывались более рационально организованная система местного самоуправления и эффективное использование местных ресурсов, приближение власти к населению и оперативное решение его жизненных потребностей, создание около 1,7 тысяч рабочих мест и развитие социальной инфраструктуры, повышение инвестиционной привлекательности и увеличение собственных доходов бюджета.

Все бы хорошо, но возникают вопросы. Причем тут границы? И откуда конкретно возьмётся 12 миллиардов рублей ежегодной прибыли, которыми пытался прельстить республику тогдашний премьер Хусейн Чеченов? Из чего и каким образом они появятся? При том, что на преобразования предлагалось потратить 46 миллионов реальных бюджетных рублей? И кто эти обещанные инвесторы, готовые вкладывать деньги только на таких условиях? Последующие события в Эльбрусском районе и Хасанье не косвенно, а прямо подтвердят лицемерную надуманность выдвинутых правительством аргументов. Вскоре всё вылезет наружу, но уже тогда было ясно, что правительство не хочет объяснять истинные замыслы и неспособно вести диалог с тем самым народом, о благе которого якобы печется.

Полагаю, руководство республики отдавало себе отчет в том, чем может обернуться противостояние с собственным народом. На эту мысль наводит тот факт, что спустя несколько дней в Нальчик прибыл тогдашний директор Федеральной службы безопасности России Николай Патрушев. Основная цель – инспекционная проверка готовности подразделений спецназа силовых структур России в условиях горной местности. В Приэльбрусье, где базируются подразделения спецназа, он наблюдал за ходом учений, на которых отработывались действия

бойцов в горах. После завершения проверки Николай Патрушев с двумя проводниками поднялся на западную вершину Эльбруса.

Как сообщили в пресс-службе УФСБ России по Кабардино-Балкарской Республике, генерал остался доволен результатами проверки.

Едва проводили Патрушева, «24 августа примерно в 1 час 35 минут при проведении в Баксане сотрудниками органов внутренних дел оперативно-розыскных мероприятий по задержанию лиц, подозреваемых в причастности к ранее совершенным на территории РФ терактам, им было оказано вооруженное сопротивление». Это сухой текст информационного сообщения. Обращает на себя внимание формулировка. Она снова неправдива. Никаких конкретных задержаний не планировалось. Просто шли по дворам, как у себя дома, и нарвались. Случайно. Сами милиционеры – участники этих событий – этого не скрывали. Но официальные релизы пишут другие люди. Спрашивается: как готовились, если все адреса, фамилии, известны, списками на брифингах размахивали, угрожали всех привлечь? Как видно, это были неправильные списки и неправильные адреса. Милиционеры тоже были неправильные, а вот бандиты оказались те, что надо. И, как полагается «правильным» бандитам, они скрылись, а среди них – не кто иной, как Шамиль Басаев. О чем это говорит? Пока ездили по республике и вешали замки на мечетях, настоящие боевики культурно отдыхали.

Тех, кого собирались задерживать – не задержали. Вместо них по подозрению в пособничестве террористам арестованы два сотрудника МВД Кабардино-Балкарской Республики – старший лейтенант Аслан Катинев и старший сержант Мухамед Унатлоков. Взятые под стражу милиционеры помогали действительным террористам, не ходившим в мечеть и по известным причинам не числившимся в «милиционерско-духовных» списках.

Что происходит в Кабардино-Балкарии дальше? Думается, вся прокурорская машина должна была обрушиться на МВД республики или, во всяком случае, на ДПС. Как бы не так! Через суд прокуратура Нальчика пытается закрыть... учебно-компьютерно-лингвистический центр «Минарет». Видимо, ошибочно полагая, что именно там обучают «продажных милиционеров».

В тяжбе, длящейся с апреля, прокуратура обращается в Нальчикский городской суд с иском в интересах государства. В ход идут давно испытанные методы: нет лицензии, несоответствие санитарным и противопожарным нормам. Нальчикский городской суд в иске отказал – дело было шито, как говорится, «белыми нитками». Прокуратура обратилась в Верховный суд Кабардино-Балкарской Республики с кассационным представлением, считая, что Нальчикский горсуд неправильно толковал нормы материального права. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда республики нашла аргументы прокуратуры более вескими и, отменив первое судебное решение, направила дело на новое рассмотрение в тот же суд.

Говорить о том, что все действия правоохранительной системы республики – позорная подтасовка фактов, цифр и событий, бессмысленно. Сам ход событий и всё, что звучит из уст военизированного чиновничества, свидетельствует само за себя. Причем власть и МВД пытаются предстать в контексте происходящего в выгодном для себя свете и извлечь максимально возможную выгоду. Убедимся в этом еще раз.

Ноябрь. На очередном брифинге снова появляется Шурдумов. По законам избранного им жанра, звучит то же, что и раньше: «...Когда преступники прикрываются идеями так называемого «чистого ислама», мы будем бороться с ними всеми данными нам законом средствами. Мы еженедельно изымаем огромное количество оружия, боеприпасов и взрывных устройств у этих «служителей ислама». Зачем всё это мусульманину? Разве это прописано в Коране? Всё это нужно им, чтобы дестабилизировать обстановку в республике, убивать ни в чем не повинных людей. Но у МВД Кабардино-Балкарской Республики и других структур республики достаточно сил, чтобы противостоять их намерениям».

«Убивать ни в чем не повинных людей» – звучит серьезно. Где факты? Кто кого в Кабардино-Балкарии хочет убить? Сколько оружия изъято и у кого? Ответа нет, но он скоро появится.

На торжествах по случаю 80-летия УФСБ по Кабардино-Балкарской Республике президент республики В. Коков говорил о безудержном стремлении религиозных экстремистов пройти в органы местного самоуправления: «После нынешних выборов мы имеем в республике

два населенных пункта, где в местные советы проникли такие люди. И нам необходимо будет предпринять какие-либо меры». Так вот причина того, зачем нужны новые границы и новые выборы? Поневоле удивисься, как повторяется история: ФСБ, 80 лет, проблемы в Хасанье и Эльбрусском районе. Страшные аналогии напрашиваются сами.

Накануне упомянутого юбилея в Нальчике собирался Совет начальников Управлений ФСБ в Южном федеральном округе. Здесь руководитель Кабардино-Балкарской Республики также пожаловался на трудности: «Мы анализировали ситуацию перед выборами. Даже неглубокий анализ показал, что среди кандидатов в представительные органы различных уровней 60 человек, имевших непристойные отношения с законом, то есть имевших судимость. Федеральное законодательство не дает нам возможности препятствовать их избранию».

Можно согласиться с тем, что анализ действительно был неглубокий. «Смешались в кучу кони, люди»: «...Противостояние представителям олигархических кругов и религиозным экстремистам очень важно. Мы учтем ваши выводы и сделаем всё, чтобы органы власти на местах работали в тесном сотрудничестве с органами ФСБ». Президент Кабардино-Балкарии В. Коков вручил членам Совета нагрудные знаки «За службу на Кавказе», а Ректор КБГУ Карамурзов вспомнил, как однажды в Италии его приняли за агента КГБ: «Я не могу передать тот неопишуемый страх, который я увидел в их глазах. В ту секунду я понял, каким уважением пользуется ваша служба. Я желаю вам, чтобы сегодня вас уважали так же, как тогда». Ну очень хотелось ректору, чтобы было «как тогда». Накануне Нового года он получил-таки подарок из прошлого: из университета был исключен телефонный террорист, 18-летний К. – студент физико-математического факультета.

Правда, подарок был не из ФСБ, а из МВД. Именно там вели расследование дела.

2004 год. Сразу после праздников прокуратура республики подвела итоги за год. Прокурор Кабардино-Балкарской Республики Ю. Кетов назвал провальными показатели раскрываемости преступлений компетенции милиции общественной безопасности. Они снизились на 31,6% (худший результат за последние 5 лет), нераскрытыми оста-

лись 1006 преступлений, в том числе 992 кражи: «Впервые за последние годы МВД Кабардино-Балкарской Республики оказалось по общей раскрываемости на 13-м месте... Вызывает откровенное разочарование реанимированная порочная практика директивного обнаружения схронов и складов оружия для отчетов по громким операциям типа «Вихрь-антитеррор». За последний месяц изъято 33 единицы оружия, в том числе автоматы, гранатометы, или 14% всего выявленного оружия. Вот вам и вся конкретика борьбы с незаконным оборотом».

Требует пояснения, что не всякое изъятое из незаконного оборота оружие можно приписать «экстремистам», как бы этого ни хотелось. Всем известно, что арсеналами располагают многие граждане, не попадающие в списки потенциальных террористов. Запасы находятся, в ходе подворных обходов и прочих ухищрений милиции, у тех, кто приобретает оружие «на всякий случай», при этом не помышляя о разбое. И такого оружия в Кабардино-Балкарии, как и на всем Кавказе, действительно очень много. Системной работы по его изъятию как не было, так и нет. Этим и объясняется справедливое недовольство прокурора. Но не только им.

Прокурор сообщил, что по выявленным нарушениям к дисциплинарной ответственности привлечено 249 работников милиции, 48 уголовных дел в отношении 73 сотрудников ОВД направлены в суд: «Работниками милиции совершено два особо тяжких преступления (участие в банде инспектора ГИБДД Сосиева и квалифицированное вымогательство сотрудниками 2-го межрайонного отдела УБОП), 20 тяжких и 57 преступлений средней и небольшой тяжести». А теперь вспомним цифры 2001 года: к дисциплинарной ответственности привлечено 223 сотрудника (рост + 11%), возбуждено 27 уголовных дел (рост + 78%) в отношении 31 сотрудника (рост +135%).

Это ли не причина, чтобы начать закрывать райотделы и производить повальное срывание погон? Нет, власти заботит другое.

2 марта завершилось почти трехмесячное противостояние жителей Хасаньи и властей столицы Кабардино-Балкарской Республики. На сессии сельского Совета по предложению мэра Нальчика Хазратали Бердова

главой администрации избран Артур Зокаев, чья кандидатура прежде не устраивала городские власти. Открытое давление на избирателей, пере- выборы – ничего не помогло. 7 декабря 2003 года более 5 тысяч избирателей Хасаньи выбрали в сельский Совет 15 депутатов. Однако, по словам жителей, этот состав народных избранников не устраивал властные структуры. Часть депутатов тут же заподозрили в приверженности ваххабизму, хотя открыто об этом нигде не говорилось. Даже на встрече с чекистами В.М. Коков, как мы помним, ограничился намеками. Между тем среди избранных депутатов были два чемпиона России и чемпион мира, преподаватель КБГУ, начальник отдела одного из министерств. Трое депутатов добровольно сложили с себя полномочия. Как считают в Хасанье, умышленно – чтобы сорвать выборы нового главы администрации села. Еще троих заставили это сделать с помощью различных форм давления. В результате в новом составе Совета осталось 9 человек, а для работы представительного органа необходимо было 10. Согласно закону, в такой ситуации следует провести довыборы и избрать шестерых депутатов. Однако 23 декабря 2003 года в Хасанье назначили повторные выборы, лишив без судебного вердикта 9 народных избранников депутатских полномочий.

Обо всем этом жители Хасаньи написали президентам России и Кабардино-Балкарской Республики, председателю Центральной избирательной комиссии России. Разумеется, безуспешно.

22 февраля 2004 года состоялись повторные выборы. И вновь в сельский Совет были избраны 8 депутатов, которые не устраивали руководство города. 25 февраля вновь избранные 12 депутатов провели первую сессию и избрали главой администрации 43-летнего Артура Зокаева. Но городские власти признали это решение нелегитимным, так как в уставе села сказано, что кандидатуру нового главы администрации представляет мэр Нальчика, куда административно входит селение Хасанья.

27 февраля в селе прошла сессия, в которой участвовал Хазратали Бердов. Выдвинутый им Хаким Биттиев, за которого проголосовало только 5 депутатов, главой администрации не стал. Бердов предложил объявить перерыв для консультаций.

2 марта 2004 года, после стихийного митинга, вынужденный сдать мэр Нальчика предложил кандидата, которого выдвинули хасаньинцы. Смысл этого позорного для властей противостояния абсолютно далек

от внутрирелигиозных и криминальных проблем. Если предположить, что в Доме правительства и мэрии Нальчика действительно считали Хасанью одним из эпицентров экстремизма, думаю, вряд ли там стали бы действовать таким вероломным образом. Кто рискнул бы ворошить осиное гнездо? Дело как раз в том, что источником такого рода опасности Хасанью в действительности никто не считал и не считает. Причины, скорее всего, носят финансовый и личностный характер. Поселок Хасанья как территориальная единица – это серьезный ресурс, и кому-то очень хотелось положить его в карман. Срыв этих замыслов Артуру Зокаеву не простили. 15 мая 2005 года он был убит.

Ситуация вокруг статуса Хасаньи обострилась до крайней степени. Удивительно, как смерть Зокаева и глумление над волеизъявлением граждан не вылились в трагические события. То, что демонстрировали властные структуры Кабардино-Балкарской Республики в ходе происходящего, иначе как провокацией назвать трудно. Остается загадкой: кто и ради каких дивидендов продолжал поливать керосином угли, в то время как пожар уже начинал разгораться? И кто, наконец, убил Зокаева?

Ждать ответа на эти вопросы от полусгнившего МВД республики – все равно что спрашивать, который час, у светофора.

Листаем газеты начала 2004 года. Заголовки материалов не дают отвлечься от тягостных мыслей: «Двух милиционеров подозревают в пособничестве террористам», «Сотрудник колонии обвинен в убийстве заключенного», «Милиционеров убили бывшие коллеги», «Майор полиции покупал патроны у майора милиции». 11 марта в столкновении с сотрудниками УВД Ставропольского края убиты четыре участника незаконных вооруженных формирований, двое из которых граждане Кабардино-Балкарии, бывшие сотрудники милиции Давид Фотов и Виталий Загоруйко. Легко догадаться, что сразу после своей смерти Фотов и Загоруйко стали «посещать мечеть и, по некоторым данным, состояли на учете в правоохранительных органах как приверженцы ваххабизма».

Вечером 9 апреля с территории Эльбрусского и Чегемского районов Кабардино-Балкарии неизвестными людьми в камуфляже и в масках были похищены 11 человек и вывезены за пределы республики. Че-

рез некоторое время в 70 километрах от этого места, на федеральной автодороге «Кавказ» у селения Чегем-2 неизвестные напали на пятерых человек. Спустя три дня, после пыток и избиений, захваченных выбрасывали из машины – одних в Северной Осетии, других в Ставропольском крае. По их словам, у них требовали деньги, спрашивали о связях с ваххабитами. Как установлено, только двое из похищенных проходят по учетам как имеющие отношение к радикальному исламу. Все остальные – законопослушные граждане. Потерпевшие утверждают, что их везли на автомашинах с милицейскими номерами – белые цифры на голубом фоне. Автомобили не раз останавливали на постах, но наличие спецталона открывало им все дороги. По словам ряда сотрудников правоохранительных органов республики, пожелавших остаться неназванными, такие преступления редко удается раскрыть.

Даже самому слепому и глухому сотруднику прокуратуры, хорошо известно, что вышеупомянутые «Газели» «прописаны» по адресу: город Пятигорск, ул. Партизанская, дом 1. Также прекрасно известно, какое подразделение ФСБ там располагается. Однако в разговорах с пострадавшими прокуроры признают, что раскрыть эти преступления им не удастся. И понятно, почему. Не для того чекистам раздают нагрудные знаки, чтобы им же потом вопросы задавать. И какие, собственно говоря, вопросы? Как известно, спрос рождает предложение. А необходимость в подобных беззакониях у тогдашних властей Кабардино-Балкарии была. В то же самое время хотелось сохранить хорошую мину на официальном лице. Открываем самую официальную в Кабардино-Балкарской Республике газету от 20 апреля 2004 года. Дружно и слаженно трудились на субботнике председатель парламента Кабардино-Балкарской Республики, сотрудники аппарата президента и управления делами президента и правительства. Публикация, снабженная красноречивыми фотографиями, называлась «Народ сорит – власть убирает»... Оставляем без комментариев этот чудесный сам по себе заголовок. Насколько он соответствует действительности, объясняют слова министра печати и информации Л. Мороз о том, что «государственные периодические издания иногда запаздывают в освещении различных событий, на их страницах по-прежнему недостает проблемных аналитических статей». Эти слова министра взяты из соседней публикации «Чтобы слово отозвалось добрыми делами...» Верх лицемерия и лжи брежневской эпохи.

Следующий опус – «Промышленность нуждается в инвестициях и новациях». В целях экономии бумаги можно было вполне ограничиться заголовком и не утомлять Кабардино-Балкарию лишним словоблудием. И все-таки цитата: «Намеченный рост, сказал на коллегии <...>, должен базироваться на положительной динамике качественных показателей эффективности производства: повышении производительности труда, снижении энергоемкости, материалоемкости и трудоемкости, улучшении качества, что в конечном итоге позволит обеспечить выпуск конкурентоспособной продукции». Далее в том же духе. Как будто и нет никаких зачисток, незаконных обысков, арестов, которыми занимались все задействованные в «антимусульманской» кампании структуры. Вся республика знала, что попавшие в райотделы собственной республиканской милиции подвергаются зверским истязаниям. ДУМовские списки ваххабитов множились в милиции только по причине фашистских методов допросов. Ни одного публичного суда в Кабардино-Балкарской Республике не произошло до сих пор. Всё это продолжается по сей день.

Вернемся к событиям 2004 года. Попытки объяснить, кто и в чем виноват, исходили не от официальных властей. Всякий раз власть в лице МВД прямо давала понять: никакого конструктивного диалога не будет. После бесланских событий давление на приверженцев радикального ислама возросло. Для усиления такого давления сложилась более чем удачная ситуация. Стало ясно, что карт-бланш сверху дан и будет использован «на всю катушку».

Решением президента Кабардино-Балкарской Республики в республике созданы четыре группы, в которые вошли депутаты парламента, руководители исполнительных органов власти, МВД, Конституционного и Верховного судов, Совета безопасности. В районах и городах Кабардино-Балкарской Республики названные группы встречаются со старейшинами родов и родителями молодых людей, оказавшихся в поле зрения МВД, ФСБ и других правоохранительных структур как приверженцы радикального ислама. Надо заметить, делать участниками политического процесса представителей Верховного и Конституционного судов закон запрещает. Однако они участвовали и, надо сказать, не пассивно.

На одной из встреч в администрации Нальчика присутствовали 25 человек. Представители власти говорили об опасности ваххабизма. Приглашенные настаивали на том, что их дети не имеют никакого отношения к религиозному экстремизму.

«Никто вас судить и наказывать не собирается, – сказал глава администрации Нальчика Хазратали Бердов. – Но если молодой человек сбился с пути, то надо его вернуть, иначе будет трагедия. После Беслана и после выступления Путина на расширенном заседании правительства мы живем совсем в другом государстве. Никто с нами теперь цацкаться не будет». Мэр также отметил, что таких встреч, на которых станут кого-то убеждать, больше не будет. Повезло Нальчику с мэром: честный человек. Еще бы думал, что говорит, цены бы ему не было. Пообещав репрессии без суда, он сам признался, что встречаться и убеждать ему неинтересно. Руслан Нахушев, возглавляющий незарегистрированный Управлением Минюста институт исламских исследований, обнаружив свою фамилию в списке, заявил, что он не ходит в мечеть и является членом «Единой России». Бывший имам-хатыб вольноаульской мечети Артур Мукожев был вынужден еще раз напомнить, что его виновность в чем-либо ни разу не была доказана, и указал на неконституционные, по его мнению, действия правоохранительных органов: «Закрывая мечети, вы радикализуете общество».

4 октября 2004 года в Нальчике в результате похищения и жестоких пыток скончался житель поселка Хасанья Расул Цакоев. 27 сентября он был задержан и доставлен в отделение милиции, а вечером 29 сентября, сильно избитый, смог добраться до бензоколонки в районе Хасаньи. Пока Расул Цакоев находился в сознании, он успел рассказать о том, что его задержали люди в масках и камуфляже, привезли в УБОП и допрашивали всю ночь. Допросы сопровождались жестокими побоями. 4 октября Расул Цакоев умер в реанимационном отделении больницы. Судебно-медицинская экспертиза подтвердила, что накануне смерти Цакоева подвергали пыткам. В медицинском заключении о причинах его смерти приводится список травм, несовместимых с жизнью: множественные ушибы внутренних органов с размождением тканей, множественные переломы костей, черепно-мозговая травма.

Председатель Московской Хельсинкской группы, известная правозащитница Людмила Алексеева позвонила в прокуратуру Кабардино-Балкарской Республики. Ей сказали, что следователь, ведущий это дело, сейчас находится в командировке, но заявили, что Цакоева пытали якобы его сподвижники, вроде бы за то, что он отказался что-то перевезти – или взрывчатку, или машину с оружием. Также сказали, что один из арестованных за перестрелку с милицией якобы признался в том, что пытал Цакоева.

Эта наглость была уже запредельной.

События, начавшиеся 14 декабря 2004 года и продолжающиеся по сегодняшний день, комментировать считаю преждевременным. Хочу, но не буду этого делать, потому что рассуждать, кто прав, а кто виноват в совершении конкретных преступлений, до суда считаю недопустимым. Хотя бы для того, чтобы не уподобляться милицейским любителям брифингов и пресс-конференций. Даже если предположить, что вина кого-то из конкретных людей, чьи имена были на слуху, подтвердится, уже сейчас ясно, что провокативная роль органов исполнительной власти имеет место быть. И выступать в роли потерпевшей стороны многие из их руководителей не имеют никакого морального права. Вот как видится ситуация известной журналистке Юлии Латыниной: «Понимаете, я знаю, как легко из мусульманина сделать экстремиста. Для этого надо закрыть его мечеть, для этого надо выбрить у него на голове крест, сжечь его бороду, избить его беременную жену, после этого он превращается в экстремиста, а после этого его с криком «ура!» ликвидируют, и формально эта ликвидация была замечательной».

То, что известно журналистам, не может быть тайной для спецслужб. А раз так, то спецслужбы прекрасно знали, что на протяжении длительного периода времени контакты местных религиозных общин (джаммаатов) с чеченскими вооруженными формированиями были весьма сдержанными и ограниченными. Если не брать в расчет тех, кто побывал в Чечне с исключительно военной миссией (а таких, даже по данным милиции, было ничтожное число), существовали еще и те, кто оказывал террористическим формированиям и устремлениям конкретное содействие. Таковых, как можно проследить, также было немного, прежде всего по причине тех же самых религиозных разногласий. Воевать

в Чечню, как и помогать боевикам за ее пределами, вызывались лишь самые беспринципные. Возможно, что на октябрьские события (нападения мусульман Кабардино-Балкарии на силовые структуры республики 13 октября 2005 года) было оказано внешнее влияние и кто-то использовал этих молодых людей, но условия создавались исключительно внутри республики. Многолетняя агитация из Ичкерии совпала с многолетним же прессингом со стороны официальных властей Кабардино-Балкарской Республики. Для людей из силовых и гражданских органов власти это был единственно понятный язык общения со своей молодежью, совпадавший к тому же с личными экономическими и политическими интересами. Как мы видели, на этом пути они не остановились ни перед чем. Орудием коррумпированной элиты стали ложь и беззаконие. Вплоть до внесудебных расправ и убийств.

Название джамаата «Ярмук» стоит под глубоким сомнением. Думается, этот басаевско-ФСБшное название придумано для того, чтобы лучше понимать друг друга и якобы друг с другом бороться. Долго и небесплатно. В Кабардино-Балкарии имелась проблема взаимоотношений с серьезным религиозным сообществом, взгляды и мнение которого по поводу происходящего в республике мало расходились с мнением большинства здравомыслящих и порядочных людей. Разговаривать с ними и пытаться разрешить наболевшие вопросы была способна только здоровая, легитимная власть с незараженным коррупцией сознанием и безупречной репутацией. Только при этих условиях усилия силовиков в Кабардино-Балкарской Республике дали бы хоть какой-то оперативный результат. Подчеркиваю – оперативный. То есть: умные подготовленные агенты выясняют хотя бы минимум необходимой информации и докладывают ее умному подготовленному начальству. Те, в свою очередь, снабжают ею умную и некоррумпированную власть, которая вырабатывает квалифицированное и неконфронтационные меры и, пользуясь доверием большинства народа, регулирует обстановку на основе справедливости и закона.

Теперь попробуйте в этой цепочке найти хотя бы один из имеющихся элементов? Бесполезно.

На самом деле: ни одного теракта, убийства или другого деяния, организацию которого можно было бы приписать организованной экстре-

мисткой группировке в Кабардино-Балкарии не было совершено до тех пор, пока они действительно не ответили своим гонителям той же монетой. Всё время, которое мы восстановили в памяти, по отношению к этим людям применялось ровно то, что принято называть беззаконием. А ведь они искали всего лишь справедливости.

Вопреки здравому смыслу, в многоконфессиональной республике в такой тонкой сфере общественной жизни, как религия, структурами, которые занимались религиозной политикой, оказались МВД и ФСБ, и результаты оказались смертоносными.

Впрочем, самодовольство и самомнение чиновников Кабардино-Балкарской Республики осталось еще с прошлых времен. В условиях «политического заповедника» эти качества только усилились и закрепились. Самое главное, что позволяло им долгое время чувствовать себя хозяевами всех сфер жизни в республике – безнаказанность. Именно она продолжает двигать теми, кто незаконно и попросту подло похитил Руслана Нахушева. Безнаказанность двигает сегодня теми, кто в составе комиссий и прочих «формирований» разъезжает по городам и селам Кабардино-Балкарии, организуя сходы и «пропуская» через них решения о выселении членов семей «обидчиков» силовых структур. Они делают это для того, чтобы оттянуть момент, когда взор народа будет обращен к ним самим. А этот момент наступит. И это будет справедливо. www.memo.ru **29.12.2005**

Возрождение

После разгрома кабардино-балкарского подполья 13 октября 2005 года силовики заявили о том, что им удалось справиться с экстремизмом в республике. Однако с середины лета 2008 года ситуация начала резко ухудшаться.

Даже 9 и 12 сентября, несмотря на беспрецедентные меры безопасности, предпринятые во время празднования 450-летия «добровольного» вхождения Кабарды в состав России, в республике произошло два взрыва.

Диверсии, имевшие место в Кабардино-Балкарии в последние месяцы 2008 года, были сравнимы по масштабности и результатам с теми, что происходили в аналогичный период в Ингушетии и Дагестане. В республике стали всерьез опасаться повторения событий 13 октября 2005 года.

По мнению ряда журналистов, работающих на Северном Кавказе, за несколько лет, последовавших за 13 октября 2005 года, кабардино-балкарское подполье пережило процесс перерождения.

Чеченским сепаратистам, провозгласившим создание Имарата Кавказ, удалось переориентировать экономику джихада на внутренние ресурсы. Вооруженные группы, джамааты, как их называют сами боевики, обложили данью (закятом) местных бизнесменов. Именно в этой экономике многие специалисты видят сегодня нескончаемые ресурсы северокавказского подполья.

По мнению эксперта по исламу, кандидата исторических наук, научного сотрудника Института антропологии Российской академии наук Ахмеда Ярлыкапова, речь идет о так называемом исламском налоге: «Дело в том, что всё это собирается под видом сбора закята. Закят – это одна из пяти обязанностей мусульман, благотворительный налог, который может идти не только на благотворительность, но и на другие цели. Согласно разным исламским текстам, закят может использоваться на пути Аллаха, так сказать. Поэтому боевики самопровозглашенного Эмирата Кавказ собирают закят на свою войну».

По мнению Ахмеда Ярлыкапова, шариатская фискальная система не ограничивается только территорией Северного Кавказа: «Закят собирается с бизнесменов практически по всей стране. Есть доказанные данные о том, что в Тюмени, например, бизнесмены родом с Северного Кавказа облагались таким налогом. Вообще там, где крутится довольно много денег – скажем, на российском нефтеносном севере – с людьми ведется очень серьезная «работа»».

Российский политолог, заведующий сектором Института политического и военного анализа Сергей Маркедонов считает, что не стоит переоценивать финансовый аспект террористической деятельности подполья. Подполье на Северном Кавказе питают другие факторы и обстоятельства: «Любой терроризм всегда успешен только тогда, когда есть как минимум безразличие, как минимум фрустрация, как минимум лишение каких-то ориентиров и хотя бы маленькая идейная ресурсная поддержка. Вот вещи, которые требуются. Финансы для этого, конечно, важны, но это не самое главное. Мне кажется, что если определенному террористическому идеалу не противостоит какая-то система идейных взглядов, террористам это дает определенное преимущество».

Ахмед Ярлыкапов убежден, что появление исламского налога на Северном Кавказе свидетельствует в первую очередь о том, что федеральный центр теряет контроль над Кавказом: «Люди, которые создают эту структуру, стараются придать ей вид государства со своей налоговой системой, со своей армией. Сегодня на Северном Кавказе милиция еле-еле оберегает сама себя. Многие в итоге вынуждены поддаваться давлению. То, что эти люди спокойно работают бизнесменами и имеют возможность обложить налогом добропорядочных граждан, – это тест

для государства. Это очень серьезный показатель того, насколько все-таки федеральный центр упускает Северный Кавказ».

Практика сбора шариатского налога на войну имела место и в других регионах бывшего Советского Союза. По словам журналиста радиостанции «Озоди» Мирзо Салимпуре, на определенном этапе гражданской войны в Таджикистане исламисты обратились к этой практике: «Эта практика развилась после 1993 года, когда таджикские исламисты были вынуждены перебраться на ту сторону Амударьи. Особенно в первое время, когда они вели очень тесные финансовые дела в военных условиях. Они были вынуждены привыкать к помощи своих сторонников, в том числе и тех, которые работали в России. Это не был слишком обременительный налог, 50–100 долларов с души. Поэтому многие бизнесмены даже сами хотели быть «под крышей» таких фондов. По сравнению с тем, что с них могли требовать всякие заезжие преступные группы, этот налог на джихад был намного ниже и давал бизнесмену определенную безопасность».

В 2009 году большинство экспертов по Северному Кавказу были едины во мнении о том, что появление исламского налога на войну сможет коренным образом изменить соотношение сил в регионе. А его наличие свидетельствует о слабости российской власти на Кавказе и отсутствии у федерального центра понимания ситуации в регионе.

5. Охота на религиозных деятелей, или стрельба по традиционному исламу

Ислам ТЕКУШЕВ

15 декабря 2010 года исламские радикалы расстреляли в Нальчике председателя Духовного управления мусульман Кабардино-Балкарии Анаса Пшихачева. Ответственность за убийство муфтия взяли на себя представители кабардино-балкарского сектора, так называемого Имарата Кавказ.

Убийство Пшихачева оставило двойственное впечатление. С одной стороны, гибель человека всегда трагедия, с другой – активная деятельность муфтия Кабардино-Балкарской Республики была всегда сопряжена с огромными рисками, а потому его гибель, как бы жестко это ни прозвучало, многими была воспринята как ожидаемое событие.

Убийство Анаса Пшихачева выходит за рамки рядового убийства представителя официального мусульманского духовенства. С его приходом жители республики связывали начало противостояния силовых структур и местных мусульман. После того как в 2002 году Анас Пшихачев возглавил Духовное управление мусульман Кабардино-Балкарии, мусульманская община республики раскололась на два враждующих лагеря – мусульман-традиционалистов, или консерваторов, с одной стороны, и салафитов – с другой.

Конфликт привел к вооруженному бунту мусульман-салафитов, многочисленным жертвам и ситуации, когда республиканские власти уже не в силах вернуть республику к согласию.

Конфликт между ДУМ Кабардино-Балкарской Республики и общиной, которая исповедовала обновленческий ислам (салафизм), начался гораздо раньше того времени, когда Анас Пшихачев дослужился до поста главы ДУМ Кабардино-Балкарской Республики. Однако именно с его приходом противоречия в общине переросли в открытое противостояние. Суть разногласий сводилась к тому, что салафиты призывали отменить многие из разорительных кладбищенско-поминальных обычаев, вывести ислам из «похоронной» сферы и сделать его полноправно функционирующей системой в республике. Салафитскую общину возглавляли жители Кабардино-Балкарии Муса Мукожев и Анзор Астемиров, получившие в 90-е годы теологическое образование в арабских странах по направлению того же ДУМ Кабардино-Балкарской Республики.

В 2002 году «новые мусульмане» обвинили главу ДУМ в связях со спецслужбами России и потребовали его отставки. После этого в 2003 году в республике силовым способом закрыли десятки мечетей, где собиралась салафитская молодежь, оппозиционная Духовному управлению мусульман Кабардино-Балкарии.

В 2003 году Анас Пшихачев в эксклюзивном интервью *Caucasus Times* так прокомментировал вопрос о закрытии молельных домов: «Да, в республике появилось множество радикальных исламских общин, не подчиняющихся Духовному управлению мусульман республики, призывающих верующих мусульман к неподчинению Духовному управлению. Эти структуры создают мечети, похожие на чеченские джамааты. Насколько мне известно, нигде в мире мечети не открыты круглые сутки, только во время намаза, даже в Мекке и Медине. А здесь они работают постоянно. В Коране сказано, что там, где собираются два-три бездельника, обязательно появляется шайтан и подбивает их на недобрые дела».

В 2004 году в конфликт между общинами вмешалось республиканское МВД, которое заняло позицию ДУМ Кабардино-Балкарской Республики. До сих пор в республике нет однозначного мнения о том, кто и кого использовал – то ли Пшихачева использовали силовики, то ли харизматичный духовный лидер натравил силовиков на общину. Однако как бы там ни было, Анас Пшихачев тогда официально обвинил оппозиционных мусульман в исламском радикализме.

По инициативе Анаса Пшихачева были открыты «курсы повышения квалификации» для имамов, посещавшим которые он сам объяснял, как отличить ваххабита (салафита) от обычного мусульманина: «Длинная нечесаная борода, короткие по длине брюки (они не должны касаться щиколоток), при общении они достаточно резкие, порой агрессивные, речь пересыпана арабскими словами, употребляемыми к месту и не к месту, не приемлют инакомыслия, при обсуждении каких-то вопросов совершенно не слышат оппонента».

Именно по этим критериям силовики начали задерживать так называемых «ваххабитов» и подвергать их издевательствам и пыткам. Среди излюбленных методов МВД было выбривание на головах верующих крестов. В 2005 году загнанная в безысходное положение мусульманская община обратилась к руководству России с просьбой предоставить им возможность уехать в любое государство, где «уважаются элементарные права человека и религиозные чувства».

Обращение гласило, что «...у верующих отняли мечети. Они лишены права на коллективную молитву. Когда они собираются в каком-нибудь доме для молитвы, там начинаются обыски и хозяина начинают преследовать. Похищения мусульман людьми в масках с автоматами, пытки и издевательства стали обыденным явлением. Таких юридических понятий, как повестки, адвокаты, УПК, для УБОП МВД Кабардино-Балкарской Республики не существует». Под обращением подписались около 600 человек. Просьба была проигнорирована. После того как были исчерпаны все возможности остановить насилие, радикальное крыло общины во главе Анзором Астемировым влилось в ряды чеченских боевиков и в количестве более 100 человек напало на силовые структуры республики. 13 октября 2005 года в период с 9.00 до 10.00 утра по московскому времени исламисты совершили нападение сразу на несколько объектов в Нальчике, столице Кабардино-Балкарии.

В итоге 87 нападавших были убиты силовиками, погибли 12 мирных жителей и 35 сотрудников милиции, ранено более 100 человек, из них 85 сотрудников правоохранительных органов.

Анзор Астемиров и Муса Мукожев ушли в подполье и объявили Кабардино-Балкарию территорией джихада. В 2007 году, указом пре-

зидента самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерии Доку Умарова, Астемиров был назначен главой так называемого высшего шариатского суда Чеченской Республики Ичкерии, а позднее он стал кадием шариатского суда Имарата Кавказ, признанного Верховным судом России в 2010 году террористической организацией.

Кстати, ДУМ Кабардино-Балкарской Республики после нападения на Нальчик приняло практически все предложения оппозиционных мусульман, признав тем самым их справедливость и соответствие основам исламского вероучения. Однако это не помогло ДУМ Кабардино-Балкарской Республики предотвратить дальнейшую радикализацию мусульман. С 2008 года противостояние в Кабардино-Балкарии усилилось. В ответ на это силовики в 2008 году убили Мусу Мукожева, а в 2010 году при аналогичных обстоятельствах был застрелен Анзор Астемиров.

Однако убийство лидеров кабардино-балкарского подполья не снизило число нападений на силовиков в республике. Напротив, по данным Министерства внутренних дел России, число террористических актов в Кабардино-Балкарии в течение девяти месяцев этого года в три раза выше, чем за аналогичный период прошлого года (117 преступлений в 2010 году против 21 за тот же период прошлого года). С начала года от рук повстанцев погибли десятки милиционеров и представителей власти. В их числе 15 декабря 2010 года оказался и муфтий Духовного управления мусульман Кабардино-Балкарии Анас Пшихачев.

Убийство Пшихачева – это не первый случай на Северном Кавказе, когда от рук экстремистов погибает представитель духовенства. На представителей так называемого традиционного ислама ведется настоящая охота. С 1998 года представителями исламских экстремистских джаматов было совершено более 30 покушений на исламских религиозных деятелей. В большинстве случаев жертвы погибли.

В сентябре 2009 года в Черкесске был убит заместитель председателя Духовного управления мусульман Карачаево-Черкесии и Ставропольского края Исмаил Бостанов. Следствие полагает, что ярый противник ваххабизма Бостанов стал жертвой радикального исламистского подполья.

Убийство произошло в мусульманский праздник Ураза-Байрам. В этот же день, кстати, в Грозном начался демонтаж мечети «Джабраил-хаджи», построенной в честь убитого боевиками в 2003 году командира батальона «Восток» – Героя России Джабраила Ямадаева, отмечает издание.

Надо признать, что духовные лидеры на Северном Кавказе становились жертвами бандитов и ранее, но в последнее время подобные покушения происходят с пугающей регулярностью. Во время первой чеченской кампании в среде боевиков существовали определенные религиозные авторитеты, которые не давали разрешения на убийства священнослужителей. Однако новобранцы, влившиеся в ряды боевиков, сами решают, кого приговаривать к смерти, а кого помиловать. И сегодня уже речь идет не только о религиозном противостоянии – приверженцы радикального ислама против тех, кто придерживается традиционных взглядов на ислам. Речь идет о том, что в горячих республиках Северного Кавказа уже практически не стало неприкосновенных зон. То есть нет никаких ограничений. Если раньше боевики совершали теракты в основном против военных, милиционеров и чиновников, стараясь избегать потерь среди мирного населения, то сегодня всё больше их жертвами становятся бизнесмены, проститутки, игорные дома, религиозные деятели, главы администраций и случайные прохожие.

Всё чаще в «битву» вступают смертники, которые с количеством случайных жертв не считаются. Никто – ни имам, ни муфтий, ни случайный прохожий – не застрахован от покушения. Всё это – явные признаки гражданской войны. Войны, которая, похоже, перешла в новую фазу. Война эта идет даже в Чечне, несмотря на все успехи Кадырова в восстановлении Грозного. Создается впечатление, что терроризм на Северном Кавказе переходит в политическую стадию. Впрочем, гражданская война – это и есть политическая стадия противостояния. Мощные финансовые вливания в республики региона несколько не снизили уровень терроризма. Вопрос о том, что делает государство для того, чтобы Северный Кавказ перестали именовать кипящим котлом, остается открытым.

Пока на федеральном уровне звучит только один призыв – немедленно ликвидировать боевиков. Однако не получается. О ситуации в регионе много, хотя порой и путанно, говорят эксперты. Одни утверждают,

что сепаратизм здесь – это только ответные акции на несоразмерное применение силы правоохрнительными органами. Другие говорят о хорошо организованной террористической сети, с которой не могут справиться силовики. Третьи говорят о религиозной войне, которая вызвана тем, что традиция ислама размывается, а влияние радикального ислама возрастает. Точек зрения много. Но неясно главное – что думают на этот счет федеральные власти. Пока впечатление такое, что на Северный Кавказ просто махнули рукой в надежде, что всё рассосется само. По крайней мере, каких-то четких посылов – что происходит в регионе и как с этим бороться – в последнее время от федерального Центра не исходит.

Между тем события последнего времени показывают, насколько подполье на Северном Кавказе окрепло, несмотря на заявления властей о перекрытии каналов финансирования террористов.

Исламское подполье на Северном Кавказе, вопреки ожиданиям многих аналитиков, крепнет с каждым днем. И крепнет оно благодаря отсутствию возможности добиться справедливости законными способами. Автор отдает себе отчет, в том, что всё, о чем идет речь в этой статье, не ново для экспертного сообщества. Это всего лишь очередная попытка привлечь внимание российских властей на ситуацию, которая с каждым днем приобретает всё более необратимый характер.

Очевидно, что большинство жителей Кавказа осуждают действия тех, кто произвел самосуд над действующими лицами игрового бизнеса. Но также очевидно, что среди людей, чьи родственники пострадали от рук «игорных кредиторов», есть немало таких, которые молчаливым согласием одобрили карательную акцию «зеленных братьев». Немало молчаливых сторонников этой акции будет и среди убежденных мусульман. В исламе азартные игры, называемые по-арабски «аль-майсир», считаются очень большим грехом.

И до тех пор, пока на Северном Кавказе будут процветать коррупция, кумовство и другие хронические болезни российского общества, идеологи пуританского ислама будут находить понимание у молодого населения, лишенного права на достойную жизнь. Подпольная экстремистская сеть обновляется за счет новых членов, создает но-

вые нетрадиционные джамааты в городах и селах, школах и вузах. Эти джамааты имеют налаженную сеть взаимопомощи людскими ресурсами, финансами и оружием.

Представляя собой сеть из самостоятельных ячеек – джамаатов, радикальное исламское подполье является единой структурой, единым организмом. Все эти джамааты объединяет общая цель – джихад. По мнению эксперта по исламу, кандидата исторических наук, научного сотрудника института антропологии Российской академии наук Ахмета Ярлыкапова, сепаратистские джамааты, основу которых сегодня составляют молодежные джамааты, экстерриториальны и расплывлены. Один джамаат может охватывать множество небольших групп, объединенных в одну или несколько сетей. Таков, например, дагестанский джамаат «Шариат». Они созданы по принципу лояльности к идеологии и практике сепаратистского движения. Их структура состоит из фактически автономных групп, состоящих из небольшого числа членов, часто не знакомых лично с членами других ячеек, – говорит Ахмет Ярлыкапов.

Мы являемся свидетелями глубинной перестройки сепаратистского подполья на Северном Кавказе под давлением меняющейся с конца 1990-х годов обстановки. Эта перестройка выражается в рассредоточении сил по максимально возможной обширной территории с созданием сетевых структур, формально автономных, но сохраняющих общение друг с другом для координации действий с использованием различных средств: агентов-связных, электронных средств связи и т.д. Для формирования сети используются определенные агенты влияния – в частности, недовольные местные жители, особенно те, кто испытал на себе воздействие карательной силы правоохрнительных органов. К сожалению, работники республиканских МВД, особенно в Дагестане, Ингушетии и Кабардино-Балкарии, в 1990-х – начале 2000-х годов совершали немало ошибочных карательных действий в отношении широкого круга верующих мусульман, что привело к расширению среди них протестных настроений.

Как рассказал в интервью Caucasus Times сотрудник ФСБ, пожелавший остаться неизвестным, «самое опасное – это то, что сегодняшние джамааты представляют собой самостоятельную и независимую в финансовом плане структуру».

Подпольные джамааты сегодня обладают собственным бюджетом, который пополняется за счет налога, которым джихадисты обложили крупный бизнес на Северном Кавказе. Рэкет работает на финансовую независимость и автономность вооруженных джамаатов. Это, в свою очередь, укрепляет жизнеспособность всей сети. По некоторым данным, доходы северокавказских джамаатов от «налога на подполье», которым они обложили бизнес, составляют сотни тысяч долларов в год. Сумма, которую платят бизнесмены, зависит от сферы деятельности и финансовых возможностей «налогоплательщика». Больше всего платят те, кто занимается запрещенным по шариату бизнесом, – водочники, хозяева заводов по производству спирта, владельцы игорных домов и держатели притонов. Суммы, которые платят водочники, варьируются от 20 до 100 тысяч долларов в год. Эти деньги уходят не только на содержание членов джамаата, покупку оружия и провианта. Львиная доля этих средств идет на помощь братьям-мусульманам, отсидевшим свой срок в исправительных колониях. Гарантируя защиту от тюремного произвола как со стороны администрации тюрьмы, так и со стороны блатных, «исламисты» втягивают в свои ряды всё большее и большее количество молодых преступников, которые, выйдя на свободу, вливаются в «сеть».

О существовании «налога на подполье» знают силовики, но, по словам одного из сотрудников прокуратуры Кабардино-Балкарской республики никто из тех, кто платит такой налог, до сих пор не пожаловался в органы МВД или прокуратуру. И вряд ли они это сделают. Дело в том, что за такого рода жалобой последует неминуемая смерть, бизнесмены этого боятся. Те, кто не хочет платить, просто спасаются бегством. Продадут бизнес и уезжают в другие регионы России или за границу. Но не каждый из них может это сделать. У многих из них остаются на Кавказе родственники, которые могут заплатить дорогой ценой за бегство обязанного заплатить дань.

Основу вероучения ваххабитов составляет требование всестороннего проведения в жизнь принципа «тавхида» (единобожия). Это требование восходит к буквалистскому пониманию данного принципа с весьма жесткими ограничениями. Идеологи ваххабизма отводят одно из ведущих мест «джихаду», понимаемому однозначно как вооруженная борьба за веру. При этом они считают, что все средства хороши. Сегодня

джихад обязательно принимает форму вооруженной борьбы против врагов ислама. Среди исламистов региона также широкое хождение имеет концепция обвинения в неверии и отходе от мира, которая позволяет объявлять джихад также и мусульманам Северного Кавказа, не поддерживающим сепаратистов. Отсюда широкое применение насилия в отношении этнических мусульман, служащих в государственных силовых структурах, и не только.

Национальность человека не имеет для них значения, они знают только одну нацию – исламскую, а этничность занимает подчиненное положение по сравнению с религиозной идентичностью. Таким образом, в их будущем нет места национальным государствам, должно быть единое мусульманское сообщество, основанное на братстве всех мусульман.

6. Альтернативная власть или шариат выше российских законов

Ислам ТЕКУШЕВ

В 2010 году на Северном Кавказе появилась альтернативная власть, обладающая своими фискальными органами, а также судебной и карательной системами. В отдельных районах в Дагестане, Ингушетии и Кабардино-Балкарии экстремистам удалось установить шариатскую власть.

Так, в Кабардино-Балкарии многие хозяева небольших магазинчиков изъяли из своего торгового ассортимента алкоголь. Причина, побудившая их к добровольному исключению прибыльного товара из оборота, – расправы над бизнесменами, торгующими спиртными напитками, учиненные за последнее время местными экстремистами в назидание непослушным.

По словам Артура, предпринимателя из города Нарткала, что в 18 километрах от Нальчика, торговцев сильно напугала расправа, которую религиозные экстремисты совершили три недели назад над торговкой спиртным товаром. Неизвестные закрыли с наружной стороны лоток со спиртными напитками и подожгли его. В полыхающем огне заживо сгорела женщина – продавец. Как рассказали местные жители, в адрес владелицы лотка не раз поступали угрозы от местных фанатиков, но женщина не прислушивалась к ним. По словам местных жителей, в Урванском районе практически все предприниматели, торгующие с лотка алкогольной продукцией, знают о существующей опасности, но не все готовы отказаться от продажи ходового товара, так как именно водочная продукция приносит значительную часть дохода.

На фоне этих криминальных событий парадоксально смешным выглядит закон по ограничению продаж алкогольной продукции внутри республики, принятый парламентом Кабардино-Балкарской Республики. Подпольщики не раз совершали поджоги ларьков в населенных пунктах Кабардино-Балкарии. Так, в Баксанском районе представители так называемого Кабардино-Балкарского подполья, забросали бутылками с зажигательной смесью магазин, торгующий винно-водочной продукцией. Хозяин магазина в это время также находился в торговом помещении, но смог потушить своими силами разгоревшийся не на шутку пожар. В июне 2010 года в Нальчике был сожжен дотла магазин по улице Калинина. Поджоги ларьков коммерсантов, торгующих спиртными напитками, имели место в селениях Кенже Чегемского района и Кызбырун Баксанского района. Подобных случаев было много, но сожжение живого человека отмечается впервые.

По словам представителей правоохранительных органов, зачастую за поджогами ларьков, торгующих спиртными напитками, стоят «мирные джихадисты». Это так называемая тыловая группа, которая живет среди мирного населения, занимается вербовкой новых членов в подполье, распространяет экстремистскую литературу, помогает тем, кто уже в розыске, передвигаться незамеченными по населенным пунктам. Одним словом, «джихадисты в законе». Это молодые люди, не принимающие непосредственного участия в терактах и диверсиях, но обеспечивающие тыл подполью: снимают квартиры, покупают транспортные средства, продукты питания. На них опирается воюющее широким фронтом подполье. В нередких случаях эти молодые люди работают, ведут вполне светский образ жизни.

Именно поэтому силовым структурам трудно выявить этих людей. За годы преследований подполье научилось конспирировать и вживляться в различные светские организации и госучреждения. Население республики возмущает бездействие местных властей и силовиков, но слабость правоохранительных органов обоснованно кроется в ментальной незрелости самого общества. «Экстремисты буквально ввели в отдельных районах республики законы шариата и совершают самосуд в отношении людей, которые их не соблюдают», – возмущается Алим, хозяин небольшого магазинчика, стоящего на обочине государственной трассы по пути следования из Чегема в Баксан.

«Это продолжается уже несколько лет, где власти? Почему нас никто не может защитить?» – недоумевает Алим. – Люди вынуждены защищаться сами, кто как может, но что ты сделаешь против организованной группы? Если взялись за твой бизнес, принимай условия или сворачивайся, или бери в руки оружие и защищай себя сам. Сегодня многие именно так и поступают», – говорит он удрученно.

Вместе с тем, по словам Алима, многие предприниматели предпочитают платить экстремистам, нежели обращаться к силовикам, так как зачастую работают не в рамках существующего закона, и их обращение за помощью в правоохранительные органы может закончиться возбуждением уголовного дела.

«Большинство торговцев торгуют самопальной водкой и другими неучтенными товарами, поэтому никому не выгодно обращаться за помощью к силовикам. Да и помочь они в принципе не могут. Идти и жаловаться в милицию бесполезно, – говорит Алим. – Никто не приставит к тебе охрану, никто не защитит, а скорее всего, к тебе ворвутся ночью и расправятся с тобой».

Дань, которую местные экстремисты называют закятот (дань на джихад), сегодня в Кабардино-Балкарии платит значительное число предпринимателей из самых разных районов республики. Это Баксанский, Чегемский, Эльбрусский и Урванский районы.

Суммы определяют сами экстремисты из расчета возможного дохода предпринимателя. Обычно они хорошо осведомлены о том, чем занимается тот или иной предприниматель. За отказ платить предпринимателей похищают и подвергают пыткам, а потом, сделав последнее предупреждение, отпускают. За второй отказ – расплата, бизнесмена убивают.

1 октября 2010 года неизвестные в камуфляжной форме похитили и убили руководителя филиала Сбербанка России в городе Тырныауз Ахмата Доттуева. По мнению силовиков, с бизнесменом расправилось подполье Эльбрусского района. Силовики предполагают, что с Доттуева требовали деньги. Неизвестным остается факт: обращался ли Доттуев за помощью к силовикам или нет. Однако очевидно, что подполье

в Кабардино-Балкарии чувствует себя достаточно вольно. Подпольщики демонстрируют обществу свое превосходство над властью, «устрашая его», и нужно признать, что им это удается, в той или иной степени «ужаса».

Силовикам не так давно удалось справиться с экстремистской группировкой в Прохладненском районе, преимущественно заселенном выходцами из казачьих общин. Такой прорыв стал возможным благодаря тому, что у экстремистов была слабая поддержка среди здешнего населения.

7. Кремлевский апартеид на Северном Кавказе

Ислам ТЕКУШЕВ

9 января 2010 года российскими средствами массовой информации было торжественно объявлено об образовании нового Федерального округа на карте Юга России. Президент России Дмитрий Медведев подписал указ о создании нового федерального округа – Северо-Кавказского. Возглавил его губернатор Красноярского края Александр Хлопонин.

В новое административное образование вошли все мусульманские республики Кавказа, кроме Адыгеи, которую де-факто отдали Краснодарскому краю. Дело осталось лишь за юридическим оформлением. Пяти-миллионному региону растворить в себе 100 тысяч адыгейцев не будет стоить труда. Казацким станицам на Ставрополье вернули право выполнять роль живого щита.

Слухи о том, что мусульманский Кавказ будет отрезан от остальной части России, муссировались давно. Из уст политиков разного уровня звучали различные варианты, перекраивания кавказской карты. Суть всех этих домыслов сводилось к одному: Кавказ будут отрезать. И вот, наконец, Кавказ отгородили невидимой колючей проволокой от любимого российской элитой города Сочи.

Если верить комментариям российских политологов, столь «неожиданное» и одновременно свойственное «владыке» решение призвано решить в одночасье множество проблем, над решением которых Москва бьется на Кавказе последние несколько лет. Это – терроризм, нищета,

коррупция и множество других социальных отклонений, «свойственных диким племенам Кавказа».

Остановимся на кандидатуре назначенца Александра Хлопонина, которому доверено решать проблемы нового Федерального округа. Не будем вдаваться в подробности скандалов, связанных с его не совсем чистыми предвыборными методами и склонностью объясняться матом, обратим внимание на одну простую истину: Кавказ и Сибирь – это два разных полюса. И абсолютно очевидно, что для того, чтобы вникнуть в суть проблем смятенного и нищего Северного Кавказа, Александру Хлопонину понадобится не один год. Так, в Ингушетии в течение прошлого года в результате нападений погибли более 80 милиционеров, свыше 230 получили ранения. Кроме этой беспокойной республики есть еще Дагестан, Чечня, Кабардино-Балкария. На Кавказе идет война, и в этой ситуации необходимо действовать быстро, со знанием предмета. Одним словом, образование нового региона и назначение нового главы не решит проблемы Северного Кавказа. Уверен, что в Москве это прекрасно понимали, когда принимали данное решение. Судя по всему, целью авторов проекта было нечто иное, нежели решение социально-экономических проблем.

Невольно сознание проводит параллель с событиями в Южной Африке в 1948 году, когда в Южно-Африканской Республике к власти пришла Национальная партия, которая начала внедрение политики расизма. Апартеид в ЮАР предписывал народам банту проживать в специальных резервациях (бантустанах) на небольшой (около 12% площади ЮАР) территории. Выезд из резервации и появление в крупных городах мог производиться лишь по специальному разрешению или ввиду наличия рабочего места (местное население было занято на непрестижных и низкооплачиваемых работах преимущественно в сфере обслуживания). В ходе апартеида чернокожие были лишены почти всех гражданских прав. Утверждалось, что услуги наподобие образования и здравоохранения были «раздельными, но равными», однако качество тех услуг, что предоставлялись темнокожим, было обычно намного ниже.

Слово «апартеид» имеет французское происхождение и означает «рознь, раздельность».

Автор этой статьи ни в коем случае не навязывает данную параллель, лишь предлагая сравнительный анализ. Конечно, мы живем в другие времена, но факты говорят сами за себя. Судите сами.

Ни для кого не секрет, что между Ставропольским краем и остальной – восточной частью Северного Кавказа, на границе с Кабардино-Балкарией, существует военизированный блок-пост МВД, оснащенный дзотом, бронемашинкой и автоматчиками. Объект больше похож на пограничный пункт между враждующими странами. Нигде на территории России вы не встретите такой объект, разделяющий границы регионов. Разве это не разделение?

Житель Северного Кавказа по прибытии в любой регион России обязан в течение нескольких дней или недель, (сроки в каждом отдельно взятом российском субъекте разные) пройти регистрацию в отделе МВД или прописаться, чтобы легально жить в этом регионе. Разве это не разделение?

В Москве и Петербурге уроженцу Северного Кавказа с высшим образованием, для того чтобы найти себе достойную работу, не входящую в сферу обслуживания, приходится менять прописку, чтобы, не дай Бог, работодатель не учуял северокавказское происхождение соискателя. Разве это не разделение?

Примеров множество, и перечислять их можно довольно долго.

Видимые границы, будь то административные, будь то социальные, между мусульманским Кавказом и остальной частью России имеют историю. Лишь сегодня контуры этих границ стали более явными.

С деколонизацией африканских колоний и борьбой Нельсона Манделы и его сторонников французский апартеид ушел в прошлое. Франция ушла из Южной Африки, пролив много крови.

В России, благодаря известным «инновациям», противостояние между Кавказом и русским миром усиливается, и это неминуемо приведет к столкновению.

Отгородившись от Северного Кавказа «казачьим буфером» из жителей Ставропольского края, Москва лишь повышает шансы исламских радикалов в войне за свободу Кавказа.

Одним словом, российский Кавказ стараниями Москвы скатывается в пропасть, и еще неизвестно, кому от этого будет хуже....

9. Кабардино-Балкария: этот смутный объект джихада

Мурат ТЕМИРОВ

2010 год на Северном Кавказе был отмечен двумя разнонаправленными тенденциями: явным улучшением положения в Ингушетии, которое порой вполне могло именоваться испанским термином «герилья», то есть «маленькая война», и резким ростом количества нападений в соседней Кабардино-Балкарии, кульминацией которых стали резонансные убийства двух известных общественных деятелей.

Но если про Юнус-бека Евкурова можно сказать, что он смог переломить ситуацию, то с учетом произошедшего в прошлом году переназначения главой республики Канокова активизация нападений является его очередным испытанием на прочность (первым был мятеж в Нальчике через две недели после назначения президента Кабардино-Балкарской Республики в октябре 2005 года), которое, увы, Арсен Баширович пока не выдерживает. Опыт аппаратных интриг, так способствовавший его предшественнику Кокову в достижении межкланового и межэтнического баланса, у Канокова практически отсутствует, а методы бизнес-управления, позиционировавшиеся как основное преимущество нового президента Кабардино-Балкарской Республики в течение всего первого срока, оказались неэффективными в специфических условиях чрезвычайно мозаичной, социально и этнически неоднородной северокавказской республики.

Что касается ситуации в сфере безопасности, то у матерого номенклатурщика Кокова был «цербер» Шогенов, зачистивший республику, не гнушаясь порой и криминальных методов; при прочих недостатках,

Хачим Алисагович (Шогенов) свое дело знал крепко и контроля над ситуацией никогда не терял. Заключительным аккордом деятельности министра стал разгром подполья после неудавшейся попытки восстания (по некоторым данным, спровоцированной) в Нальчике в октябре 2005 года, но, несмотря на такой очевидный успех, ему не удалось удержаться на должности: Каноков добился отставки печально известного своими методами главы МВД и назначения на это место своего старого знакомого, Юрия Томчака.

Поначалу казалась, что ситуация в республике стабилизируется. Но, поняв бесперспективность религиозной фронды в отчетливо секулярном обществе, каким является в подавляющем большинстве население Кабардино-Балкарской Республики, подполье сделало ставку на гражданскую рознь, соединив джихадистские лозунги с социально мотивированными актами, направленными против представителей власти. Вроде эта тактика дала-таки плоды: во всяком случае, такое «робингудство», если и не добавило мятежникам сторонников, то более-менее безразлично воспринималось в республике, измученной произволом. Однако последовавшие друг за другом убийства муфтия Пшихачева и этнографа Ципинова, а также четверых несчастных гадалок («колдуний»), по классификации идеологов «вилаята Кабарды, Балкарии и Карачая», КБК) вызвали резкую реакцию неприятия, попутно разбудив обычно инертное национальное самосознание кабардинцев, так как оба первых были известными национальными фигурами, а Ципинов к тому же – протагонистом этноцентрической идеологии как фактора мобилизации адыгской идентичности. И тут стало выясняться, что критическое большинство убитых за последние год-полтора боевиками «вилаята» – этнические кабардинцы.

Далее вдумчивый наблюдатель (особенно если он – кабардинец по национальности) сразу отметит, что в названии «вилаята» гораздо более значимая в его глазах (как по народонаселению, так и политически) «Кабарда» сопоставляется с «Балкарией» и «Карачаем» и при этом оставлена в меньшинстве, а Черкесия вовсе игнорируется (видимо, за ненадобностью). Очевидно, такова конфигурация будущего Кавказа в замыслах конструкторов этих «вилаятов», и вряд ли это может понравиться упомянутому «наблюдателю».

Кроме того, много косвенных признаков указывает, что, свернув некогда чрезвычайно бурную деятельность в Карачаево-Черкесии, местные боевики переместили ее в соседнюю Кабардино-Балкарскую Республику, сохранив, однако, базы в родных горных районах – тем более что дома можно рассчитывать на скрытую поддержку властей, которые только рады снижению террористической активности у себя. Здесь происходит полная корреляция интересов подполья и правоохранительных структур, так как каждая из сторон может рапортовать начальству об успехах и при этом не сильно досаждают друг другу, что в условиях неизжитого родоплеменного уклада – существенный фактор; и такое вмешательство извне «во внутренние дела» на Кавказе воспринимается очень болезненно.

Таким образом, попытки «разбудить», по известному выражению Дудаева, «спящую красавицу Кавказа» (так генерал отозвался о Кабардино-Балкарии) могут иметь совсем не тот результат, на который рассчитывают «пробудители», то есть вызвать рост национального самосознания вопреки проповедуемому подпольем всемирному джихадистскому интернационалу.

Но и Канокову теперь опереться совсем не на кого (разве что на общественность, к которой, что тоже показательно, он и апеллировал в своем обращении после резонансных убийств). Еще только впервые став президентом и азартно начав политическую карьеру (депутатство ради статуса можно не считать), Каноков первым делом разгромил адыгские организации, попутно рассорившись с балкарскими национальными движениями: видимо, так Арсен Баширович понимал или демонстрировал начальству «равноудаленность» от местных клановых и коррупционных связей, разрушение которых было заявлено среди основных условий его инвеституры. Новоназначенный в ноябре 2010 года, вместо отправленного начальником УВД Омска, министр МВД из Кемерова, похоже, очередной временщик, и по истечении положенного срока, отмеченный знаком «за службу на Кавказе», получит повышение или перевод в более спокойный регион, как и его предшественник. И это – вполне типичный подход к решению кавказских проблем для Москвы, где Кавказ со «времен Очакова и покоренья Крыма» рассматривается номенклатурой только как трамплин для карьеры, ну и еще, с точки зрения номенклатурной этнографии, как «гнездо разбойничьих племен».

Но пока так называемый «федеральный центр» никак не реагирует на зримое усугубление ситуации в Кабардино-Балкарии, тут происходит конструирование завтрашнего Кавказа. То есть Кавказа без России.

10. Опасная игра терминов и ее последствия

Тарас ЧЕРНИЕНКО

Прежде чем приступить к написанию этого очерка, я долго задумывался над подходящим эпиграфом, который мог бы в полной мере отражать фабулу последующего изложения, и не нашел слов лучше, нежели обращение архиепископа Ташкентского и Среднеазиатского Владимира: «Любая клевета, в том числе и на ислам, является смертоносным грехом, могущим привести к тяжким и даже кровавым последствиям» – <http://www.islaam.ru/answers/friends/1.html>.

И в самом деле, пытаясь «разложить по полочкам» на надлежащие места такие понятия, как ваххабизм, мусульманский экстремизм, терроризм и фундаментализм, невольно приходишь к выводу о том, что начинать эту работу необходимо не с обращения к энциклопедическому словарю за расшифровкой перечисленных терминов, а с определения принципиального подхода к проблеме, в первую очередь – с точки зрения гражданской позиции россиянина. Во имя чего понимание проблемы и четко определенная терминологическая база необходимы нам – и, соответственно, чего пытаются добиться пропагандисты, огульно кричащие об «исламистско-ваххабитско-фундаменталистской» угрозе, не утруждая себя размышлениями о полярной противоположности сводимых ими воедино понятий?

Для начала необходимо признать тот неоспоримый факт, что угроза со стороны определенных представителей исламского мира существует. Так же, как существует она со стороны католиков-националистов Ирландской республиканской армии, националистов индусов-тамиллов –

сторонников «Свободного Тамил-Илама» и прочих. Однако искреннее желание исцелить болезнь должно быть сопряжено со стремлением разобратся в причинах, с пониманием того, что составление лекарства – это не огульная плакатная пропаганда, а наука не менее точная, чем, скажем, квантовая механика. Таким образом, сам собой напрашивается нелицеприятный вывод о том, что российские средства массовой информации сегодня не заинтересованы в том, чтобы реально бороться с экстремистскими настроениями. Они лишь поддерживают в народе имидж государства, денно и ночью пекущегося о его интересах, при условии сохранения очагов напряженности, на которые в случае чего было бы удобно списать политические и экономические просчеты. Неужели это – в интересах России и ее граждан? Вновь сославшись на слова владыки Владимира, процитируем: «В общественное сознание... России внедряется представление о мусульманском мире как о рассаднике терроризма, фанатизма, национального экстремизма, наркоторговли».

В свете вышесказанного становится вполне понятным, почему наши отечественные средства массовой информации оказываются не в состоянии объяснить, каким образом в рядах боевиков в Чечне оказались плечом к плечу ваххабиты и «традиционные» суфии, в то время как «мирный» суфизм постоянно противопоставляется «радикальному» исламу, именуемому ими ваххабизмом, независимо от того, идет ли речь о саудовских ваххабитах, кавказских салафитах, талибах-накшбандийцах, «хизб-ут-тахрир» или даже (!) иранских шиитах. Не будем никого осуждать за недостаточную компетентность и попытаемся разобратся самостоятельно.

Попробуем классифицировать понятия с точки зрения их этимологии – на мой взгляд, максимально объективной. Все многообразие современных мусульманских течений можно легко классифицировать по трем следующим категориям: мазхаб (догматико-правовая школа), акыда (вероучение) и, собственно, современная политическая программа. Им можно противопоставить, с другой стороны, те категории, которыми оперируют отечественные (и некоторые западные) средства массовой информации: ваххабизм (модернизация вероучения Ибн Таймии), экстремизм (крайнее выражение любой акыды, непризнание инакомыслия), фундаментализм (движение за возвращение к истокам религии) и терроризм (понятно без комментариев).

Начнем с самого популярного в рассуждениях об «исламской угрозе» термина – ваххабизм. Течение, возникшее на Аравийском полуострове в середине–конце XVIII века. Идеолог – реакционный богослов Мухаммад бин Абдул Ваххаб (отсюда – происхождение названия, которое, впрочем, сами ваххабиты не признают, считая его оскорбительным и предпочитая более гладкие формулировки – типа «люди сунны и общины» или «салафиты» (от араб. Салаф – первые сподвижники Пророка). Движение Мухаммада бин Абдул Ваххаба явилось ответом на распространение в Аравии многочисленных нововведений, не имеющих ничего общего с практикой первоначального ислама, но воспринятых как арабским народом, так и многочисленными суфийскими орденами. Последние господствовали в соседней Турции, представлявшей в роли одной из «сверхдержав» своего времени постоянную угрозу колонизации, которая могла начаться и с духовной экспансии. С точки зрения теологии, многие идеи основателя ваххабизма явились развитием трудов богослова XIV века Ибн Таймии, принадлежавшего к ханбалитской догматико-правовой школе (мазхабу), характерной для родины ислама – Аравии, и отличающейся особым консерватизмом. Тем не менее Ибн Таймия пал жертвой именно ханбалитских богословов, заключивших его в тюрьму за чрезмерно буквалистское (точнее, антропоморфическое) понимание вероучения (акыды) о природе Божества (ташбих). Таким образом, учение Ибн Таймии представляет собою синтез консервативного ханбалитского мазхаба с буквалистским пониманием вероучения (акыды). Такая идея могла найти популярность только в среде малограмотного населения. С перемещением центра халифата в Дамаск, а затем – в Багдад, арабский мир своей эпохи являлся мировым средоточием науки и культуры. Необходимо было время – и оно пришло, когда столица халифата переместилась в Стамбул, а арабский мир оказался культурно и научно отделенным от Турции как естественно (за счет языкового барьера), так и искусственно (за счет крайнего турецкого национализма и дискриминации арабского населения на подвластных Турции территориях). Некогда родина ислама, а ныне – как в доисламские времена – разобщенная по племennomу и клановому признаку Аравия оказалась на отшибе, погрязшей в нищете и неграмотности, в предрассудках, перед лицом постоянной угрозы колонизации турками, которые в глазах арабских правителей ассоциировались с тюркским национализмом и модным в халифате мистическим направлением в исламе – суфизмом.

Назрела необходимость объединения масс, и наиболее эффективно преодолеть клановую разобщенность можно было лишь на волне протестных настроений. Следовательно, противопоставление мистицизму – буквализма сыграло на руку арабскому национализму – естественному геополитическому противнику национализма турецкого. Именно это и поняли старейшины клана Саудов, на «ура» воспринявшие идеи последователя Ибн Таймии – Мухаммада бин Абдул Ваххаба. Под знаменем ваххабизма и лозунгом «борьбы за очищение ислама» Саудам удалось объединить аравийские земли сначала в образование, именуемое «Неджд и Присоединенные территории», а затем – в Королевство Саудовская Аравия. Саудовских правителей при этом не смущал тот факт, что новое Королевство будет построено на основе монархической модели, против которой не возражал и сам Мухаммад бин Абдул Ваххаб, в то время как первые преемники Пророка (халифы) были избираемы относительно демократическим путем из числа первых (салаф) сподвижников основателя Ислама (сахаба). Распространение ваххабизма первоначально и в самом деле носило захватнический характер: сначала – в форме «карательных экспедиций» против аравийских соплеменников, затем – в форме грабительских походов вовне (например, налеты на священные для шиитов города – Неджеф и Кербелу). Однако, вовремя поняв губительность такой тактики для собственной популярности среди остального мусульманского мира, ваххабиты спохватились и остановились на границах Аравии, разумно полагая, что уже продемонстрировали потенциальному агрессору – Турции – наличие достаточной силы для организованного отпора. На сегодняшний день в Саудовской Аравии, где распространен преимущественно ханбалитский ислам, ваххабизм является государственной идеологией.

Какой вывод из всего этого запутанного переплетения исторических событий можно сделать? Современный ваххабизм является, во-первых, консервативной, а во-вторых, примитивно-буквалистской идеологией, рассчитанной на малограмотные слои населения и привлекательной для последних простотой и доступностью вероучения. Современный классический ваххабизм не является ни стопроцентным исламским фундаментализмом, поскольку, не возражая против монархического строя, пренебрегает общественным и политическим устройством жизненного уклада первых мусульман (несмотря на лозунг о возврате к истокам религии), ни интернациональным учением, поскольку тесно связан как

с идеей арабского национализма, так и с саудовской государственно-стью. Собственно, можно было бы сказать, что современный классический ваххабизм является скорее религиозно-националистической политической партией, нежели мусульманским течением. Ему следуют на сегодняшний день не более 1% мусульман, поэтому он, конечно же, не является лицом современного мусульманского мира. Что касается угрозы экстремизма в международном масштабе, то, бесспорно, ваххабизм является прекрасной закваской для последнего, однако сам по себе в его саудовской интерпретации (по вышеописанным историческим причинам) опасен не более, чем хлопок до его химической обработки для превращения в динамит. Теоретически, классический саудовский ваххабизм вполне жизнеспособен и без внешней экспансии, поэтому появлению ваххабитских эмиссаров, стремящихся к духовной власти, за рубежом непременно должна предшествовать готовность населения самих зарубежных территорий воспринять эту чуждую для них идеологию. Какие же факторы способствуют тому, что после полтора веков тишины это все же начало происходить, причем в разных уголках планеты?

Фундаменталистский ваххабизм – «экспортный вариант»

Закономерно возникает вопрос о природе таких явлений, как «Аль-Каида» или современный фундаментализм на Северном Кавказе. Насколько они связаны с ваххабизмом, что между ними общего и каковы различия? Ответ представляется предельно простым, если провести аналогию с годами Второй мировой войны. Экспорт ваххабизма из арабского мира на Северный Кавказ является точным аналогом экспорта национал-социализма за пределы рейха на исходе войны. Как известно, изначально националистическая идеология Гитлера для экспорта не предназначалась, однако в последние годы войны, когда всё очевиднее становился перевес союзников по антигитлеровской коалиции, стали возникать различные национальные подразделения в войсках СС, объединенные уже не германским национализмом, а протестными настроениями против угрозы большевизма (дивизии СС «Хандшар», «Галичина» и т.д.). Точно таким же образом ваххабитские эмиссары удачно отодвигают на второй план националистический аспект своей идеологии там, где борьба идет за влияние на умы борющихся за свои

права мусульман. Здесь проповедуются полная демократия и интернационализм, как в годы первоначального ислама, поэтому «экспортный вариант» ваххабизма является одновременно более привлекательным для не-арабов и (парадоксально) более фундаменталистским, по меньшей мере – в аспекте трактовки общественного уклада. Так было в Британской Индии, так происходит и в современной Чечне или Дагестане. Таким образом, не экспансия ваххабизма послужила образованию очагов напряженности на Кавказе, а затянувшаяся борьба мусульманских народов за самоопределение создала благодатную почву для экспорта ваххабизма в эти регионы. Доказательством тому может служить сравнение первой и второй чеченской кампаний.

Во время первой кампании, когда Российское государство было очевидно более слабым и разобщенным и проводило менее расчетливую и дальновидную политику на Кавказе, оно не могло похвастаться многочисленностью сторонников среди местной национальной элиты. Зато со стороны чеченской оппозиции ярко выделялась фигура Ахмада Кадырова – муфтия Чечни, идеолога антироссийского джихада и, по совместительству, высшего духовного лица в самопровозглашенном государстве. Что характерно, муфтий Кадыров исповедовал ислам в его суфийской трактовке (тарикат накшбандийа), характерной и для османской Турции, что не мешало ему, однако, с не меньшим, нежели ваххабитским, экстремизмом призывать вырезать всех русских солдат до последнего. Его фигура – это можно утверждать однозначно – имела все основания для того, чтобы затмить другого «советника президента Ичкерии по идеологии» – ваххабита Мовлади Удугова, поскольку из всех верховных должностных лиц самопровозглашенной Ичкерии только у Кадырова имелось высшее духовное образование.

Однако во время второй чеченской кампании ситуация изменилась кардинально. Новая, более тщательно спланированная политика России, направленная на привлечение сторонников из числа наиболее авторитетных и влиятельных лиц Ичкерии, позволила ей привлечь на свою сторону муфтия Кадырова, своевременно почувствовавшего ветер перемен. Анализ заявлений сегодняшних правителей Чечни показывает: идет мощная информационная кампания по пропаганде «традиционного» (в данном случае – суфийского) направления ислама, приверженцами которого являются молодой президент Рамзан Кадыров

и его сторонники. Ваххабизм в Чечне и соседнем Дагестане объявлен «враждебной идеологией». Оставим разговоры о том, насколько правомочно в светском государстве делать акцент на религиозность (если бы борьба с ваххабизмом велась как с политической партией, это можно было бы понять, однако и в этом случае как понимать насаждение суфизма?). Важно другое: именно этими заявлениями, сделанным параллельно с Духовным управлением мусульман Северного Кавказа (расположенным в соседнем Дагестане), Кадыров создает предпосылки для формирования имиджа ваххабизма как неперменной идеологической окраски борца с правящим режимом – в России вообще и в Чечне в частности. То есть играет на руку тем иностранным ваххабитским эмиссарам, которым для экспорта идеологии, способной расшатать ситуацию на Кавказе, не хватало прямой ассоциации оппозиционного протеста с лозунгами ваххабитской партии в ее экспортном варианте, то есть с урезанным националистическим фактором, использующей другое подзабытое самоназвание – «салафизм». То есть движение за возрождение образа жизни первых сподвижников пророка, которое на Кавказе возможно и в более полном понимании, то есть за демократические выборы местными общинами (джамаатами) мусульманского правителя (эмира) – монархические акценты за пределами Саудовской Аравии не принципиальны. Таким, образом, на Северном Кавказе мы сталкиваемся с новым прецедентом – фундаменталистского ваххабизма, экстремистской идеологии, способной создать угрозу политической напряженности в любом регионе планеты в силу своей большей интернациональности. Таким регионом может быть и Афганистан, и Судан, и Ирак. Не лишним будет вспомнить, что все-таки формально ваххабиты относят себя к мусульманам-суннитам, и там, где радикальный суннизм (в лице накшбандийского талибана или иракских групп сопротивления) оказывается пораженным в правах и свободах, «экспортные» фундаменталистские ваххабиты всегда готовы вступить в борьбу.

Иными словами, фатальная ошибка российской внутренней политики и официальных российских средств массовой информации – в том, что они ведут борьбу со следствием, забывая о причинах. Тем самым – вольно или невольно – выступая главным фактором распространения ваххабизма. Борются с ваххабизмом там, где не созданы нормальные условия для соблюдения прав человека, в частности, свободы вероисповедания, это все равно, что при гриппе бороться с головной болью.

Всё вышесказанное призвано не оправдать ваххабизм, но лишь показать, что окончательное исцеление возможно только тогда, когда будут устранены причины, порождающие порочные следствия. Когда политика государства будет сводиться к борьбе за российскую государственность как оплот демократии и свободы гражданского самовыражения, а не цитадель так и не сформированной окончательно идеологии правящей партии путем подавления оппозиции. Только на этих условиях у движения радикального протеста не будет почвы для распространения, и, как естественное следствие этого, агитаторы ваххабизма и любого прочего радикализма сами собой отойдут за кулисы истории. Только на этих условиях в России будет создана площадка для свободного религиозного диалога, и только тогда понятие «традиционный ислам» приобретет свое подлинное звучание – как религиозная традиция, взращенная опытом многих поколений того или иного мусульманского народа, а не навязанная ему в угоду местным властям ради облегчения процесса манипуляции массами, которая на поверку дает обратную реакцию в виде популяризации экстремистских идей и растущих, как метастазы, горячих точек на политической карте.

11. Капкан для Канокова

Ислам ТЕКУШЕВ

Ситуация с экстремизмом в Кабардино-Балкарии превзошла самые пессимистичные прогнозы. С начала года эту северокавказскую республику сотрясают громкие убийства и теракты. Пожалуй, кульминацией череды последних нападений стала дерзкая атака группы боевиков на объекты силовых структур в Нальчике. Террористам удалось обстрелять здание ФСБ в самом центре города и уйти незамеченными, несмотря на высокую концентрацию милицейских патрулей в городе, а также у выездов из города.

Это не первый случай, когда совершив дерзкую диверсию или убийство, боевикам удалось скрыться с места преступления. Однако самым громким и резонансным стало убийство троих туристов из Москвы 18 февраля в Баксанском районе республики. Именно после этого преступления Москва решила ввести режим контртеррористической операции (КТО) в двух районах Кабардино-Балкарии.

Последний раз на силовые объекты республики боевики напали 13 октября 2005 года. Это произошло после назначения президентом Кабардино-Балкарской Республики Арсена Канокова, бизнесмена из Москвы. Тогда силовикам удалось отразить атаку ценою десятков человеческих жизней – как со стороны боевиков, так и со стороны милиционеров и мирных граждан.

Затем в республике наступило некоторое затишье. Это произошло по двум причинам: во-первых, радикальное крыло кабардино-балкарского

подполья было основательно разгромлено, а во-вторых, президент Кабардино-Балкарии Арсен Каноков заявил, что не позволит насилия в отношении правоверных мусульман. Эти два обстоятельства значительно снизили градус напряжения в республике на некоторое время.

Однако спустя четыре года Кабардино-Балкария снова стала ареной для действий сил, заинтересованных в дестабилизации обстановки в республике. Если в 2005 году в нападении на город были заинтересованы, по меньшей мере, две стороны – руководство Ичкерии (ныне – Имарат Кавказ) и глава МВД Хачим Шогенов, то сегодня в успехе лесных братьев заинтересованы как разные политические силы внутри республики, так и за ее пределами. Это, кстати, в разной степени отметили и глава Кабардино-Балкарии Арсен Каноков, и президент России Дмитрий Медведев. Каноков предположил, что за попыткой резкой дестабилизации обстановки в регионе могут стоять «спецслужбы соседних государств», а Дмитрий Медведев обвинил в подрыве опоры канатной дороги в Приэльбрусье криминальные силы.

Однако абстрагируемся от высказываний двух глав и назовем эти самые силы, о которых по понятным причинам открыто не говорят политики. Все эти силы, одни косвенно, другие напрямую участвуют в джихаде, который ведут вооруженные экстремисты в Кабардино-Балкарии.

Начнем с непосредственных исполнителей преступлений.

После смерти лидера кабардино-балкарского подполья Анзора Астемирова, идеолога Имарата Кавказ, кабардинца по национальности, перенявший бразды правления подпольем Аскер Джапуев, балкарец по национальности, не просто превзошел своего предшественника в жестокости и дерзости преступлений, но и смог добиться неуязвимости для своих бойцов.

Это обстоятельство достигло абсолюта после смены руководства МВД Кабардино-Балкарии, которую инициировал министр МВД России Рашид Нургалиев. Место близкого главе Кабардино-Балкарии Юрия Томчака занял начальник криминальной милиции, первый заместитель начальника ГУВД по Кемеровской области Сергей Васильев. За день до отставки Юрия Томчака, 18 ноября, на совещании в Пятигорске, ми-

нистр внутренних дел России Рашид Нургалиев поставил Кабардино-Балкарию в один ряд с Дагестаном и Ингушетией среди регионов Северного Кавказа с наибольшим уровнем террористической угрозы. То есть Юрия Томчака сняли за плохие показатели ведомства по борьбе с экстремизмом.

Всё было бы логично. Ведь действительно, после смерти Анзора Астемирова боевики достаточно успешно ведут боевые действия в республике, демонстрируя свое превосходство перед силовыми структурами, тем самым показывая несостоятельность региональных властей. Однако на место опытного силовика, знающего республику, назначают милиционера из Кемеровской области.

Что делает новый глава министерства внутренних дел?

Новоназначенный руководитель МВД Кабардино-Балкарской Республики в качестве новой меры борьбы с постоянными покушениями на патрульных милиционеров и участковых приказывает закрыть опорные пункты милиции. Их просто упразднили. Посты ГИБДД после 12 ночи пустели, открывая дорогу для перевозки оружия и боеприпасов. Так продолжалось несколько месяцев. За это время боевики убили муфтия Кабардино-Балкарии Анаса Пшихачева, черкесского общественного деятеля Аслана Ципинова, главу администрации Чегемского района, расстреляли четверых сотрудников милиции в Чегемском районе и совершили десятки нападений на патрули, убив не один десяток человек. Практически во всех случаях, независимо от места и времени преступления, боевикам удалось скрыться.

И дело не в военном гении лесных братьев, а в том, что, во-первых, у кабардино-балкарского подолья появились информаторы в МВД, во-вторых, в горных селениях Эльбрусского и Чегемского районов подполью обеспечивало тылы местное население, недовольное республиканской властью. В-третьих, новоназначенный министр отдал контроль за основными транспортными узлами милиционерам, командированным в Кабардино-Балкарскую Республику из других регионов.

Стоит привести в пример лишь один яркий случай, о котором промолчали российские средства массовой информации. Так, в феврале при-

командированный к МВД Кабардино-Балкарской Республики милиционер расстрелял в центре города двоих местных силовиков, подоспевших на помощь приезжему коллеге, остановившему женщину в платке, управлявшую автомобилем. Приняв сотрудников за боевиков, так как последние были в гражданской одежде, но при оружии, гаишник выпустил всю обойму в молодых людей, убив на месте одного и смертельно ранив второго. Это говорит о полном отсутствии координации действий между разными отделами одного ведомства, не говоря уже о координации действий и обмене информации между ФСБ, МВД и другими структурами.

Однако главный секрет неуязвимости местных джихадистов кроется не только в непрофессиональной работе силовых структур, в особенности МВД республики, а в том, что боевики получают информацию о передвижениях силовиков, спецоперациях и зачистках. Именно поэтому им каждый раз удается уходить с места преступления.

Клановые войны в Кабардино-Балкарии

Предшественник Канокова, Валерий Коков, был опытным аппаратчиком. При нем в республике сформировались кланы, которые владеют целыми отраслями, контролируют миллиардные потоки. Эти кланы делятся по этническому признаку. При Кокове каждый из кланов знал свое место и его цену. Так, при Кокове туристическая отрасль была отдана балкарцам, место председателя парламента и министерства социального развития и финансов также закрепили за собой балкарские фамилии.

Президентское кресло, силовые структуры, а также нефтепродукты разделили между собой близкие Валерию Кокову кабардинские семьи. Хотя и принято считать, что Валерий Коков на смертном одре способствовал передачи власти в Кабардино-Балкарской Республике в руки Арсена Канокова, но после этого в республике произошло сращивание кланов, выступивших против кандидатуры нового президента, с местным криминалом. Сегодня именно эти силы оказывают скрытую поддержку воюющим под зелеными знаменами Имарата Кавказ.

Ни балкарские, ни кабардинские кланы не были заинтересованы в приходе к власти Арсена Канокова, чей бизнес никоим образом не был свя-

зан с республикой, а значит, не вовлечен в непрозрачные синдикаты, которыми владели кланы. На Канокова у местных элит не было компроматов, а значит, рычагов воздействия. Кроме того, опытный бизнесмен, входящий по версии журнала «Финанс» в список российских миллиардеров, угрожал абсолютной власти кланов в различных отраслях республики. Именно поэтому кланы попытались предотвратить назначение Канокова всеми возможными способами, выдвинув нескольких кандидатов от общественных организаций и партий.

Среди них – председатель правительства Кабардино-Балкарской Республики Геннадий Губин, член Совета Федерации Госдумы России Хачим Кармоков, а также Ахмедхан Панежев, руководитель АО «Каб-балкрегионгаз».

Перед этим кланы через свои многочисленные каналы пытались выдвинуть заместителя начальника Управления ФСБ России по Астраханской области Мухарбия Кумышева, Гендиректора ОАО «Кабардино-Балкарская топливная компания» Валерия Карданова, сенатора Хусейна Чеченова, спикера парламента Кабардино-Балкарской Республики Ильяса Бечелова. Кто-то отказался сам, а чью-то кандидатуру в итоге не утвердили кланы. Всем этим фамилиям было что терять, и после назначения главой республики Арсена Канокова кланы попытались поставить нового главу на колени. Так, в сентябре 2005 года Арсен Каноков вступил в должность, а 13 октября того же года местные экстремисты напали на город. Правозащитные организации, такие как «Мемориал», указывали на то, что нападение было спровоцировано и силовики знали о нем заранее. Поэтому им удалось накрыть практически все подполье. Ушли только лидеры – Анзор Астемиров и Муса Мукожев.

Однако вместо того, чтобы отблагодарить главу МВД республики, который руководил отражением атаки, Арсен Каноков добился в Москве его отставки и убедил руководство МВД России назначить на пост главы МВД по Кабардино-Балкарской Республике Юрия Томчака, которого хорошо знал.

Каноков добивался отставки Шогенова по многим причинам. Главная, пожалуй, в том, что Шогенов был человеком кланов и независимой от президента фигурой. От него зависела безопасность самого президента.

С первых же дней Арсен Каноков, как того и опасались кланы, приступил к инвентаризации республиканской собственности. В поле зрения опытного бизнесмена сразу попали горнолыжный курорт Приэльбрусье, а также бензозаправочные станции, принадлежащие ОАО «Кабардино-Балкарская топливная компания», директором которой является Валерий Карданов. Многомиллиардные отрасли равным счетом не платили в бюджет республики ни рубля, обогащая фамилии-бенефициары. При Кокове была создана система, при которой крупные предприятия платили налоги не в казну, а прямо на стол президенту Кабардино-Балкарии. Каноков попытался исправить это положение, но наткнулся на сильное давление из Москвы со стороны Юрия Лужкова: у бывшего московского градоначальника был бизнес с местными главами районных администраций и крупных вино-водочных предприятий, такими как глава Чегемского района Михаил Мамбетов, убитый местными боевиками в феврале 2011 года за отказ платить дань.

Главные финансовые войны происходили за горнолыжный курорт Приэльбрусье, так как кроме доходов от туризма в регион направлялись многомиллиардные финансовые потоки из федерального бюджета.

Балкарские кланы смогли отстоять часть объектов на Южном склоне Эльбруса, однако часть перешла в собственность республиканских властей или компаний, близких к президенту Канокову. В ответ балкарские кланы инициировали многочисленные акции балкарской общественности в Москве и Приэльбрусье.

Национальная карта

К реализации этой идеи подключилась влиятельная в республике «Газета Юга», принадлежащая вышеупомянутому местному олигарху, главе ОАО «Кабардино-Балкарская топливная компания» Валерию Карданову. Также значительные финансовые средства получила общественная организация «Совет старейшин балкарского народа» – за усилия по дискредитации главы Кабардино-Балкарии на федеральном уровне и дестабилизации общественно-политической ситуации внутри республики. Приведу письмо организации, поступившее в нашу редакцию (орфография и пунктуация сохранены):

«26 февраля стало известно об отставке президента Карачаево-Черкесской Республики Бориса Эбзеева. За день до этого ушел со своего поста губернатор Камчатского края Алексей Кузьмицкий. Вместе с тем вызывает недоумение тот факт, что президент Кабардино-Балкарии Арсен Каноков, продемонстрировавший абсолютную неспособность справляться с возложенными на него задачами, продолжает занимать свой пост. Несмотря на то, что почувствовавшие свою безнаказанность бандиты фактически взяли под свой контроль несколько районов республики, ежедневно в Кабардино-Балкарской Республике звучат выстрелы и взрывы, погибают не только сотрудники силовых структур и главы администраций, но и далекие от политики мирные люди, в том числе московские туристы, гости, статус которых всегда был исключительно высок для местного населения. Благодаря действиям, а точнее, бездействию господина Канокова, республика стоит на пороге гражданской войны». В ответ на все это Каноков направил федеральные финансовые потоки на неосвоенный соседний Северный склон Эльбруса. Разработку склона выиграла компания «Интеррос», принадлежащая Владимиру Потанину.

В 2007 году люди Канокова предприняли попытку захвата управления ОАО «Кабардино-Балкарская топливная компания», однако прямое вмешательство крупных чинов из Москвы охладило пыл президента. Клань начала искать слабые места у власти, чтобы использовать их как рычаги давления на Канокова. На этот раз ставка была сделана на экстремизм, который после разгрома 13 октября 2005 года существовал в латентной форме.

Неизвестно, когда клань и местный криминал, представленный кабардино-балкарским подпольем, начали плотно работать над дестабилизацией обстановки ради достижения общей цели – смещения Канокова, однако очевидно, что возглавивший «вилаят Кабарды, Балкарии и Карачая» балкарец Аскер Джаппуев превзошел своих коллег в Чечне, Ингушетии и Дагестане именно с того момента, как был уничтожен Анзор Астемиров, который осуществлял иную джихадистскую доктрину – во всяком случае, туристическая инфраструктура не рассматривалась в качестве законной военной цели.

Сначала убийство охотников из Ставрополя, потом – убийство туристов из Москвы. Все эти преступления были направлены не на уста-

новление шариатских законов в Кабардино-Балкарии, а именно на подрыв доверия к главе Кабардино-Балкарии со стороны российского руководства. Заказчики прекрасно понимали, что убийство туристов в зоне горнолыжного курорта федерального значения, куда приезжают любители горного отдыха со всех концов России и европейских государств, не входит в рамки допустимых рисков, определенных российскими элитами на Кавказе.

Одним словом, лишенный рычагов воздействия на местное МВД, находящееся в конфликте с балкарским меньшинством, представители которого сегодня образуют костяк вилайата Кабарды, Балкарии и Карачая, и не имеющий силовых полномочий, глава Кабардино-Балкарии Арсен Каноков попал в капкан, высвободиться из которого без потерь ему вряд ли уже удастся. По мнению местных наблюдателей, одним из возможных сценариев Москвы может стать назначение на его место военного или силовика, по примеру Ингушетии.

Не исключено, что им окажется начальник Департамента по противодействию экстремизму МВД России Юрий Коков, который устроил бы местные клань.

12. Северный Кавказ-2010: между нестабильным прошлым и неясным будущим

Сергей МАРКЕДОНОВ

Прошедший 2010 год для политического развития Северного Кавказа не совпал с календарным. Не будет преувеличением назвать главным событием 2010 года попытку (удачная она была или провальная – отдельный вопрос, который мы затронем чуть ниже) трансформации управления северо-кавказским регионом посредством образования самостоятельного федерального округа во главе с полномочным представителем президента в ранге вице-премьера правительства России. Беспрецедентный в российской управленческой практике случай!

Комментируя назначение бывшего красноярского губернатора А. Хлопонина (оно случилось 19 января 2010 года) на должность президентского представителя в проблемном российском регионе, известный германский кавказовед Уве Хальбах констатировал: «Мы видим “выученные уроки” в плане отхода от одностороннего военного подхода, который демонстрировали “силовики” в решении большинства проблем российского “внутреннего зарубежья”. Германия (и Европа в целом) должна активно поддерживать более квалифицированную стратегию России на Северном Кавказе, которая выходила бы за рамки инструментария “силовики”. Однако нам следует понимать, как трудно такие подходы будут вырабатываться и как неустойчива ситуация в регионе».

Между тем путь к президентскому указу от 19 января 2010 года начался за полгода до этого. В этом плане мы можем объединить в рамках одного периода процессы, проходившие с июня 2009 года и в течение

всего календарного 2010 года. Но перед рассмотрением этого периода коротко рассмотрим те подходы, которые доминировали в российской внутренней политике в начале «нулевых».

В период двух президентских legislatur Владимира Путина власти говорили о Северном Кавказе часто и охотно. Однако этот разговор строился вокруг нескольких тем. Первая тема – Кавказ как площадка международного терроризма, на которой Россию испытывают на прочность. При этом в зависимости от политической конъюнктуры образы «международных террористов» менялись. Иногда в их облике вдруг проглядывали грузинские черты, иногда – афганские, а иногда вдруг становилась очевидной причастность «коварного Запада». Впрочем, роль Запада в северокавказских делах трактовалась двойственно. С одной стороны, в нем видели «естественного союзника», пострадавшего от происков «третьего мира», а с другой – непонятливого и докучливого партнера, пытающегося «навязать нам» какие-то неверные представления (или «двойные стандарты»). Вторая тема – стремительно стабилизирующийся Кавказ, образ, практически подмененный Чечней под мудрым водительством отца и сына Кадыровых. Предпринимались попытки как-то разнообразить северокавказскую проблематику. Самым ярким примером в этом ряду мы можем назвать выступления полпреда президента на Юге Дмитрия Козака (занимал этот пост в сентябре 2004 – сентябре 2007 года), который пытался обратить внимание и своего непосредственного начальства, и общественности на проблемы клановости, управленческой неэффективности региональных администраций (в особенности в условиях бюджетной зависимости от федерального центра).

Однако внутренний дискурс, по крайней мере, до середины прошлого года был вне фокуса внимания правящей элиты страны. Ситуация стала меняться с лета 2009 года, когда стали ощутимы несколько моментов. После такой пиар-акции, как отмена контртеррористической операции в Чечне, количество терактов в республике не уменьшилось. Более того, диверсионно-террористическая активность распространилась и на соседние республики – Дагестан, Ингушетию и Кабардино-Балкарию. Летом 2009 года было совершено дерзкое покушение на президента Ингушетии Юнус-бека Евкурова (которое на время вывело его из строя), а также убийство главы МВД крупнейшей северокавказской

республики – Дагестана – Адильгирея Магомедтагирова. Всё это требовало какого-то внятного объяснения. Дальше было уже просто невозможно пробавляться рассказами про стремительную стабилизацию региона, которой «кое-кто порой мешает».

Неким поворотным пунктом от «внешней» истории к истории «внутренней» стало выступление Дмитрия Медведева 9 июня 2009 года в Махачкале. Президент Российской Федерации заявил о «системных проблемах», существующих в северокавказском регионе. Фактически впервые после 90-х власть устами первого лица в государстве заявила, что причина социально-политической турбулентности на российском Кавказе – не внешнее воздействие, а проблемы внутреннего порядка (коррупция, безработица, бедность населения). Все эти прозрения, однако, не подвигли ни президента, ни премьера к пониманию других не менее важных фактов. В частности, оба члена тандема продолжили разговоры о борьбе с «бандитами» и с «ОПГ», как будто бы нынешние проблемы Кавказа вполне сопоставимы с ситуацией в каком-нибудь Гарлеме или Бронксе 80-х годов прошлого века. Не получилось и честного разговора о провалах в управлении Северным Кавказом.

Все промахи и провалы были свалены на региональную и местную власть, федеральная была выведена из-под шквального огня критики. Отсюда и экзотические идеи вроде введения особой юрисдикции по делам, связанным с терроризмом. Но, как бы то ни было, в своем прошлогоднем президентском Послании Медведев назвал Северный Кавказ главной проблемой российской внутренней политики. Тогда же была озвучена другая идея – создание новой бюрократической структуры, наделенной доверием тандема и ответственной за «наведение порядка» на Северном Кавказе.

В итоге 19 января 2010 года произошло явление Александра Хлопонина Кавказу. С одной стороны, это выглядело как новация. За самый нестабильный регион страны стал отвечать не силовик, а менеджер, прошедший школу «Норильского никеля» и губернаторства на Таймыре и в Красноярске. О Северном Кавказе впервые столь часто стали говорить с использованием другого словаря. Помимо привычных «террорист», «экстремист» в средствах массовой информации замелькали упоминания о «кластерах», «инвестициях», «инновациях». С другой

стороны, ни к какой модернизации назначение Хлопонина отношения не имело. Типично кулуарное выдвижение человека, не имеющего соответствующего опыта. И по соображениям внутрибюрократической логики, а не в соответствии с насущными национальными интересами. Добавим к этому и весьма ограниченный «функционал» нового «главного по Кавказу». Хлопонина в полном смысле этого слова «бросили на хозяйство», не дав ему соответствующих политических полномочий. А какие, в самом деле, могут быть инвестиции/инновации в условиях, которые напоминают военные? В итоге получилось не как лучше, а как всегда. Значимыми проблемами были признаны экономика и социальная сфера. На развитие этих сегментов Кремль и Белый дом призвали направить все силы, в то время как политическая тематика (религиозные отношения, межэтническая конфликтность) осталась по-прежнему табуированной. Она фактически рассматривается только как «надстройка», производная от социально-экономического базиса. Таким образом, сама власть поставила себя в жесткие рамки. Вместо выработки масштабной стратегии развития Кавказа она ограничилась социально-экономической стороной. Спору нет, сферой важной, но в сегодняшних условиях политической нестабильности не играющей определяющей роли.

Что же в итоге? Сказано немало правильных слов. И о необходимости научного осмысления северокавказской политики, и о повышении качества работы силовиков, и об организации внутренней миграции трудоизбыточного населения. Но при отсутствии политических рычагов работа полномочного представителя постепенно стала напоминать работу до-революционного земства. Вроде бы и нужный институт, непонятно, как его оптимально использовать. Повторимся, что в первую очередь – это не столько вина, сколько беда Хлопонина, который так и не получил весомых политических полномочий. А без них самое лучшее, что смогли сделать местные власти для экономики региона, – это составить далекие от реальности предложения, собранные под одной обложкой «Стратегии–2025». Похожей то ли на научно-фантастическое произведение, то ли на «Продовольственную программу» брежневской эпохи.

С одной стороны, нельзя сказать, чтобы 2010 год открыл какие-то принципиально новые угрозы, которые бы исходили из северокавказского региона. Рост политического насилия под исламистскими знаменами

начался намного раньше. «Обновленный» этнический национализм (особенно в западной части российского Кавказа) также заявил о себе несколько лет назад. Но с другой стороны, расширение террористической активности (особенно через год после отмены режима контртеррористической операции в Чечне) неприятно впечатляло в течение всех 12 месяцев уходящего года. Терроризм снова пришел в российскую столицу. Взрывы в московском метро 29 марта 2010 года поставили много жестких вопросов. И не только в плане безопасности. В каком-то смысле они стали тревожным звоночком перед трагедией 11 декабря.

На первый взгляд, между этими событиями нет прямой взаимосвязи. Однако при более глубоком рассмотрении выяснилось, что общественное мнение крупных российских городов было шокировано взрывами в столичной подземке, но довольно вяло, если не сказать, пассивно, реагировало на трагические инциденты в Кизляре, Владикавказе, Нальчике. О Нальчике, кстати необходимо поговорить более подробно. В Кабардино-Балкарии, имевшей в 1990-е годы репутацию северокавказской «спящей красавицы», в 2010 году значительно выросло количество терактов. В этом контексте можно вспомнить первомайский взрыв на ипподроме, а также атаку Баксанской ГЭС (21 июля), которая стала первой атакой большого «техногенного объекта». Только за два первых летних месяца в республике прогремело 17 взрывов. В июне 2010 года президент Кабардино-Балкарской Республики Арсен Каноков дал добро на ввод смешанного контингента по борьбе с экстремизмом в республику, что, в свою очередь, стало реакцией на рост диверсионно-террористической активности, всё больше стирающей грани между восточной (нестабильной) и западной (относительно мирной) частями Северного Кавказа.

2010 год также показал (и не только в Кабардино-Балкарии), что ликвидация знаковых персонажей джихадистского подполья не приносит мира в регион. В 2010 году были ликвидированы такие печально известные лидеры северокавказского терроризма, как Анзор Астемиров (был уничтожен 24 марта 2010 года), Саид Бурятский (2 марта 2010 года), Магомедали Вагабов (21 августа 2010 года). За каждым из них тянулся кровавый след, начиная с атаки на столицу Кабардино-Балкарской Республики в октябре 2005 года, прошлогодних акций против РОВД в Назрани, и заканчивая взрывами в московской подземке.

Однако точечные «ликвидации» без комплексного изменения среды, порождающей новых «эмиров» и новых «шахидов» не стала эффективным средством. Место Анзора Астемирова, ставшее «вакантным» быстро занял Аскер Джаппуев, и, как говорится, началась старая песня по-новому. Впрочем, в 2010 году мы увидели и иные подходы. Так, 9 июня 2010 года был захвачен в ходе операции Али Тазиев (известный также, как «Магас»), подозреваемый в нападении на Ингушетию (июнь 2004 года) и террористической атаке на среднюю школу в Беслане (сентябрь того же года). Между тем подобного рода захваты (а также разбирательства этих дел) не стали (по крайней мере, пока) мощным идеологическим оружием против боевиков и их лидеров.

К сожалению, ни государство, ни общество не смогли грамотно осмыслить характер террористической угрозы. Повторение фраз о «бандитах», «чеченских сепаратистах» (это при том, что в 2010 году Чечня опустилась на четвертое место в своеобразном террористическом соревновании) отодвинуло от нас понимание того политического вызова, который был брошен российским гражданам северокавказскими джихадистами.

И здесь мы подходим к принципиально важному тезису. В 2010 году Северный Кавказ, как никогда ранее, стал общероссийской проблемой. Декабрьские события 2010 года в российской столице актуализировали вопрос о том, готово ли этническое большинство сосуществовать и развиваться с этническими меньшинствами в рамках одного российского гражданско-политического проекта. К сожалению, мы не увидели в действиях российских властей грамотных политических и управленческих решений. С одной стороны, всплеск движения, использующего лозунги русского этнического национализма, центр попытался использовать для своих предвыборных целей. Как иначе объяснить двусмысленные жесты премьера Путина (встреча с фанатами, посещение могилы погибшего Егора Свиридова, а также его заявление о необходимости регистрации для приезжих в крупных российских городах)? Между тем отказ от либерализации передвижения граждан внутри страны и создание фактически внутренних границ чреват не только апартеидом и укреплением экстремистских настроений, как внутри русской, так и кавказской «улицы». Это чревато окончательной демодернизацией России, ибо отсутствие нормально работающего рынка

рабочей силы создает препятствия для «думающей экономики» (о чем так красочно говорил в свое время Дмитрий Медведев).

Сегодня мы можем увидеть несколько сценариев для Северного Кавказа. Несмотря на внушительный набор проблем, отмеченный выше, есть определенные предпосылки для благоприятного развития. К позитивным факторам для Москвы относится отсутствие мощных этно-сепаратистских очагов. На сегодняшний день даже сторонники территориальных переделов на Северном Кавказе (адыгские организации) апеллируют к Москве и готовы действовать в рамках российского государственного права. Нынешняя нестабильная ситуация в Ингушетии или Дагестане также не может идентифицироваться как проявления сепаратизма. И даже признавая высокий уровень насилия на Северном Кавказе, равно как и столь же высокий уровень недовольства властью, следует отметить следующее: за этим недовольством, как правило, нет четкой и структурированной идеологии. Даже в случае манифестаций с лозунгами радикального исламизма идейно-политическая мотивация не всегда очевидна. Массы людей уходят в леса и в горы не потому, что имеют свое мнение о священном Коране, отличное от официальной позиции Духовного управления мусульман. Самим фактом этого ухода они выражают протест против коррупции и произвола властей, беспредела правоохранительных структур. Но к идеологии это не имеет отношения, а такой, если угодно, «бытовой протест» можно купировать адекватными действиями властей. Таким образом, совокупность объективных обстоятельств (усталость от насилия, стремление к стабильности) и субъективных действий (учет общественного мнения, организация диалога между властями и обществом) может позволить Москве в ближайшее время минимизировать политические риски в регионе. Конечно, речь не идет о тотальном переломе. Но при наличии воли маленький позитив возможен.

Однако и для неблагоприятных сценариев есть, увы, немало оснований. Это, во-первых, рост радикального исламизма. В условиях общероссийского социал-дарвинизма, приобретающего на Кавказе гипертрофированные черты, исламский эгалитаризм, вне всякого внешнего содействия, оказывается востребованным. Особенно на фоне коррупции региональной и федеральной властей, а также отсутствия внимания к повседневным проблемам местных жителей. Продолжение ны-

нешней политики Кремля (управление на расстоянии без полноценной интеграции региона) ведет, во-первых, к региональному обособлению и замкнутости, а во-вторых, к укреплению экстремистского направления протестного движения. Если дагестанские коммунисты и «яблочники», ингушские правозащитники или умеренные националисты со всего Кавказа действовали против власти в рамках российского закона и сообразуясь с общероссийской правовой и политической логикой, то радикальные исламисты отрицают саму эту логику. Возникает замкнутый круг. Стараниями лояльных республиканских элит светская оппозиция серьезным образом подорвана и деморализована. Но на смену этой оппозиции приходит исламистский протест, у которого есть демографический ресурс (среди лидеров этого протеста и его идеологов много молодых), драйв и уверенность в собственной правоте, чего нет у официальной власти.

Поэтому самым опасным сценарием для Москвы станет тот, когда региональные власти – в борьбе за сохранение доходных мест и даже опасаясь за свою физическую безопасность – начнут перехватывать инициативу низов, то есть вводить в свою практику элементы радикального подхода к исламу, откровенный популизм, возможно, националистические лозунги. В этом случае мы можем стать свидетелями повторения ситуации начала 1990-х годов, когда искушенные номенклатурщики пытались с разной степенью успеха (но в целом удачно, за исключением разве что Чечни) решить проблему заимствования и приватизации лозунгов «неформалов». Но в этой ситуации и новые радикалы, которые находятся у регионального кормила, перестанут быть для Москвы «своими». Ведь им придется добиваться легитимации через критику Кремля и его «колониальной политики» в той или иной форме.

Таким образом, «коридор возможностей» для российской политики на Северном Кавказе крайне узок. 2010 год показал: точечных изменений вне общей трансформации всей политической системы страны недостаточно. Но это уже тема для отдельного разговора. Сможет ли Россия, в отличие от СССР, пройти между сциллой «горбачевщины» и харибдой псевдопатриотического «усиления»?

РАЗДЕЛ III**ИСЛАМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ**

1. Ислам на Северном Кавказе: социологическая ретроспектива

Кирилл ШЕВЧЕНКО, Ислам ТЕКУШЕВ

Агентство Medium-Orient, базирующееся в городе Прага, Чешская республика, с 2004 года в рамках своего проекта Caucasus Times изучает общественное мнение жителей Северного Кавказа по самым злободневным проблемам региона. В 2010 году Medium-Orient реализовывал на Северном Кавказе проект Discerning Public Opinion in the North Caucasus. В рамках данного проекта агентство провело опрос общественного мнения населения пяти северокавказских республик, преобладающее население которых исповедует ислам. Это Чечня, Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. Исследование ставило своей целью выявить, каким образом изменилось отношение мусульман Северного Кавказа к другим конфессиям, в особенности к христианству, в результате длительного вооруженного конфликта на Северном Кавказе. Также в рамках исследования мы стремились изучить степень влияния ислама на жизнь жителей региона, их отношение к военным операциям США в Афганистане и Ираке, а также уровень религиозных свобод. В течение проектного года мы провели опросы в пяти республиках Северного Кавказа, опросив в общей сложности 2000 респондентов в возрасте от 16 лет и выше.

В ходе исследования мы получили уникальные данные, свидетельствующие о том, что в результате длительных военных действий, которые Россия осуществляла на Северном Кавказе в течение последних 15 лет, у населения изменилось отношение к сущности конфликта.

Жители Северного Кавказа всё чаще стали рассматривать действия Москвы на Кавказе через религиозную призму. Так, согласно исследованию, в Чечне количество заявивших о своем отрицательном отношении, например, к христианству, составило почти половину опрошенных – 44%.

В ходе исследования задавались вопросы о степени религиозности исламского населения различных северокавказских республик, об их отношении к другим религиям и к ваххабизму. Полученные данные рисуют интересную и несколько противоречивую картину роли ислама в северокавказском регионе, свидетельствуя как о значительном влиянии ислама на население (см. таблицу 1), так и о серьезных различиях между отдельными северокавказскими республиками в степени приерженности населения исламским ценностям.

Так, на Северном Кавказе 62% опрошенных заявили о «большой» роли религии в их жизни. При этом наибольшую роль религия играет среди населения Чечни (81%) и Ингушетии (68%), в то время как среди жителей Кабардино-Балкарии лишь 42% заявили о «большой» роли религии в их жизни. Сочетание данных социологических опросов с аналитическими материалами известных специалистов по Северному Кавказу позволяет создать многомерную картину происходящего в регионе и лучше понять тенденции дальнейшего развития Северного Кавказа.

ТАБЛИЦА 1
КАКУЮ РОЛЬ ИГРАЕТ РЕЛИГИЯ В ВАШЕЙ ЖИЗНИ? (%)

	большую	скорее большую	скорее небольшую	небольшую	я атеист	не знаю
Кабардино-Балкария	42	35	11	6	3	3
Чечня	81	13	1	0	3	2
Ингушетия	68	27	1	0	1	3
Дагестан	66	26	3	2	1	2
Карачаево-Черкесия	52	27	12	4	2	3
ВСЕГО	62	26	6	2	2	2

Нарушение прав мусульман

Деятельность различных джихадистских структур, всё увереннее образующих параллельную систему власти в северокавказских республиках, с их лозунгом «чистоты ислама» и освобождения всего Северного Кавказа от «неверных», оказывает всё более заметное влияние на умонастроения народов северокавказских республик. Так, опросы общественного мнения в столицах республик Северного Кавказа показывают, что значительная часть населения недовольна соблюдением прав мусульман в их республиках. Если в целом на Северном Кавказе число тех, кто считает, что права мусульман не соблюдаются или «скорее не соблюдаются» составляет 24%, то в столице Кабардино-Балкарии – Нальчике – это число составляет 36%, а в столице Карачаево-Черкесии Черкесске – 32%. Примечательно, что в республиках Западного Кавказа число недовольных соблюдением прав мусульман серьезно превышает количество недовольных в республиках Восточного Кавказа (Дагестан, Ингушетия, Чечня). Так, в Дагестане общее число тех, кто считает, что права мусульман в их республике не соблюдаются или «скорее не соблюдаются», составило 17%, а в соседней Чечне – 19% (см. таблицу 2).

	да	скорее да	скорее нет	нет	не знаю
Кабардино-Балкария	13	35	31	5	16
Чечня	54	25	10	9	2
Ингушетия	63	17	8	5	7
Дагестан	50	27	6	11	6
Карачаево-Черкесия	20	30	28	4	18
ВСЕГО	40	27	17	7	9

Любопытно и то обстоятельство, что отношение к ваххабизму в западной части Северного Кавказа оказалось значительно более благожелательным, чем в восточной части. Возможно, что данное обстоятельство вызвано более значительными нарушениями религиозных свобод мусульман в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, о которых было сказано выше.

Так, о положительном и «скорее положительном» отношении к ваххабизму заявили 39% опрошенных в столице Кабардино-Балкарии Нальчике и 42% в столице Карачаево-Черкесии Черкесске, тогда как в столице Чечни Грозном это число составило 9% опрошенных, а в дагестанской Махачкале никто из опрошенных не заявил о своем позитивном отношении к ваххабизму (см. таблицу 3).

Столь низкий процент тех, кто декларирует положительное отношение к ваххабизму в восточной части Северного Кавказа, может объясняться как личным негативным опытом взаимодействия с ваххабитами, так и определенной самоцензурой и опасениями говорить правду при ответе на вопросы в ходе интервью. В любом случае очевидно, что идеи ваххабизма имеют устойчивый круг сторонников. Более того, опросы наглядно свидетельствуют о том, что социальная база для распространения идей ваххабизма в последние годы серьезно расширилась в республиках Западного Кавказа, где степень влияния ислама традиционно значительно ниже, чем в исторически более исламизированном Дагестане или в Чечне.

	положительно	скорее положительно	скорее отрицательно	отрицательно	не знаю
Кабардино-Балкария	20	19	22	39	0
Чечня	0	9	24	62	4
Ингушетия	8	8	21	43	20
Дагестан	0	0	7	90	3
Карачаево-Черкесия	22	20	20	34	4
ВСЕГО	10	11	19	54	6

Отношение мусульман к христианству

Большой интерес представляют и ответы респондентов на вопрос об их отношении к другим религиям в северокавказском регионе, прежде всего к христианству. Именно здесь отчетливо проявились весомые различия в степени толерантности местного населения в отношении

представителей иных конфессий. Так, если о своем положительном отношении к христианству заявили 82% опрошенных в Дагестане, 48% – в Кабардино-Балкарии и 46% – в Карачаево-Черкесии, то в Чечне число тех, кто относится к христианству положительно, ограничилось лишь 7% опрошенных. При этом количество заявивших о своем отрицательном отношении к христианству составило в Чечне почти половину опрошенных (44%), значительно превысив аналогичный показатель в других северокавказских республиках. В целом по Северному Кавказу о своем положительном отношении к христианству заявили 39% респондентов, что существенно превысило число тех, кто относится к христианству отрицательно – 14% (см. таблицу 4).

ТАБЛИЦА 4
КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ХРИСТИАНСТВУ? (%)

	положи- тельно	скорее положи- тельно	скорее отрицательно	отрица- тельно	не знаю
Кабардино-Балкария	48	30	10	6	6
Чечня	7	20	17	44	12
Ингушетия	14	31	20	12	23
Дагестан	82	18	0	0	0
Карачаево-Черкесия	46	30	12	8	4
ВСЕГО	39	26	12	14	9

2. Опрос в Грозном, Чечня, апрель–май 2010 года: 81% опрошенных считают, что ислам играет большую роль в их жизни; 86% не одобряют ваххабизм

Кирилл ШЕВЧЕНКО, Ислам ТЕКУШЕВ

29 апреля – 7 мая 2010 года информационное агентство Caucasus Times, используя сеть своих корреспондентов на Северном Кавказе, провело опрос общественного мнения в столице Чечни Грозном. Главной целью опроса было выявление степени влияния ислама на население республики, а также отношение жителей Грозного к ваххабизму и к другим конфессиям, включая христианство, иудаизм и буддизм. Другой важной целью опроса было выявить мнение населения по поводу того, соблюдаются ли права мусульман в Чечне. Кроме того, в ходе опроса общественного мнения задавался вопрос об отношении населения к военным акциям США и их союзников в Ираке и в Афганистане. Всего было опрошено 400 жителей Грозного старше 16 лет, в основном чеченцев по национальности, включая студентов, рабочих, представителей органов власти, работников сферы обслуживания, а также домохозяйек и пенсионеров.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что идентичность подавляющего большинства населения столицы Чечни устойчиво связана с исламом; при этом количество тех, кто считает себя христианином или атеистом, оказалось крайне незначительным. Так, отвечая на вопрос «к какой религии Вы себя относите или чувствуете наибольшую близость?», подавляющее большинство опрошенных в Грозном (95%) указали ислам и лишь 2% – христианство. Только 3% респондентов заявили о том, что они атеисты.

Значительное число опрошенных (81%) отметили, что религия играет большую роль в их жизни и 13% – «скорее большую» роль. Только 1% опрошенных заявили о небольшой роли религии в их жизни, и 2% затруднились с ответом. 3% указали, что религия не играет какой-либо роли в их жизни, поскольку они считают себя атеистами.

Высокая степень религиозности населения Грозного находит свое выражение в частом и регулярном совершении молитв. Так, подавляющее большинство опрошенных жителей Грозного (82%) отметили, что они совершают молитву каждый день и 5% – каждую неделю. 12% признали, что они совершают молитву от случая к случаю. 1% опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос.

Число регулярно посещающих мечеть оказалось существенно ниже. 8% респондентов заявили о том, что они посещают мечеть каждый день и 43% – каждую неделю. При этом 24% ходят в мечеть от случая к случаю и 8% делают это ежемесячно. 17% затруднились дать определенный ответ на этот вопрос.

Отвечая на вопрос о том, соблюдаются ли права мусульман в Чечне, более половины всех опрошенных (54%) дали утвердительный ответ и 25% заявили о том, что права мусульман «скорее соблюдаются». Только 9% опрошенных полагают, что права мусульман в Чеченской республике не соблюдаются, и 10% – «скорее не соблюдаются». 2% опрошенных затруднились с ответом. Таким образом, подавляющее большинство жителей Грозного (79%) полагают, что права мусульман в республике в целом соблюдаются, в то время как лишь 19% склонны считать, что права мусульман не соблюдаются или скорее не соблюдаются.

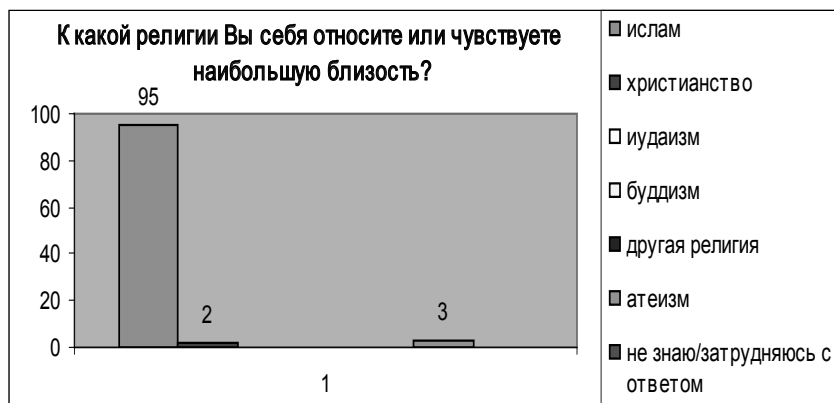
Опрошенные оказались практически единодушны в своем отрицательном отношении к военным акциям США и их союзников в Ираке и в Афганистане. Так, никто из опрошенных жителей чеченской столицы не дал положительной оценки данным акциям. Лишь 2% заявили о своем «скорее положительном» отношении к военным действиям США и их союзников в этих странах. При этом 61% респондентов оценили данные акции отрицательно и 20% – «скорее отрицательно». 17% респондентов не смогли дать четкий ответ на данный вопрос.

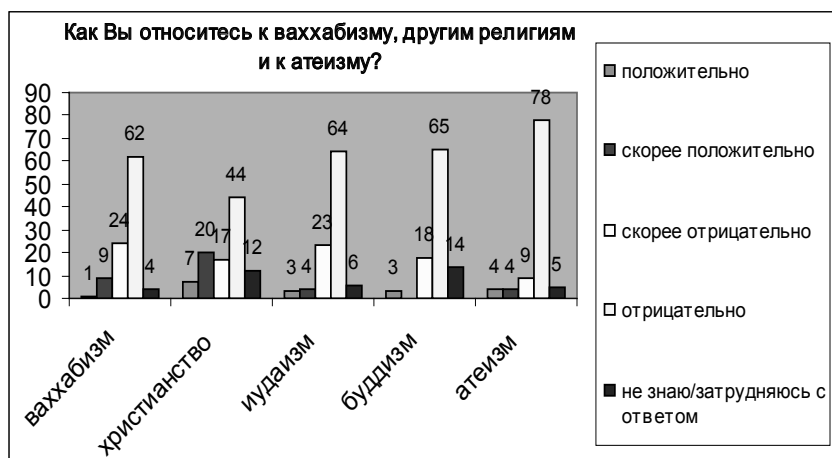
Ответы респондентов на вопрос об их отношении к другим течениям в исламе, к другим религиям и к атеизму свидетельствуют о преобладании среди жителей Грозного в целом негативного отношения не только к иным религиям и к атеизму, но и к ваххабизму. Так, лишь 1% опрошенных заявили о своем положительном и 9% – «скорее положительном» отношении к ваххабизму, в то время как 62% оценили ваххабизм отрицательно и 24% – «скорее отрицательно». Весьма негативную оценку опрашиваемые высказали и в отношении атеизма. О положительном и «скорее положительном» отношении к атеизму заявили в общей сложности лишь 8% опрошенных, тогда как 78% оценили атеизм отрицательно и 9% – «скорее отрицательно».

Негативная оценка характерна и для отношения респондентов к христианству, хотя в целом степень негативного отношения к христианству оказалась несколько ниже, чем к другим религиям. Так, 7% высказались о христианстве позитивно и 20% – «скорее позитивно», в то время как 44% заявили о своем отрицательном и 17% – «скорее отрицательном» отношении к христианству. Примечательно, что респонденты, давшие положительную или скорее положительную оценку христианству, ссылались на то, что ислам призывает с уважением относиться к другим религиям.

Отношение населения Грозного к иудаизму и к буддизму оказалось еще более негативным. Так, только 7% заявили о положительном либо «скорее положительном» отношении к иудаизму, тогда как 64% относятся к иудаизму отрицательно и 23% – «скорее отрицательно». Общее число позитивно настроенных в отношении буддизма составило лишь 3%, в то время как 65% заявили об отрицательном и 18% – «скорее отрицательном» отношении к данной конфессии.

Следует отметить, что вопросы о соблюдении прав мусульман в Чечне и об отношении к ваххабизму вызывали недоверие и настороженность у значительного числа респондентов, которые соглашались отвечать на вопросы только после дополнительного напоминания о том, что опрос является анонимным.

3. Опрос в Нальчике, Кабардино-Балкария, май 2010 года: 36% опрошенных каждый день совершают молитву

Кирилл ШЕВЧЕНКО, Ислам ТЕКУШЕВ

19–25 мая 2010 года информационное агентство Caucasus Times, используя сеть своих корреспондентов в республиках Северного Кавказа, провело опрос общественного мнения в столице Кабардино-Балкарии городе Нальчик, а также в городе Баксан, в городе Нарткала и в Черекском районе Кабардино-Балкарии. Главная цель данного исследовательского проекта заключалась в изучении различных аспектов конфессиональной ситуации в республике, в определении отношения населения к ведущим конфессиям в регионе, в изучении степени религиозности и религиозной терпимости населения, а также в выявлении мнения опрошиваемых по поводу того, соблюдаются ли права мусульман в Кабардино-Балкарии. Кроме того, отдельный вопрос был задан об отношении населения к военным акциям США и их союзников в Ираке и в Афганистане. Всего в ходе исследования было опрошено 400 человек старше 16 лет, в основном кабардинцев, балкарцев, русских и представителей других национальностей, проживающих на Северном Кавказе, представителей разных демографических и профессиональных групп.

Ответы жителей Нальчика на вопрос «к какой религии Вы себя относите или чувствуете наибольшую близость?» в полной мере отразили этнокультурное и конфессиональное многообразие Кабардино-Балкарии, что резко отличает ее от соседних Ингушетии и Чечни, которые имеют резко выраженный моноэтнический и моноконфессиональный характер. Так, 68% опрошенных в Нальчике отождествляют себя с исламом,

24% – с христианством, 2% – с буддизмом и 1% – с иудаизмом. Кроме того, 2% опрошенных заявили о том, что они чувствуют наибольшую близость к свидетелям Иеговы. 2% опрошенных указали, что они придерживаются атеистического мировоззрения и лишь 1% опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос.

Отвечая на вопрос «какую роль религия играет в Вашей жизни?», 42% отметили большую и 35% – «скорее большую» роль религии в своей жизни. Только 11% полагают, что религия в их жизни играет «скорее небольшую» и 6% – небольшую роль. При этом 3% отметили, что религия не играет какой-либо роли в их жизни, поскольку они придерживаются атеистических взглядов. 3% затруднились с ответом на этот вопрос.

Более трети всех опрошенных (36%) указали, что они совершают молитву каждый день и 9% – каждую неделю. 6% совершают молитву как минимум раз в месяц и 24% – от случая к случаю. Вместе с тем четверть опрошенных жителей Нальчика и прилегающих регионов (25%) затруднилась с ответом на данный вопрос.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что никто из респондентов не посещает мечеть или церковь каждый день; при этом 8% отметили, что они ходят в мечеть каждую неделю и 10% – каждый месяц. 36% респондентов отметило, что они посещают мечеть от случая к случаю, и 46% затруднились дать какой-либо определенный ответ на этот вопрос. Объясняя столь нечастое посещение мечетей, многие респонденты отмечали, что для кабардинцев и балкарцев принципиально важным является совершение молитвы там, где ты находишься физически. Примечательно, что часть респондентов также ссылались на растущую небезопасность публичного совершения молитвы в мечети, поскольку, по их словам, республиканские силовые структуры намеренно или по невежеству склонны путать «ислам» с «ваххабизмом».

Ответы опрошенных на вопрос о соблюдении прав мусульман в Кабардино-Балкарии показали, что почти половина жителей Нальчика в целом удовлетворены соблюдением прав мусульман. Вместе с тем число тех, кто твердо уверен в том, что права мусульман в республике полностью соблюдаются, составило лишь 13%. При этом более трети всех опрошенных (35%) полагают, что права опрошенных «скорее со-

блюдаются». 31% считают, что права мусульман в республике «скорее не соблюдаются» и 5% – не соблюдаются. Значительное число респондентов (16%) не определилось в своем отношении к данному вопросу.

Подобно Чечне и Ингушетии, реакция опрошенных в Кабардино-Балкарии на вопрос об их отношении к военным акциям США и их союзников в Ираке и в Афганистане продемонстрировала практически единодушное неприятие населением данных силовых акций. Лишь 1% опрошенных оценили военные акции США и их союзников положительно и еще 1% – «скорее положительно». Подавляющее большинство опрошенных – 75% – отнеслись к данным акциям отрицательно и еще 14% – «скорее отрицательно». 9% затруднились с ответом на этот вопрос.

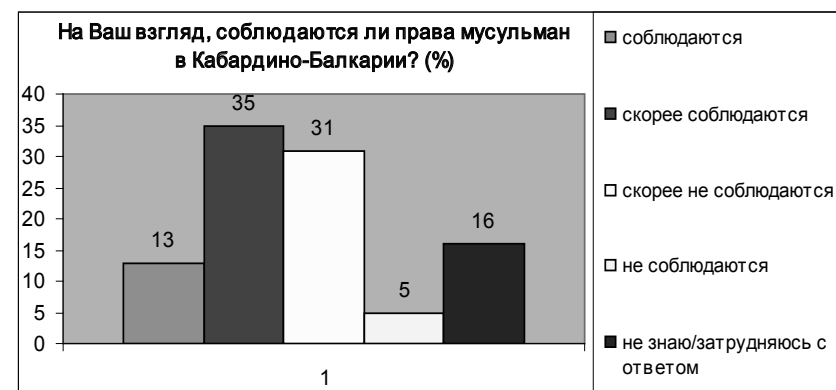
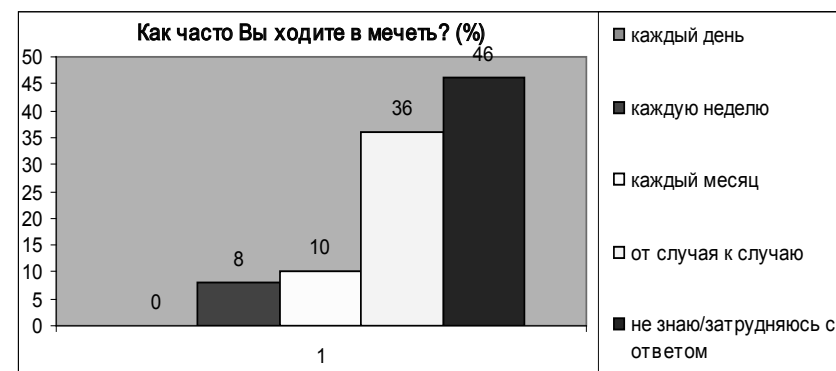
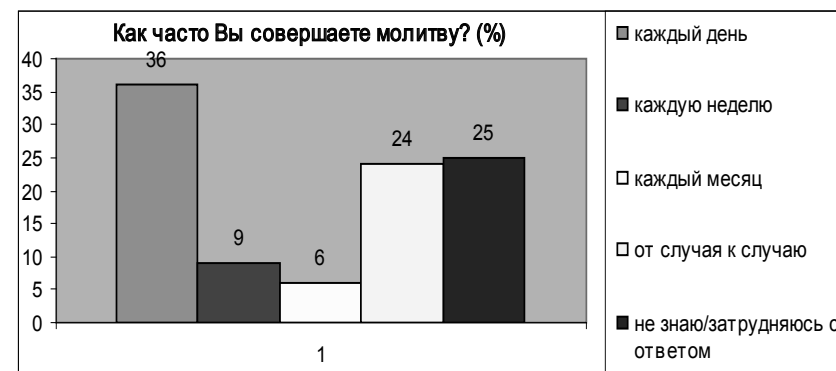
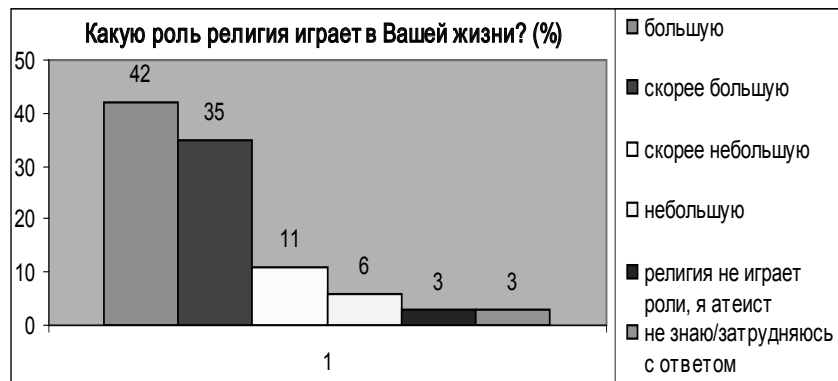
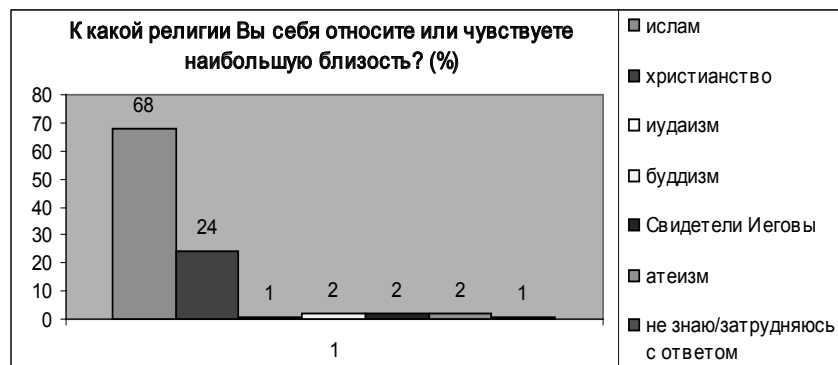
Отношение жителей Кабардино-Балкарии к ваххабизму и к иным религиям в целом оказалось существенно более позитивным, чем отношение жителей Чечни и Ингушетии. Судя по всему, в этом проявился многонациональный характер Кабардино-Балкарии, где представители разных этносов и религий выработали значительный опыт совместного сосуществования.

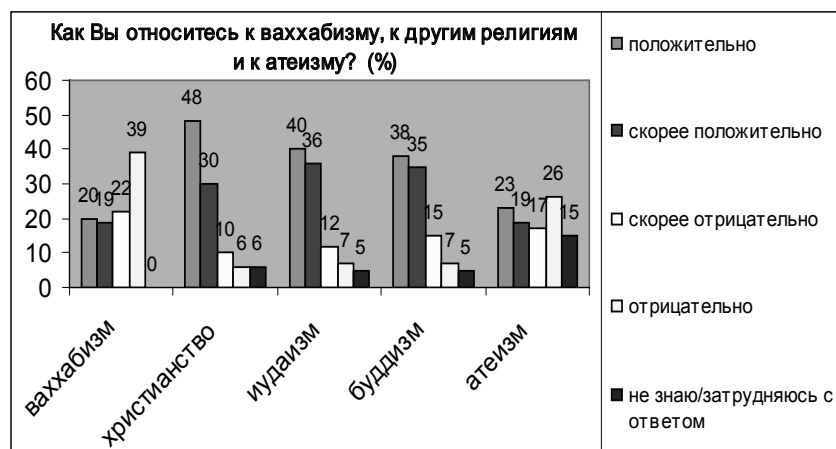
О своем положительном и «скорее положительном» отношении к ваххабизму заявили 20% и 19% респондентов соответственно, в то время как 39% относятся к нему отрицательно и 22% – «скорее отрицательно».

Весьма положительным оказалось отношение населения к христианству. Так, почти половина опрошенных (48%) относятся к христианству положительно и еще 30% – «скорее положительно». Только 6% заявили о своем отрицательном и 10% – «скорее отрицательном» отношении к христианству.

Отношение населения к буддизму и к иудаизму тоже оказалось в значительной степени положительным. 40% и 36% относятся к иудаизму соответственно положительно и «скорее положительно», при этом 7% и 12% соответственно относятся отрицательно и «скорее отрицательно». О своем положительном и «скорее положительном» отношении к буддизму заявили 38% и 35% респондентов соответственно, при этом отрицательно и «скорее отрицательно» к буддизму относятся 7%

и 15% соответственно. Наиболее критическое отношение опрошенные жители Нальчика продемонстрировали по отношению к атеизму. Если о своем положительном и «скорее положительном» отношении к атеизму заявили 23% и 19% респондентов соответственно, то 26% относятся к атеизму негативно и еще 17% – «скорее негативно». 15% опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос.

4. Опрос в Назрани, Ингушетия, май 2010 года: 80% удовлетворены соблюдением прав мусульман в Ингушетии

Кирилл ШЕВЧЕНКО, Ислам ТЕКУШЕВ

10–17 мая 2010 года информационное агентство Caucasus Times, используя сеть своих корреспондентов в республиках Северного Кавказа, провело опрос общественного мнения в Назрани – самом крупном населенном пункте Ингушетии. Основная цель данного опроса заключалась в выявлении степени влияния ислама на население Назрани, а также в выяснении мнения местного населения по поводу соблюдения прав мусульман в Ингушетии. Кроме того, в ходе исследования респондентам задавался отдельный вопрос об отношении населения к военным акциям США и их союзников в Ираке и в Афганистане. Всего в Назрани было опрошено 400 человек старше 16 лет, в основном ингушей по национальности, представляющих разные половозрастные, социальные и профессиональные группы.

Как и в ходе предыдущего опроса в столице Чечни Грозном, ответы жителей Назрани на вопрос «к какой религии Вы себя относите или чувствуете наибольшую близость?» убедительно показали доминирующее положение ислама в идентичности местного населения. Так, подавляющее большинство опрошенных жителей Назрани (96%) прочно идентифицируют себя с исламом. Лишь 2% отнесли себя к христианству и только 1% – к атеизму. 1% опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос.

Реакция респондентов на вопрос о роли религии в их жизни подтвердила высокую степень религиозности жителей Назрани. 68% опрошенных отметили, что религия играет большую и 27% – «скорее большую» роль в их жизни. Лишь 1% опрошенных заявили, что религия играет «скорее небольшую» роль в их жизни. При этом 3% опрошенных не смогли дать определенный ответ на данный вопрос.

Высокая степень религиозности жителей Назрани в целом подтвердилась и в ходе ответов на вопрос «как часто Вы совершаете молитву?». Подавляющее большинство – 73% опрошенных – указали, что они совершают молитву каждый день и 1% – каждую неделю. 11% отметили, что они совершают молитву «от случая к случаю». Довольно значительное число респондентов (15%) затруднились с ответом на этот вопрос.

Вместе с тем количество респондентов, регулярно посещающих мечеть, оказалось существенно ниже. Так, только 6% заявили о том, что они ходят в мечеть каждый день и 29% – каждую неделю. 12% указали, что они обычно посещают мечеть «от случая к случаю». Примечательно, что значительное большинство опрошенных жителей Назрани – 51% – отказались от ответа или затруднились с ответом на данный вопрос.

Результаты опроса позволяют говорить о том, что подавляющее большинство жителей Назрани удовлетворены соблюдением прав мусульман в республике. По мнению большинства опрошенных, права мусульман в Ингушетии соблюдаются (63%), либо «скорее соблюдаются» (17%). Лишь 5% респондентов полагают, что данные права не соблюдаются и 8% – «скорее не соблюдаются». 7% опрошенных затруднились дать четкий ответ на этот вопрос.

Как и в соседней Чечне, отношение населения Назрани к военным акциям США и их союзников в Ираке и в Афганистане оказалось преимущественно негативным. Так, 60% опрошенных отнеслись к данным акциям негативно и 18% – «скорее негативно»; при этом общее число тех, кто высказал в целом положительное мнение по поводу данных действий, не превысило лишь 3% опрошенных. Вместе с тем значительное число опрошенных (19%) затруднились с ответом, что свидетельствует о наличии большого числа тех, кто не определился в своем мнении по данному вопросу.

Большой интерес представляют результаты ответов жителей Назрани на вопрос об их отношении к ваххабизму, а также к другим религиям, включая христианство, иудаизм и буддизм. Данные опроса свидетельствуют, что жители Назрани в своем отношении к иным религиям оказались в целом значительно более толерантными, чем жители столицы Чечни.

Примечательно, что из всех религий отношение к ваххабизму со стороны респондентов оказалось наиболее критическим. Так, 43% заявили о своей отрицательной и 21% – «скорее отрицательной» оценке ваххабизма. В целом положительно о ваххабизме отозвались лишь 8% опрошенных, столько же заявили о своем «скорее положительном» отношении к ваххабизму.

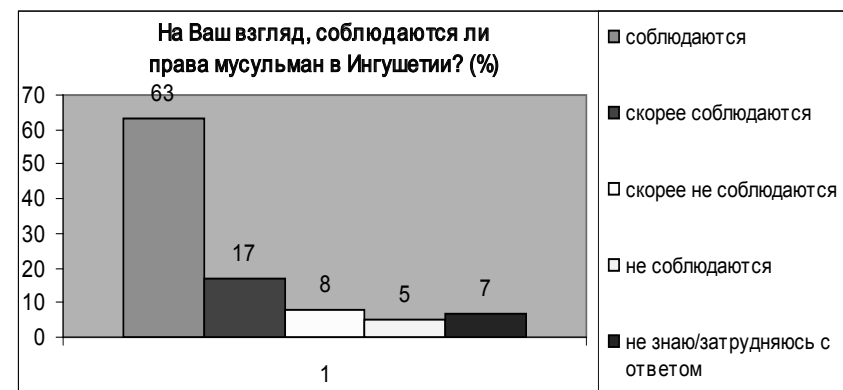
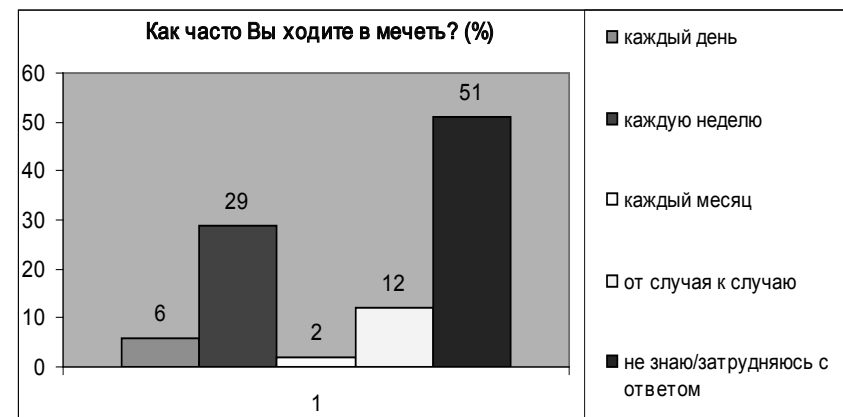
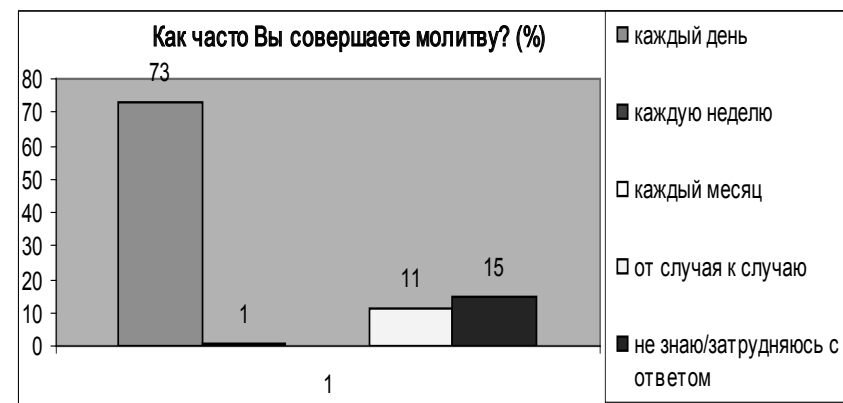
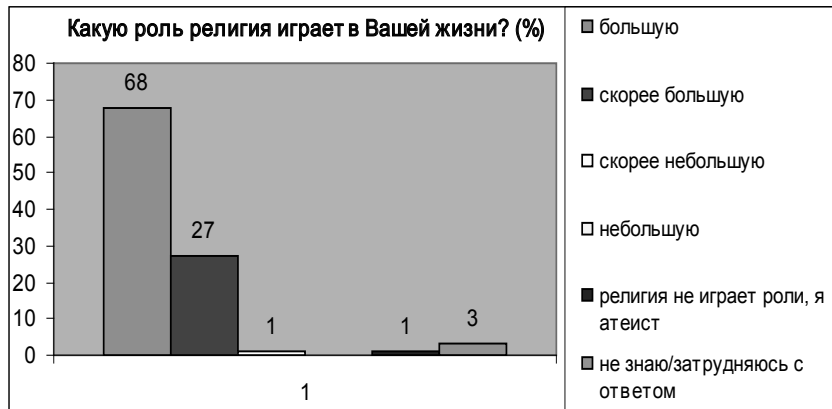
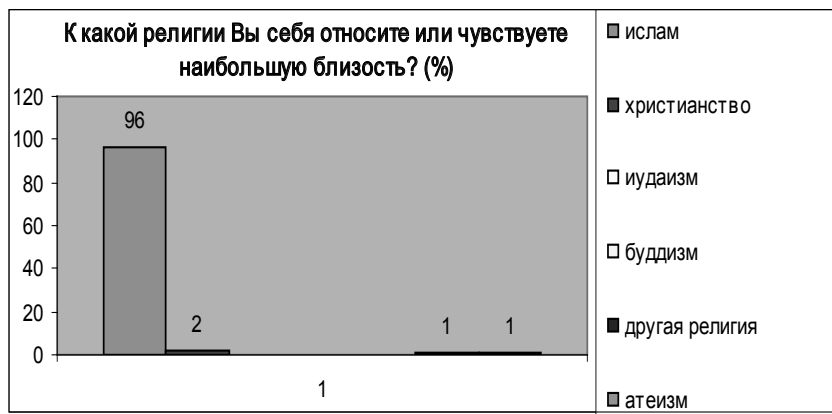
В отличие от чеченской столицы, число жителей Назрани, заявивших о своем в целом положительном отношении к христианству, существенно превысило число тех, кто относится к нему негативно. Так, 14% заявили о том, что они относятся к христианству «положительно» и 31% – «скорее положительно». Отрицательно и «скорее отрицательно» к христианству относятся соответственно 12% и 20% опрошенных. 23% не смогли дать определенный ответ на этот вопрос.

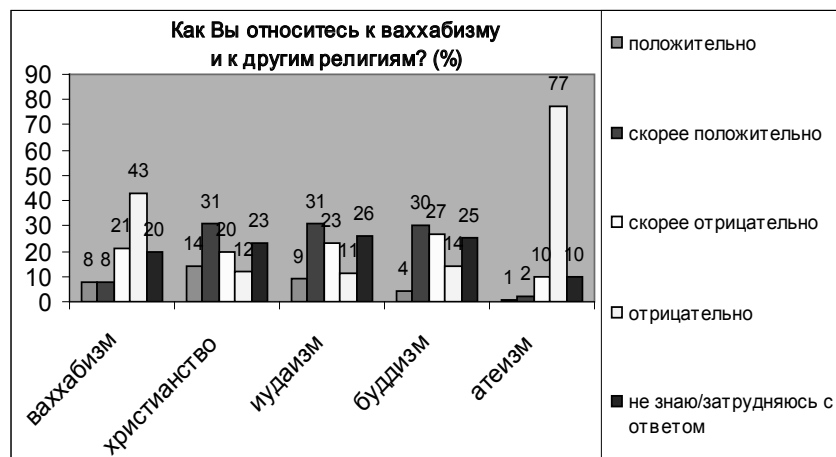
О положительном отношении к иудаизму заявили 9% опрошенных; 31% указали «скорее положительное» отношение к данной конфессии. Отрицательную оценку иудаизму высказали 11% опрошенных, при этом 23% заявили о своем «скорее отрицательном» отношении к иудаизму. Более четверти всех опрошенных (26%) затруднились с ответом на этот вопрос.

Число тех, кто положительно относится к буддизму, составило лишь 4%. «Скорее положительное» отношение к буддизму высказали 30% опрошенных. Об отрицательном и «скорее отрицательном» отношении к буддизму заявили 14% и 27% опрошенных жителей Назрани соответственно. 25% затруднились дать определенный ответ на этот вопрос.

Примечательно, что наибольшее неприятие респондентов в Назрани вызвал атеизм. Так, подавляющее большинство опрошенных (77%) указали на свое отрицательное отношение к атеизму; при этом 10%

относятся к атеизму «скорее отрицательно». Положительно и «скорее положительно» к атеизму относятся только 3% опрошенных. 10% затруднились с ответом на данный вопрос.

5. Опрос в Махачкале, Дагестан, август 2010 года: 90% опрошенных отрицательно относятся к ваххабизму; 77% удовлетворены соблюдением прав мусульман в Дагестане

Кирилл ШЕВЧЕНКО, Ислам ТЕКУШЕВ

17–25 августа 2010 года международное информационное агентство Caucasus Times, используя свою обширную корреспондентскую сеть в северокавказском регионе России, провело традиционный опрос общественного мнения в столице Дагестана Махачкале и в ближайших населенных пунктах. Данный опрос представляет особый интерес, поскольку Дагестан является не только наиболее многочисленной, но и самой пестрой в этническом и конфессиональном отношении республикой Северного Кавказа, внутривластительное положение в которой длительное время остается крайне напряженным, периодически проявляясь в актах насилия.

Главная цель опроса заключалась в выявлении степени влияния ислама на население Махачкалы, в выяснении того, насколько последовательно жители столицы Дагестана соблюдают исламские обряды, а также в выяснении мнения местных жителей по поводу степени соблюдения прав мусульман в Дагестане. Помимо этого в ходе исследования респондентам задавался отдельный вопрос об их отношении к военным акциям США и их союзников в Ираке и в Афганистане. В целом в Махачкале были опрошены 400 человек старше 16 лет, в основном это были представители наиболее многочисленных этносов Дагестана, представляющие разные половозрастные, социальные и профессиональные группы.

Как и в соседних республиках, ответы жителей Махачкалы на вопрос «к какой религии Вы себя относите или чувствуете наибольшую близость?» убедительно продемонстрировали главенствующее положение ислама в религиозной идентичности местного населения. При этом, однако, Махачкала оказалась значительно более пестрой в конфессиональном отношении, чем столицы соседней Чечни или Ингушетии. Подавляющее большинство опрошенных жителей Махачкалы (85%) заявили о том, что они являются приверженцами ислама или чувствуют к нему наибольшую близость. При этом 10% опрошенных отнесло себя к христианству, 2% – к иудаизму и 1% – к буддизму. 1% опрошенных заявили о принадлежности к атеизму, и еще 1% респондентов затруднились с ответом на данный вопрос.

Реакция опрошенных жителей Махачкалы на вопрос о том, какую роль играет религия в их жизни, выявила весьма высокую степень религиозности опрошенных. Так, 66% опрошенных махачкалинцев отметили, что религия играет большую и 26% – «скорее большую» роль в их жизни. Лишь 3% заявили, что религия играет «скорее небольшую» и только 2% – «небольшую» роль в их жизни. При этом 2% опрошенных жителей столицы Дагестана не смогли дать определенный ответ на данный вопрос.

Ответы махачкалинцев на вопрос «как часто Вы совершаете молитву?» подтвердили достаточно высокую степень религиозности местного населения. Так, почти половина опрошенных (48%) указали, что они совершают молитву каждый день и еще 10% – каждую неделю. 1% респондентов отметили, что они совершают молитву «каждый месяц». Более трети опрошенных – 35% – отметили, что они молятся «от случая к случаю». Еще 6% затруднились с ответом на этот вопрос. При этом следует отметить, что число тех, кто молится каждый день, в столице Чечни и Ингушетии оказалось существенно выше, чем в Дагестане. Так, в ходе опроса в ингушской Назрани более 70% респондентов указали, что они молятся ежедневно.

Однако при этом количество тех респондентов в Махачкале, кто регулярно посещает мечеть, оказалось существенно ниже. Так, только 5% опрошенных заявили о том, что они ходят в мечеть каждый день и 37% – каждую неделю. 11% отметили, что они посещают мечеть еже-

месячно и почти треть (31%) – «от случая к случаю». Значительное число опрошенных жителей Махачкалы – 16% – отказались от ответа или затруднились с ответом на данный вопрос.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что, как и в соседних республиках Северного Кавказа, подавляющее большинство жителей Махачкалы в целом удовлетворены соблюдением прав мусульман в своей республике. Так, по мнению половины опрошенных жителей Махачкалы (50%), права мусульман в Дагестане полностью соблюдаются; при этом еще 27% полагают, что данные права «скорее соблюдаются». Вместе с тем достаточно большое число опрошенных (11%) считают, что права мусульман не соблюдаются и 6% – «скорее не соблюдаются». 6% опрошенных затруднились дать четкий ответ на этот вопрос. Примечательно, что в соседних северокавказских республиках число тех, кто выразил неудовлетворенность соблюдением прав мусульман, оказалось значительно ниже, чем в Махачкале.

Отношение жителей Махачкалы к военным акциям США и их союзников в Ираке и в Афганистане является в основном отрицательным. Так, более половины опрошенных махачкалинцев (57%) отнеслись к данным акциям негативно и еще 24% – «скорее негативно». При этом число тех, кто высказал положительное мнение по поводу данных действий, составило лишь 1%; еще 6% опрошенных заявили о своем «скорее положительном» отношении к данным акциям. Значительное число респондентов (12%) затруднились с ответом на этот вопрос.

Ответы жителей Махачкалы на вопрос об их отношении к ваххабизму, а также к другим религиям, включая христианство, иудаизм и буддизм, представляют большой интерес, поскольку серьезно отличаются от ответов на аналогичный вопрос, полученных в столицах других республик Северного Кавказа.

Ваххабизм практически единодушно вызывает наиболее критическое отношение опрошенных. Так, 90% заявили о своей отрицательной и еще 7% – «скорее отрицательной» оценке ваххабизма. В отличие от других республик Северного Кавказа, никто из опрошенных не обнаружил ни положительного, ни даже «скорее положительного» отношения к ваххабизму. Еще 3% затруднились с ответом на данный вопрос. По-

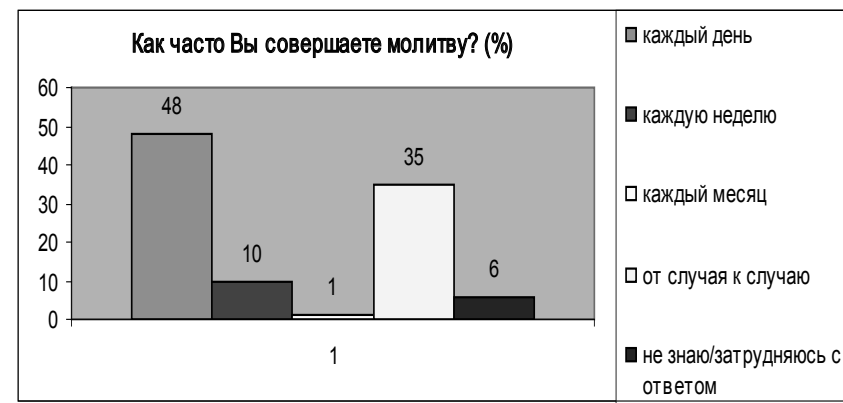
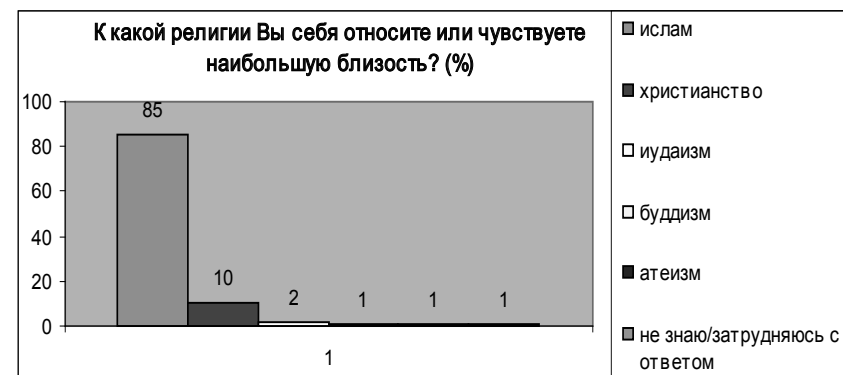
добный результат является несколько неожиданным для республики, где ваххабиты пользуются определенной популярностью среди населения. Скорее всего, столь явное нежелание признать свое положительное отношение к ваххабизму связано с определенными страхами и опасениями респондентов, которые корректировали свои ответы в ходе интервью, исходя из соображений собственной безопасности.

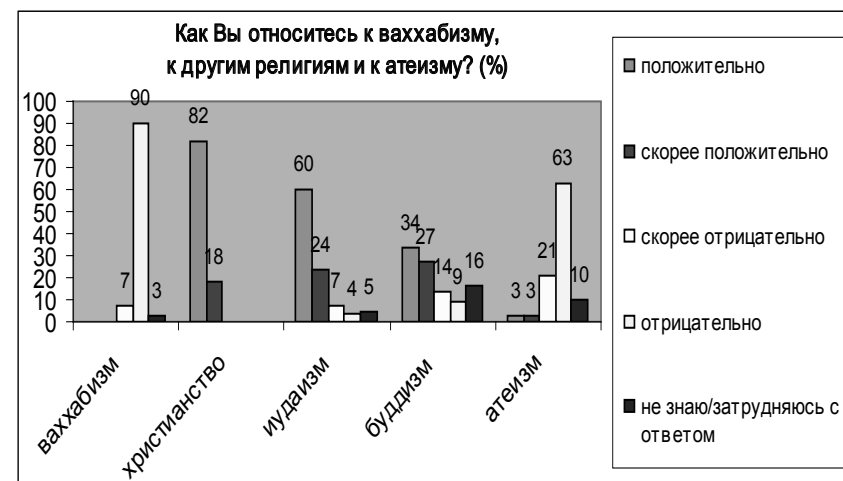
В отличие от ваххабизма, который вызывает в основном неприятие со стороны населения, к христианству отношение оказалось преимущественно положительным. Подавляющее большинство опрошенных – 82% – заявили о своем положительном и еще 18% – о «скорее положительном» отношении к христианству. Никто из опрошенных не высказался негативно в отношении христианства, что также отличает жителей Махачкалы от населения соседних Чечни и Ингушетии, где был значительный процент опрошенных настроенных негативно по отношению к христианству.

Весьма позитивным оказалось и отношение опрошенных к иудаизму. Так, о положительном отношении к иудаизму заявили 60% опрошенных; 24% указали «скорее положительное» отношение к данной конфессии. Отрицательную оценку иудаизму высказали только 4% опрошенных, еще 7% заявили о своем «скорее отрицательном» отношении к иудаизму. 5% респондентов затруднились с ответом на этот вопрос.

Число заявивших о своем положительном отношении к буддизму составило более трети всех опрошенных (34%). «Скорее положительное» отношение к буддизму высказали 27% опрошенных. Об отрицательном и «скорее отрицательном» отношении к буддизму заявили 9% и 14% опрошенных жителей Махачкалы соответственно. 16% респондентов затруднились дать определенный ответ на этот вопрос.

Как и в других северокавказских республиках, большинство опрошенных обнаружили крайне негативное отношение к атеизму. 63% указали на свое отрицательное отношение к атеизму; при этом 21% опрошенных относятся к атеизму «скорее отрицательно». Положительно и «скорее положительно» к атеизму относятся только 3% опрошенных соответственно. 10% респондентов затруднилось с ответом на данный вопрос.

6. Опрос в Черкесске, Карачаево-Черкесия, сентябрь 2010 года: 32% не удовлетворены соблюдением прав мусульман в Карачаево-Черкесии

Кирилл ШЕВЧЕНКО, Ислам ТЕКУШЕВ

20–25 сентября 2010 года информационное агентство Caucasus Times с помощью своих корреспондентов в республиках Северного Кавказа провело традиционный опрос общественного мнения в столице Карачаево-Черкесии Черкесске. Главная цель опроса заключалась в определении степени влияния ислама на население Черкесска, в выявлении мнения местного населения по поводу соблюдения прав мусульман в Карачаево-Черкесии и в определении частоты соблюдения религиозных ритуалов местным населением. Кроме того, в ходе исследования респондентам задавался отдельный вопрос об отношении населения к военным акциям США и их союзников в Ираке и в Афганистане. Всего в столице Карачаево-Черкесии были опрошены 400 человек старше 16 лет, в основном карачаевцев, черкесов и русских по национальности, представляющих разные половозрастные, социальные и профессиональные группы.

Ответы жителей Черкесска на вопрос «к какой религии Вы себя относите или чувствуете наибольшую близость?» показали, что, как и в соседних северокавказских республиках, ислам занимает доминирующее положение в иерархии идентичностей местного населения. Так, подавляющее большинство опрошенных жителей Черкесска (70%) прочно идентифицируют себя с исламом. Вместе с тем, в отличие от практически моноконфессиональных Чечни или Ингушетии, где более 90% опрошенных заявили о своей принадлежности к исламу, значительное

число респондентов в Черкесске (26%) отнесли себя к христианской конфессии. Лишь 3% опрошенных отнесли себя к атеизму. 1% опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос.

Реакция респондентов на вопрос о роли религии в их жизни продемонстрировала достаточно высокую степень религиозности жителей Черкесска. Так, более половины опрошенных жителей Черкесска (52%) отметили, что религия играет большую и 27% – «скорее большую» роль в их жизни. 12% заявили, что религия играет «скорее небольшую» и только 4% – «небольшую» роль в их жизни. 2% отметили, что религия не играет какой-либо роли в их жизни, поскольку они атеисты. При этом 3% респондентов не смогли дать определенный ответ на данный вопрос.

Отвечая на вопрос «как часто Вы совершаете молитву?», более трети опрошенных (38%) указали, что они совершают молитву каждый день и 11% – каждую неделю. 8% заявили, что они совершают молитву каждый месяц и 20% отметили, что они совершают молитву «от случая к случаю». Довольно значительное число респондентов (23%) затруднились с ответом на этот вопрос. Следует отметить, что в большинстве других республик Северного Кавказа число тех, кто заявил, что совершает молитву каждый день, оказалось существенно выше, чем в столице Карачаево-Черкесии. Так, в ингушской Назрани более 70% заявили о том, что они молятся ежедневно, что практически в два раза выше, чем в Черкесске.

Вместе с тем, подобно ситуации в других республиках Северного Кавказа, количество респондентов, регулярно посещающих мечеть, оказалось существенно ниже. Так, только 1% среди опрошенных в Черкесске заявили о посещении мечети каждый день и 9% – каждую неделю. 11% отметили, что они ходят в мечеть каждый месяц. Значительно большее число респондентов – 38% – указали, что они обычно посещают мечеть «от случая к случаю». Примечательно, однако, что большинство опрошенных жителей Черкесска – 41% – отказались от ответа или затруднились с ответом на данный вопрос.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что около половины опрошенных жителей Черкесска в целом удовлетворены соблюдением прав мусульман в республике. По мнению 20% опрошенных жителей Черкесска, права мусульман в Карачаево-Черкесии соблюдаются; еще 30%

полагают, что данные права «скорее соблюдаются». Вместе с тем почти треть опрошенных (28%) считают, что права мусульман «скорее не соблюдаются» и 4% – «не соблюдаются». 18% опрошенных затруднились дать четкий ответ на этот вопрос.

Как и в других республиках Северного Кавказа, отношение населения Черкесска к военным акциям США и их союзников в Ираке и в Афганистане оказалось преимущественно негативным. Так, 79% опрошенных отнеслись к данным акциям негативно и 18% – «скорее негативно»; при этом общее число тех, кто высказал в целом положительное мнение по поводу данных действий, составило лишь 1% опрошенных. Только 2% респондентов затруднились с ответом на данный вопрос.

Большой интерес представляют результаты ответов жителей Черкесска на вопрос об их отношении к ваххабизму и к другим религиям помимо ислама, включая христианство, иудаизм и буддизм. Данные опроса свидетельствуют о том, что жители Черкесска в своем отношении к иным религиям оказались в целом более толерантными, чем жители столицы Чечни или Ингушетии.

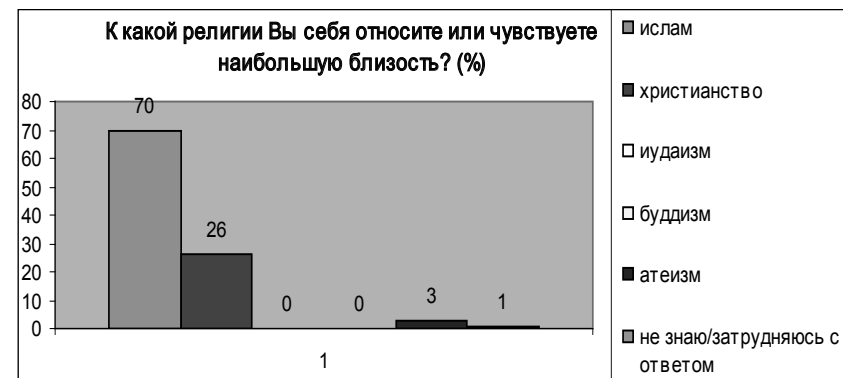
Примечательно, что из всех религий отношение к ваххабизму со стороны респондентов оказалось наиболее критическим. Так, 34% заявили о своей отрицательной и 20% – «скорее отрицательной» оценке ваххабизма. Вместе с тем весьма высокое число опрошенных отозвалось о ваххабизме благожелательно; из них 22% заявили о своем положительном и 20% – «скорее положительном» отношении к ваххабизму. 4% затруднились с ответом на этот вопрос. Ответы, касающиеся отношения жителей Черкесска к ваххабизму, могут свидетельствовать о существовании серьезных противоречий и потенциальной раздвоенности общественного мнения республики в данном вопросе.

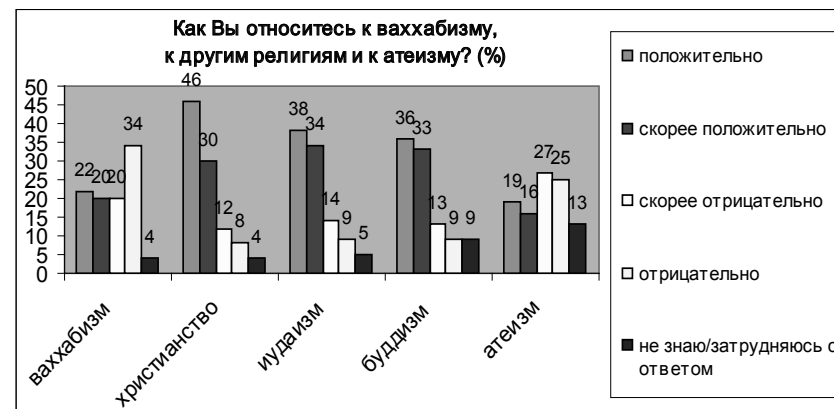
Число жителей Черкесска, заявивших о своем в целом положительном отношении к христианству, существенно превысило число тех, кто относится к нему негативно. Так, 46% заявили о том, что они относятся к христианству «положительно» и 30% – «скорее положительно». Отрицательно и «скорее отрицательно» к христианству относятся соответственно 8% и 12% опрошенных. 4% не смогли дать определенный ответ на этот вопрос.

О положительном отношении к иудаизму заявили 38% опрошенных; еще 34% указали «скорее положительное» отношение к данной конфессии. Отрицательную оценку иудаизму высказали 9% опрошенных, при этом 14% заявили о своем «скорее отрицательном» отношении к иудаизму. 5% опрошенных затруднились с ответом на этот вопрос.

Число тех, кто положительно относится к буддизму, составило 36%. «Скорее положительное» отношение к буддизму высказали 33% опрошенных. Об отрицательном и «скорее отрицательном» отношении к буддизму заявили 9% и 13% опрошенных жителей Черкесска соответственно. 9% респондентов затруднились дать определенный ответ на этот вопрос.

Высокий уровень неприятия у респондентов в Черкесске вызвал атеизм. Так, 25% опрошенных указали на свое отрицательное отношение к атеизму; при этом 27% относятся к атеизму «скорее отрицательно». Положительно и «скорее положительно» к атеизму относятся 19%, и 16% опрошенных соответственно. 13% затруднились с ответом на данный вопрос.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исламский фактор и судьба Северного Кавказа: некоторые итоги

Кирилл ШЕВЧЕНКО, Ислам ТЕКУШЕВ

В настоящее время весь Северный Кавказ окончательно превратился в колоссальный gordiev узел различных проблем, начиная с проблем социально-экономического характера и заканчивая проблемами этнонационализма и религиозного экстремизма. Однако в последнее время в число самых острых проблем региона уверенно встает проблема исламского радикализма, рост которого обусловлен как неутешительными социально-экономическими реалиями Северного Кавказа, так и продолжающимся мировоззренческим вакуумом и кризисом идентичности местного населения, а также тем обстоятельством, что именно ислам стал основным инструментом консолидации оппозиционных сил и орудием борьбы антироссийского подполья в северокавказском регионе.

Эксперты по Северному Кавказу едины в том, что если в самом начале 1990-х годов сразу после распада СССР на Северном Кавказе безраздельно господствовали лозунги этнического национализма, то в конце 1990-х – начале 2000-х годов им на смену пришли идеи радикального ислама. По словам С. Маркедонова, «в начале 1990-х годов в северокавказском регионе доминировали этнонационализм и идея этнического самоопределения... Во второй половине 1990-х годов этнонационализм уступает место лозунгам “чистоты ислама”».

Причина данного явления состоит в том, что «радикальные исламисты тонко чувствуют настроения масс в бедных, полиэтничных, коррумпированных и этнократизированных обществах, лишенных порядка, справедливости, единства, – полагают В. Дегоев и Р. Ибрагимов. – Преимущество ваххабитов в том, что у них есть своя четкая программа воплощения в жизнь этих идеалов. Она проста до предела: формирование духовной наднациональной идентичности, основанной на высоких заповедях “чистого” ислама и противопоставленной сонму человеческих и социальных пороков, национализму, расколу, беспорядку, с одной стороны, и российскому светскому и иноверческому присутствию как олицетворению всего этого, – с другой. В условиях отсутствия у Кремля хотя бы сопоставимого по силе морального воздействия контрпроекта ваххабитские идеи стремительно овладевают умами...»⁸

В практической сфере данные процессы нашли свое выражение в движении военных джамаатов, которые оформились в самопровозглашенное государство Имарат Кавказ, что, по мнению М. Рощина, «логично вписывается в общую структуру международного сетевого сообщества радикальных мусульман и является долговременным фактором дестабилизации в этой части России».

Деятельность различных джихадистских структур, всё увереннее образующих параллельную систему власти в северокавказских республиках, с их лозунгом «чистоты ислама» и освобождения всего Северного Кавказа от «неверных», оказывает всё более заметное влияние на умонастроения народов северокавказских республик. Так, опросы общественного мнения в столицах республик Северного Кавказа показывают, что значительная часть населения недовольна соблюдением прав мусульман в их республиках. Если в целом на Северном Кавказе число тех, кто считает, что права мусульман не соблюдаются или «скорее не соблюдаются», составляет 24%, то в столице Кабардино-Балкарии Нальчике это число составляет 36%, а в столице Карачаево-Черкесии Черкесске – 32%. Примечательно, что в республиках Западного Кавка-

⁸ Дегоев В., Ибрагимов Р. «Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию». М., 2006. С. 80.

за число недовольных соблюдением прав мусульман серьезно превышает количество недовольных в республиках Восточного Кавказа. Так, в Дагестане общее число тех, кто считает, что права мусульман в их республике не соблюдаются или «скорее не соблюдаются», составило 17%, а в соседней Чечне – 19% (см. таблицу 2).

	да	скорее да	скорее нет	нет	не знаю
Кабардино-Балкария	13	35	31	5	16
Чечня	54	25	10	9	2
Ингушетия	63	17	8	5	7
Дагестан	50	27	6	11	6
Карачаево-Черкесия	20	30	28	4	18
ВСЕГО	40	27	17	7	9

Любопытно и то обстоятельство, что отношение к ваххабизму в западной части Северного Кавказа оказалось значительно более терпимым и благожелательным, чем в восточной части. О положительном и «скорее положительном» отношении к ваххабизму заявили 39% опрошенных в столице Кабардино-Балкарии Нальчике и 42% в столице Карачаево-Черкесии Черкесске, тогда как в столице Чечни Грозном это число составило 9% опрошенных, а в дагестанской Махачкале никто из опрошенных не заявил о своем позитивном отношении к ваххабизму (см. таблицу 3).

Столь низкий процент тех, кто декларирует положительное отношение к ваххабизму в восточной части Северного Кавказа, может объясняться как личным негативным опытом взаимодействия с ваххабитами, так и определенной самоцензурой и опасениями говорить правду при ответе на вопросы в ходе интервью. В любом случае очевидно, что идеи ваххабизма имеют устойчивый круг сторонников. Более того, опросы наглядно свидетельствуют о том, что социальная база для распространения идей ваххабизма в последние годы серьезно расширилась в республиках Западного Кавказа, где степень влияния ислама традиционно значительно ниже, чем в исторически более исламизированном

Дагестане или в Чечне.

	положительно	скорее положительно	скорее отрицательно	отрицательно	не знаю
Кабардино-Балкария	20	19	22	39	0
Чечня	0	9	24	62	4
Ингушетия	8	8	21	43	20
Дагестан	0	0	7	90	3
Карачаево-Черкесия	22	20	20	34	4
ВСЕГО	10	11	19	54	6

Большой интерес представляют и ответы респондентов на вопрос об их отношении к другим религиям в северокавказском регионе, прежде всего к христианству. Именно здесь отчетливо проявились весомые различия в степени толерантности местного населения в отношении представителей иной конфессии. Так, если о своем положительном отношении к христианству заявили 82% опрошенных в Дагестане, 48% – в Кабардино-Балкарии и 46% – в Карачаево-Черкесии, то в Чечне число тех, кто относится к христианству положительно, ограничилось лишь 7% опрошенных. При этом количество заявивших о своем отрицательном отношении к христианству составило в Чечне почти половину опрошенных (44%), значительно превысив аналогичный показатель в других северокавказских республиках. В целом по Северному Кавказу о своем положительном отношении к христианству заявили 39% респондентов, что существенно превысило число тех, кто относится к христианству отрицательно – 14% (см. таблицу 4).

ТАБЛИЦА 4
КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ХРИСТИАНСТВУ? (%)

	положи- тельно	скорее положи- тельно	скорее отрицательно	отрица- тельно	не знаю
Кабардино-Балкария	48	30	10	6	6
Чечня	7	20	17	44	12
Ингушетия	14	31	20	12	23
Дагестан	82	18	0	0	0
Карачаево-Черкесия	46	30	12	8	4
ВСЕГО	39	26	12	14	9

Сценарий дальнейшего развития ситуации на Северном Кавказе зависит от целого ряда факторов. Прежде всего это способность федеральных и региональных властей выдвинуть и реализовать на практике внятную, дееспособную и притягательную для населения программу, способную стабилизировать обстановку в регионе и нейтрализовать действия идеологов исламского радикализма и руководителей Имарата Кавказ. Часть экспертов, в том числе директор Пражской школы журналистики М. Темиров, полагают, что в условиях отсутствия внятной и адекватной политики федерального центра на Северном Кавказе тут постепенно происходит «конструирование завтрашнего дня Кавказа, то есть Кавказа без России».

Другие эксперты придерживаются прямо противоположной точки зрения, считая, что «нет безукоризненно доказательных аргументов в пользу версии о закономерной и неумолимой исторической эволюции, которая <...> обрекает Россию и Северный Кавказ на расставание»⁹. Сторонники данной точки зрения подчеркивают, что несмотря на ряд проблем, «Россия является домом для многих кавказских народов, диаспоры которых играют важную роль в общественно-политической жизни страны. Многонациональность России была, есть и будет ее достоинством и богатством, и вклад в это Кавказа трудно переоценить...»¹⁰.

9 Дегоев В., Ибрагимов Р. Указ. соч. С. 5.

10 Волхонский М., Муханов В. «Россия на Кавказе. Пять веков истории». М., 2009. С. 5.

Обе точки зрения имеют право на существование, располагают солидной доказательной базой и опираются на весомые аргументы. Развитие ситуации на Северном Кавказе в ближайшие годы покажет, кто из экспертов прав в этом споре, и останется ли Россия «домом» для кавказских народов.

По удачному выражению С. Маркедонова, прошедший 2010 год стал еще одним годом «между нестабильным прошлым и неясным будущим» Северного Кавказа. Хочется надеяться, что материалы, представленные в данной книге, сделают контуры «неясного будущего» Северного Кавказа чуть более отчетливыми и определенными, способствуя укреплению мира и стабильности в северокавказском регионе.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

КАЖАРОВ АЛЬБЕРТ, кандидат политических наук, сенатор в Совете Федерации России от Кабардино-Балкарии.

ЛУНКИН РОМАН, кандидат философских наук, директор Института религии и права, старший научный сотрудник Института Европы Российской академии наук (Москва).

МАРКЕДОНОВ СЕРГЕЙ, кандидат исторических наук, приглашенный научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон).

МУКОЖЕВ АРСЕН, начальник отдела Государственного комитета Кабардино-Балкарии по делам молодежи и общественных организаций.

РОЩИН МИХАИЛ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения Российской академии наук (Москва).

ТЕКУШЕВ ИСЛАМ, журналист, социолог, директор информационного агентства Medium Orient, главный редактор сайта www.caucasustimes.com (Прага).

ТЕМИРОВ МУРАТ, директор Международной школы журналистики (Прага).

ЧЕРНИЕНКО ТАРАС, руководитель Института диалога цивилизаций, Санкт-Петербург.

ФИЛАТОВ СЕРГЕЙ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения Российской академии наук (Москва), руководитель исследовательского проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России».

ШЕВЧЕНКО КИРИЛЛ, доктор исторических наук, сотрудник Центра российского образования в Чехии (Прага).

ПУБЛИКАЦИИ MEDIUM-ORIENT

Северный Кавказ взгляд изнутри.
Прага, 2007

Северный Кавказ в год выборов.
Прага, 2008

Коррупция на Северном Кавказе.
Прага, 2009

www.caucasustimes.com